

ISSN 0236-6864

№ 6 (25) 1991

Цена 2 руб.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЕЖЕМЕСЯЧНИК МОСКОВСКОЙ ШТАБ-КВАРТИРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ «ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА» (МАДПР)

НА ЧЬЕЙ СОВЕСТИ КРЕСТ?

Владимир
ЦВЕТОВ.
Провал
операции
«Медведь»
с. 20

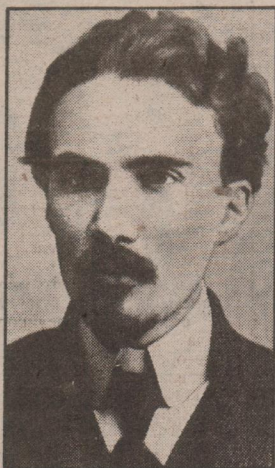
Маньяк
выходит
на охоту
с. 4

Советские
агенты
в американском
атомном
центре
с. 12

УБИЙЦА ЕЩЕ НЕ НАЙДЕН

Почти год назад был убит
отец Александр Мень.
С тех пор следствие
не продвинулось ни на шаг.
Будет ли найден убийца?
Читайте с. 16

Георгий ФЕДОТОВ

Имя Георгия Петровича Федотова — глубокого философа культуры, тонкого историка, блистательного публициста — мало пока известно отечественному читателю. Его главные книги и статьи выходили за границей, где Г. П. Федотов оказался в середине 20-х годов, не сумев приспособиться к новым условиям жизни на родине. Но покинутая Россия и в эмиграции не отпускала его: прошлые века ее истории, бед и успехи настоящего, социальная и духовная судьба ее будущего стали ведущими темами его творчества. Всю жизнь он с болью и надеждой вглядывался в меняющуюся «лицо России» (так называлась одна из первых статей, написанных им после 1917 года в страстном стремлении понять: «Что умерло без остатка? Что замерло в анабиозе? Что относится к исторически изношенным одеждам России и что к самой ее душе и телу, без которых Россия не Россия?»). Постоянная душевная обращенность к родине, помноженная на обширную философско-историческую эрудицию и прирожденный литературный дар, сделал Г. П. Федотова одним из самых интересных и острых мыслителей первой русской эмиграции, чутким наблюдателем и аналитиком дореволюционных процессов. Сегодня, когда после долголетнего перерыва забрезжила возможность непредвзятого обсуждения нашего исторического пути среди культурной разногласицы, прежде недоступной и неведомой широкому читателю, равнодушная мысль Федотова должна занять свое законное место.

Вадим БОРИСОВ

Многие с удивлением узнают сейчас, что великороссов в СССР числится всего 4 процента. И это слабое большинство сейчас же становится меньшинством, когда мы мысленно прилажем к России оторвавшиеся от нее западные области. Мы как-то проморгали тот факт, что величайшая империя Европы и Азия строилась национальным меньшинством, которое свою культуру и свою государственную волю налагало на целый этнографический материк. Мы говорим со справедливой гордостью, что эта гегемония России почти для всех (только не западных) ее народов была счастливой судьбой, что она дала им возможность приобщиться к всечеловеческой культуре, какой являлась культура русская. Но подрастающие дети, усыновленные нами, не хотят знать вскормившей их школы и тянутся кто куда — к западу и к востоку, к Польше, Турции или к интернациональному геометрическому месту — то есть к духовному небытию.

Поразительно: среди стольких шумных, крикливых голосов один великоросс не подает признаков жизни. Он жалует на все: на голод, бесправие, тьму, только одного не ведаст, к одному глух — к опасности, угрожающей его национальному бытию.

Вдумываясь в причину этого странного омертвения, мы начинаем отдавать себе отчет в том, насколько глубок корень болезни. В ней одинаково повинны три главные силы, составлявшие русское общество в эпоху империи: так называемая интеллигенция, власть и народ. Для интеллигенции русской, то есть для господствовавшего западнического крыла, национальная идея была отравительна своей исторической связью с самодержавной властью. Все национальное отзывалось реакцией, вызвало ассоциацию насилия или официальной лжи. Для целых поколений «патриот» было бранное слово. Вопросы общественной справедливости заглушали смысл национальной жизни. Национальная мысль стала монополией правых партий, поддерживаемых правительством. Но что сделали с ней наследники славянофилов? Русская национальная идея, вдохновлявшая некогда Аксаковых, Киреевских, Достоевского, в последние десятилетия необычайно огрубела. Эпигоны славянофильства совершенно забыли о положительном творческом ее содержании. Они были заигноризированы голой силой, за которой упустили нравственную идею. Национализм русский выражался главным образом в бесцельной травле малых народностей, в ущемлении их законных духовных потребностей, создавая России все новых и новых врагов. И наконец, народ — народ, который столько веков с героическим терпением держал на своей спине тяжесть империи, — вдруг отказался защищать ее. Если нужно назвать один факт — один, но ОСНОВНОЙ, из многих слагаемых русской революции, — то вот он: на третий год мировой войны русский народ потерял силы и терпение и отказался защищать Россию. Не только потерял понимание цели войны (едва ли он понимал ее и раньше), но потерял сознание нужности России. Ему уже ничего не жаль: ни Белоруссии, ни Украины, ни Кавказа. Пусть берут, делай, кто хочет. «Мы рязанские». Таков итог векового выветривания национального сознания. Несомненно, что в Московской Руси народ национальным сознанием обладал. Об этом свидетельствуют хотя бы его исторические песни. Он ясно ощущает и тело Русской земли и ее врагов. Ее исторические судьбы, сливавшиеся для него с религиозным призванием, были ясны и понятны. В Петровской империи народ уже не понимает ничего. Самые географические пределы ее стали недоступны его воображению. А международная политика? Ее сложность, чуждость ее задач прекрасно выразились в одной солдатской песне XVIII века:

Пишет, пишет король прусский
Государяне французской
Мекленбургское письмо.

Крепостное рабство, воздвигшее стену между народом и государством, заменившее для народа национальный долг частным хозяйственным игом, завершили разложение политического сознания. Уже крестьянские бунты в Отечественную войну 1812 года были грозным

Публикуется с некоторыми сокращениями.

предвестником. Религиозная идея православного царя могла подвигнуть народ на величайшие жертвы, на чудеса пассивного героизма. Но государственный смысл этих жертв был ему недоступен. Падение парской идеи повлекло за собой падение идеи русской. Русский народ распался, расплылся на зернышки деревенских мирков, из которых чужая сила, властная и жестокая, могла строить любое государство, в своем стиле и вкусе.

Итак, каждая из трех русских общественных сил несет вину — или долю вины — за национальное крушение.

К этим разлагающим силам присоединилось медленное действие «одного исторического явления, протекавшего помимо сознания и воли людей и почти ускользнувшего от нашего внимания. Я имею в виду отлив сил, материальных и духовных, от великорусского центра на окраины Империи. За XIX век росли и богатели, наполнялись пришлоим населением Новороссия, Кавказ, Сибирь. И вместе с тем крестьянство центральных губерний разорялось, вырождалось духовно и заставляло экономистов говорить об «оскудении центра». Великороссия хирела, отдавая свою кровь окраинам, которые воображают теперь, что она их эксплуатировала. Самое тревожное заключалось в том, что параллельно с хозяйственным процессом шел отлив и духовных сил от старых центров русской жизни. Легче всего следить за этим явлением по литературе. Если составить литературную карту России, отмечая на ней родины писателей или места действия их произведений (романов), то мы поразимся, как слабо будет представлен на этой карте русский Север, весь замосковский край — тот край, что создал великорусское государство, что хранит в себе живую память Святой Руси.

большинстве случаев и вызванными к жизни оплодотворяющим воздействием культуры русской. В-третьих, национальная политика старой России, тягая для западных, культурных (ныне оторвавшихся) ее окраин — для Польши, для Финляндии, — была в общем справедлива, благотворна на Востоке. Восток легко примирился с властью Белого царя, который не ломал насильственно его старины, не оскорблял его веры и давал ему место в просторном русском доме.

Из оставшихся в России народов прямая ненависть к великороссам встречается только у наших кровных братьев — малороссов, или украинцев. (И это самый болезненный вопрос новой России.) В-четвертых, большинство народов, населяющих Россию, как островки в русском море, не могут существовать отдельно от нее; другие, отделившись, неминуемо погибнут, поглощенные соседями. Там, где, как на Кавказе, живут десятки племен, раздираемых взаимной враждой, только справедливая рука суперарбитра может предотвратить кровавый взрыв, в котором неминуемо погибнут все ростки новой национальной жизни. Что касается Украины, то для нее роковым является соседство Польши, с которой ее связывают вековые исторические цепи. Украине объективно придется выбрать между Польшей и Россией, и отчасти от нас зависит, чтобы выбор был сделан не против старой общей родины. И наконец, в-пятых, за нас действуют еще старые экономические связи, создающие из бывшей Империи, из нынешнего СССР, единый хозяйственный организм. Разрыв его, конечно, возможен (пример: та же Австрия), но мучителен для всех участников хозяйственного общения. Силы экономической инерции действуют в пользу России.

ВЫЖИЛИ

Русская классическая литература XIX века — литература Черноземного края, лишь с XVI—XVII веков отвоєванного у степных чочевников. Тамбовские, пензенские, орловские поля для нас стали самыми русскими в России. Но как бедны эти места историческими воспоминаниями. Это деревянная, соломенная Русь, в ней ежегодные пожары сметают скучную память о прошлом. Здесь всего скорее исчезают старые обычаи, песни, костюмы. Здесь нет этнографического сопротивления разлагающим модам городской цивилизации. С начала XX века литература русская бросает и Черноземный край, оскудевший вместе с упадком дворянского землевладения. Выдвигается Новороссийская окраина, Одесса, Крым, Кавказ. Нижнее Поволжье. Одесса, полуеврейский город, создает целую литературную школу.

До сих пор мы говорили об опасностях. Что можно противопоставить им, кроме нашей веры в Россию? Есть объективные факты, точки опоры для нашей национальной работы — правда, не более чем точки опоры, ибо без работы, скажу больше, без подвига России нам не спасти.

Вот эти всем известные факты. Россия не Австрия и не старая Турция, где малая численно народность командовала над чужеродным большинством. И если Россия, с культурным ростом малых народностей, не может быть национальным монолитом, подобным Франции или Германии, то у великорусской народности есть гораздо более мощный этнический базис, чем у австрийских немцев; во-вторых, эта народность не только не уступает культурно другим, подвластным (случай Турции), но является носительницей единственной великой культуры на территории государства. Остальные культуры, переживающие сейчас эру шовинистического угара — говоря совершенно объективно, — являются явлениями провинциального порядка, в

Сумеет ли мы воспользоваться этими благоприятными шансами, это зависит уже от нас, то есть прежде всего от новых поколений, которые вступают в жизнь там, в Советской России, и в меньшей степени здесь, в изгнании.

И не буду останавливаться здесь на политических условиях, совершенно бесспорных, русского возрождения. Таким неперемным условием является создание национальной власти в России. Замечу лишь в скобках, что момент падения коммунистической диктатуры, освобождающая национальные силы России, в то же время является и моментом величайшей опасности. Оно, несомненно, развяжет подавленные ныне сепаратистские тенденции некоторых народов России, которые попытаются воспользоваться революцией для отторжения от России, опираясь на поддержку ее внешних врагов. Благополучный исход кризиса зависит от силы новой власти, ее политической зрелости и свободы от иностранного давления.

Здесь я остановлюсь лишь на духовной стороне нашей работы, на той, которая выпадает по преимуществу на долю интеллигенции. Говоря кратко, эта задача в том, чтобы будить в себе, растить и осмысливать, «возгревать» национальное сознание.

Наша эпоха уже не знает бессознательно-органической стихии народа. Эти источники культуры почти иссякли, эта «земля» перепахана и выпажана. И русский народ вступил в полосу рационализма, верит в книжку, в печатное слово, формирует (или уродует) свой облик с детских лет в школе, в обстановке искусственной культуры. Оттого так безмерно вырастает влияние интеллигенции (даже низшей по качеству, даже журналистики); оттого-то удаются и воплощаются в историческую жизнь не-

выс, «умышленные», созданные интеллигенцией народы. Интеллигенция творит эти народы, так сказать, «по памяти»: собирая, оживляя давно умершие исторические воспоминания, воскрешая этнографический быт. Если школа и газета, с одной стороны, оказываются проводниками нивелирующей, разлагающей, космополитической культуры, то они же могут служить и уже служат орудием культуры творческой, национальной. Мы должны лишь выйти из своей беспечности и взять пример с кипучей и страстной работы малых народов, работы их интеллигенции, из ничего или почти из ничего кующей национальные традиции. Наша традиция богата и славна, но она забылась, потускнела в сознании последних поколений. Для одних затмилась прелестью Запада, для других — официальным и ложным образом России, для которого в искусстве — и не только в искусстве — типичен псевдорусский стиль Александра III. Мы должны изучать Россию, лю-

искусство, их верования и быт. И прежде всего мы должны знать Великороссию. Наше национальное сознание должно быть сложным, в соответствии со сложной проблемой новой России (примитив губителен). Это сознание должно быть одновременно великорусским, русским и российским. Я говорю здесь, обращаясь преимущественно к великороссам. Для малороссов, или украинцев, не потерявших сознание своей русскости, эта формула получит следующий вид: малорусское, русское, российское. После всего, сказанного выше, ясна повелительная необходимость оживления, воскрешения Великороссии. Всякий взгляд в историческое прошлое России, всякое паломничество по ее следам приводят нас в Великороссию, на ее север, где и поныне белеют стены великих монастырей, хранящих дивной красоты росписи, богословское «умозрение в красках», где в лесной глуши сохраняются и старинная утварь, и старинные поверья,

сти. Белое море и его промыслы обещают возрождение целому краю при научном использовании его богатств. Московский промысленный район (здесь: Ярославль, Кострома) устоял в испытании революции. На этой земле Святая Русь, святая старина бок о бок соседствует с современными мануфактурами, рабочие поселки — с обителями учеников преп. Сергия, своим соседством вызывая часто ощущение болезненного противоречия, но вместе с тем конкретно ставя перед нами насущную задачу нашего будущего: одухотворения православием технической природы современности. Русский Север, Святая Русь в полноте своей жизни открывают свои сокровища, конечно, лишь православному взору. только для него подлинно живет и древняя икона, и народная песня, и даже вещественный осколок уходящего быта. Но, конечно, работа найдется и для неверующего, но любящего исследователя. Здесь понадобятся целые плеяды этно-

знания. Южнорусское (малорусское) племя было первым создателем Русского государства, заложило основы нашей национальной культуры и себя самого всегда именovalo Русским (до конца XIX века). Его судьба во многом зависит от того, будем ли мы (т. е. великороссы) сознавать его близость или отталкиваться от него, как от чужого. В последнем случае мы неизбежно его потеряем. Мы должны признать и неперестанно ощущать свои не только киевские летописи и мозаики киевских церквей, но и украинское барокко, столь привившееся в Москве, и Киевскую академию, воспитавшую Русскую церковь, и Шевченко за то, что у него много общего с Гоголем, и украинскую песню, младшую сестру песни великорусской. Эта задача — приоткрыть малорусские традиции в общерусскую культуру — прежде всего выпадает на долю южнорусских уроженцев, сохранивших верность России и любовь к Украине. Отдавая свои творческие силы Великороссии, мы должны уделить и Малой (древней Матери нашей) России частичку сердца и понимания ее особого культурно-исторического пути. В борьбе с политическим самостийничеством, в обороне русской идеи и русского дела на Украине нельзя смешивать русское дело с великорусским и глушить ростки тоже русской (т. е. малорусской) культуры. Та же самая русская идея на севере требует от нас некоторого сужения, краеведческого, областного, углубления, на юге — расширения, выхода за границу привычных нам великорусских форм.

И здесь, на охране единства Великой и Малой России, самой прочной связью между ними была и остается вера. Пусть разъединяет язык, разъединяет память и имя Москвы — соединят Киевские святыни и монастыри Святой Руси. До тех пор пока не сделан непоправимый шаг и народ малорусский не ввергнут в унию или другую форму католизирующего христианства, мы не утратим нашего братства. Разрываемые националистическими (и в то же время вульгарно-западническими) потоками идей, мы должны соединяться в религиозном возрождении. И сейчас подлинно живые религиозные силы Украины от Русской церкви себя не отделяют. От русского — к российскому, Россия не Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси. И народы эти уже не безгласны, но стремятся заглушить друг друга гулом нестройных голосов. Для многих из нас это все еще непривычно, мы с этим не можем примириться. Если не примиримся — то есть с многоголосностью, а не с нестройностью, то и останемся в одной Великороссии, то есть России существовать не будет. Мы должны показать миру (после крушения стольких империй), что задача империи, то есть сверхнационального государства, разрешима. Более того — когда мир, устав от кровавого хаоса мелкоплеменной чересполосицы, востоскует об единстве, как предпосылке великой культуры, Россия должна дать образец, форму мирного сотрудничества народов, не под гнетом, а под водительством великой нации. Задача политиков — найти гибкие, но твердые формы этой связи, обеспечивающей каждой народности свободу развития в меру сил и зрелости. Задача культурных работников, каждого русского, в том, чтобы расширить свое русское сознание (без ущерба для его «русскости») в сознание российское. Это значит воскресить в нем в какой-то мере духовный облик всех народов России. То в них ценно, что вечно, что может найти место в теле Вселенской церкви. Всякое дело, творимое малым народом, как бы крошечное оно ни было, всякое малое слово должно вложиться в русскую славу, в дело России. В наш век национальные самолюбия значат порою больше национальных интересов. Пусть каждый маленький народ, то есть его интеллигенция, не только не чувствует унижения от соприкосновения с национальным сознанием русских (великороссов), но и находит у него помощь и содействие своему национально-культурному делу. Было бы вреднейшей ошибкой презрительно отмахнуться от этих шовинистических интеллигенций и через головы их разговаривать с народом. Многие думают у нас сыграть на экономических интересах масс против «искусственных» национальных претензий интеллигенции. Рано или поздно народ весь будет интелли-

НАША ИЛИ СУЩЕСТВОВАТЬ?

бовно вглядываться в ее черты, вырывать ее в земле закопанные клады. Мы должны знать ее историю, любить ее героев, ценить и самые древние памятники ее литературы (первыми у нас никто не интересовался), особенно — ее искусство. Это великое искусство было открыто незадолго до войны. Огромное большинство русской интеллигенции не имеет до сих пор понятия о его существовании. Но в нем дана объективная, говорящая и внешнему миру мера русского гения. Мы должны читать и уметь различать в иконописном житии живые лики русских святых, которые несут нам свои заветы, свое национальное, понимание вечного христианства. Понять эти заветы не всегда легко, и мало кто задумывается над этим. Мы должны читать и героев — строителей нашей земли, ее князей, царей и граждан, изучая летописи их борьбы, их трудов, участь на самых их ошибках и падениях, не в рабском подражании, но в свободном творчестве вдохновляясь подвигом предков. Мы должны знать живую Россию, ее природу, жизнь ее народов, их труд, их

и даже былинная поэзия, старинные города (Углич, Вологда), древние монастыри (Кириллов, Ферапонтов) должны стать национальными музеями, центрами научно-художественных экскурсий для всей России. Работа изучения святой древности, ведущаяся и в большевистской России, должна продолжаться с неослабевающей ревностью, вовлекая, захватывая своим энтузиазмом все народы России. Пусть не для нас одних русский Север станет страной святых чудес, священной землей, подобно Древней Элладе или средневековой Италии, зовущей пилигримов со всех концов земли. Для нас, русских и христиан, эта земля чудес вдвойне священна: почти каждая волею ее хранит память о подвижнике, спасавшемся в лесном безмолвии, о воине Сергеевой рати, молитвами державшей и спасавшей страдальческую Русь. Но русский Север не только музей, не только священное кладбище. По счастью, жизнь не покинула его. Его население — немногочисленное — крепко, трудолюбиво и зажиточно. Перед ним большие экономические возможно-

графов, искусствоведов, бытописателей — собирателей материалов. Самая работа над памятниками религиозной культуры не проходит даром для религиозного роста личности. Но лишь живой вере суждено построить из камней культуры храм живого духа. **О** т великоросского — к русскому. Это, прежде всего, проблема Украины. Проблема слишком сложная, чтобы здесь можно было коснуться ее более чем намеками. Но от правильного решения ее зависит самое будущее России. Задача эта для нас формулируется так: не только удержать Украину в теле России, но встроить и украинскую культуру в культуру русскую. Мы присутствуем при бурном и чрезвычайно опасном для нас процессе — зарождении нового украинского национального сознания, в сущности, новой нации. Она еще не родилась окончательно, и ее судьбы еще не предопределены. Убить ее невозможно, но можно работать над тем, чтобы ее самосознание утверждало себя как особую форму русского самосо-

генцией, и презрение к его духовным потребностям отомстит за себя. Конечно, духовные потребности приходится отличать от политических притязаний: в титуле московских Царей и Императоров всероссийских развевались длинный свиток народов, подвластных их державе. Многоплеменность, многозвучность России не умаляла, но повышала ее славу. Национальное сознание новых народов Европы в этом отношении не разделяет гордости монархов, но Россия не может равняться с Францией или Германией: у нее особое призвание. Россия — не нация, но целый мир. Не разрывая своего призвания, сверхнационального, материнского, она погибнет — как Россия.

Объединение народов России не может твориться силой только религиозной идеи. Здесь верования не соединяют, а разъединяют нас. Но духовным притяжением для народов была и останется русская культура. Через нее они приобщаются к мировой цивилизации. Так это было в Петербургский период Империи, так это должно остаться. Если народы России будут учиться не в Москве, не в Петербурге, а в Париже и в Берлине, тогда они не останутся с нами. На русскую интеллигенцию ложится тяжелая ответственность: не сдать своих культурных высот, идти неустанно, без отдыха, все к новым и новым достижениям. Уже не только для себя, для удовлетворения культурной жажды или профессиональных интересов, но и для национального дела России. Здесь не важна сама по себе культурная отрасль, профессия — России нужны ученые и техники, учителя и воины. Для всех один закон: квалификация, ее непрерывный рост в труде и подвижничестве.

Время для нас грозное, тяжелое. Бесчисленные народы России рвутся к свету, культуре. Среди всех только великорусская интеллигенция, придавленная, разрезанная искусственно, вытесняется с пути национального творчества... Молодое поколение варваризуется и в России и в зарубежье. Для него подчас кажется, не под силу поднять культурную ношу отцов. Но надо не только поднять ее, но и нести дальше и выше, чем умели отцы. Ибо голое время звучит неумолимо: «Всякое промедление — смерти подобно», — как говаривал Петр Великий. Наши творческие силы еще не иссякли. Мы верим в наше призвание, не миримся с мыслью о гибели. Нам нужна лишь школа аскезы — культурной, творческой аскезы, без которой не создаются ни духовные, ни материальные ценности культуры.

Последние слова к христианам, к православным. Нельзя, разумеется, подчинить путь веры путям национальной жизни. Нет ничего гнуснее утилитарно-политического отношения к христианству. Но в православии дано нам религиозное освящение нации. Церковь благословляет наше национальное делание, при условии просветленности его Светом Христовым.

Но мы должны преодолеть в себе две слабости, которые до сих пор обеспокоивают творческие силы христианской интеллигенции. Во-первых, мы должны отрешиться от привычной сраженности православия с политическими, культурными, бытовыми формами старого времени. Не считать идеалом православия реставрацию старины и найти в нем источник свободы для творческого отбора в старых сокровищах, для творческого созидания новой жизни. Вторая, в известной степени противоположная слабость — это индивидуализм личного религиозного пути. Для отрешенного, погруженного в собственный мир строя души не возникает и проблем национальной культуры, да и культуры вообще. Как первая школа духовной жизни, эта замкнутость души может быть законной, необходимой. Как традиция, как стиль целого поколения — это уже некое уродство, становящееся национальной пассивностью. В обстановке русской трагедии, в наш грозный исторический час это направление (как направление) свидетельствует просто о недоразвитии христианской совести.

Если мы в эмиграции — и поскольку наши братья в России — преодолеем в себе эти слабости, эти болезни роста, то главное дело русского национального возрождения уже сделано. Ибо жизнелюбие и крепость русского религиозного возрождения Русской церкви не подлежат сомнению. В ней, в Русской церкви, дано живое средоточие нашей национальной работы, источник вдохновляющих ее сил. Но нужно помнить, что для этой работы необходима сложная, опосредованная трансмиссия этих духовных сил, что в деле национального возрождения участвуют церковь, культура, государство. И здесь я останавливался преимущественно на втором члене, наиболее угрожаемом и наиболее сложном, связующем действии сил духовных с механизмом социальных необходимости.

На вопрос, поставленный в заглавии настоящей статьи: «Будет ли существовать Россия?» я не могу ответить простым успокоительным: «Будет!» Я отвечаю: «Это зависит от нас. Буди! Буди!»

Елена АЗАРОВА, обозреватель «Совершенно секретно»

«...Я купила хлеб и возвращалась домой. Навстречу мне шел мужчина. Он был один. Он схватил меня за воротник, сказал, чтобы я молчала и не кричала, иначе он даст мне по глазам и изуродует меня. На мой вопрос «Что вы делаете?» он сказал: «Тихо! Молчи!» — и повел меня вдоль дома. Когда я стала отказываться идти, он достал из правого кармана куртки нож. Я испугалась и стала выполнять его требования... Мне было очень неприятно и страшно, но я не кричала и на помощь не звала, так как боялась его.

Приметы этого мужчины я запомнила не очень хорошо, но при встрече я его легко сумела бы опознать...» (Из показаний несовершеннолетней Н.)

Все сюжеты этого розыскного дела похожи до мельчайших подробностей, лишь меняются имена девочек-жертв. Надругавшись, преступник оставляет их в живых. Пока. Уверен, видно, что напуганные девочки никому ничего не скажут. Они и сопротивляться-то не смели... Но вот уже столичная молодежная газета публикует фоторобот насильника и стандартное объяснение о розыске: рост, возраст, цвет волос и глаз, одежда... Увы, ни слова о главном, на мой взгляд, — о способе завязывания знакомства, довольно невинном, кстати. Ну, например, так: «У тебя хороший почерк. Помоги мне написать письмо». Это уж потом извлекается нож и на глаза жертве надвигается шапка — все по сценарию, краткому и незамысловатому, а вначале — о письме. И бежать бы девочке без оглядки, кричать бы ей во все горло в ответ на эту дику, в сущности, просьбу, но откуда знать ей, маленькой школьнице, что письмо — лишь прелюдия, метод, срабатывающий пока без осечки.

Вряд ли потенциальная жертва, вступив в разговор с незнакомцем, будет лихорадочно вспоминать виденный в газете фоторобот или размытый портрет со стенда «Их разыскивает милиция». Скорее она обратит внимание на какие-то другие детали: манеру общения, место знакомства, в конце концов. Если об очередном Джеке-потрошителе людям будет известно немного больше, чем схематичный облик, его, Джека, раньше смогут остановить. Отчего бы следовательно, ревниво оберегающему свою тайну, не приоткрыть завесу, коли речь идет о маньяке? Зафлажжанный волк вернее нарвется на засаду, нежели его свободный собрат.

Убийцы-маньяки действуют подолгу. Месяцами, годами и даже десятилетиями.

Феофилов, убивший в городском парке Свердловска семь девушек, орудовал с 83-го по 87-й год.

Небезызвестный врач «Скорой помощи» Кулик за два года убил пятнадцать человек, в том числе шесть детей.

Сторожено за три года лишил жизни двенадцать человек. С 72-го по 85-й продолжалась вакханалия Михасевича, залушничавшего тридцать три женщины.

Двадцать лет зверски убивал подростков «педагог» Слишко.

Это все известные, можно сказать, хрестоматийные примеры. А есть и неизвестные. Например, в районе Западного Донбасса вот уже седьмой год некто внезапно нападает в безлюдных местах на женщин, душит, убивает ножом. Третий год бесчинствует в Харьковской области непойманный убийца-садист. С 82-го года пропадают в Волгограде дети, и никаких следов.

Мне могут возразить: зачем создавать панику? Но, наверно, лучше знать об опасности, чем спокойно жить, не ведая ни о чем.

Цель этих заметок — не шекотание нервов перед сном, а попытка найти ответы на вопросы о маньяках, которые не являются ни призраками, ни космическими пришельцами. Они живут среди нас.

— Казалось бы, парадокс, — говорит Юрий Самойлов, старший научный сотрудник ВНИИ МВД СССР, — каждое следующее серийное преступление мы должны раскрывать быстрее, чем предыдущее, но, увы... Убийц-маньяков найти очень трудно. У многих людей сложилось мнение, что такой тип непременно громила с физиономией дауна, ярко выраженной жестокостью на лице, с низким интеллектом и тюремным опытом. Но куда чаще это люди с безупречным прошлым и настоящим, абсолютно положительные, из разряда тех, на кого никогда не подумаешь... Мы исследовали около 400 маньяков. Среди них представители всех слоев общества в возрасте от 14 до 60 лет, «от пионера до пенсионера». Как правило, на учете они нигде не состоят, к слову, всего один процент составляют психически больные, у остальных же хоть и есть какие-то нарушения, но они прекрасно знают, что делают, и получают от этого свое изощренное удовольствие.

— Мне всегда казалось, что маньяк действует спонтанно, импульсивно. Идет себе, гуляет и вдруг видит женщину, которая пробуждает его низменный инстинкт...

— Нет, они тщательно готовятся к преступлению, выходят на охоту, а дальше — кто встретится...

В год в нашей стране совершается 60—70 серийных убийств с сексуальной подоплекой. На первый взгляд не так уж много, если сравнить с цифрой в 15 тысяч — именно столько убийств (всего) совершается за год в России. Но если на 15 тысяч жертв приходится соответственно около 15 тысяч убийц, то те самые 60—70 могут совершить 10—20 маньяков.

Далеко не всегда они нападают внезапно. Обычно заманивают жертву в безлюдное место. Маньяки общительны, легко идут на контакт, стараются не выдать намерений. Погода для них роли не играет, холод и дождь им не помеха. Места преступления достаточно специфичны: лесопосадки и парки,

VALTEX
INTERNATIONAL CORPORATION

— поставка самого современного криминалистического оборудования, использующегося полицией и другими службами безопасности США:

- металлоискатели
- криминалистические чемоданы
- фотоаппаратура
- диктофоны
- оборудование для дактилоскопии
- шлемы
- бронежилеты
- полицейские автомобили
- средства связи
- проверка подлинности основных мировых валют
- контроль радиационной безопасности, включая индивидуальные дозиметры, измерения уровня радиации на одежде, обуви, автомобилях, в помещениях, на поверхности грунта

744 San Antonio Road,
Suite 19, Palo Alto,
CA 94303 U.S.A.
Telex: 176307 VALTEX
PLA • Fax:
415-424-8260
• (415) 424-8777

Телефоны
Московского
представительства:
241-78-59
137-51-97
Факс: 241-78-59

общественные туалеты и подъезды, детские сады и школьные дворы. Маньяк, как правило, знает, куда приведет свою жертву. Он верен сделанному однажды выбору орудия убийства. Попытка к сопротивлению вызывает яростную жестокость. Вид растерзанной жертвы наводит ужас даже на привыкших ко всему экспертов-криминалистов. Иногда совершает серию убийств подряд, иногда затихает на год и больше. Один убийца выходил на охоту только в мае, раз в год.

Маньяк действует в одиночку, — говорит полковник милиции Юрий Ляшев, — он ни с кем не делится, никому не рассказывает. Этот человек тщательно готовится к преступлению, заранее намечает пути отхода, чтобы никому не попасться на глаза. Тот же Кулик попался на том, что совершил «незапланированное» преступление. В день своего тридцатилетия он пошел в магазин за хлебом и в очереди увидел мальчика. Люди видели, как он вел пацана во двор. Оплошность «подвела» Кулика, и его задержали. Бывает, что у убийцы срывается намерение в силу каких-то обстоятельств. У нас к таким фактам часто относятся поверхностно: ведь ничего не случилось. И лишь потом, когда тщательнейшим образом проверяются все факты, выявляются такие несостоявшиеся покушения.

Что еще затрудняет розыск?

Жертвы редко остаются в живых, и других свидетелей нет. Версии строятся по стереотипу: убийство совершил уголовник, ранее судимый за половые

преступления, но маньяк-то не всегда из этой категории. Бывает, что недостаточно квалифицированно проводится экспертиза, случаются накладки, за которые потом приходится платить самой высокой ценой. Такие случаи известны.

Иногда жертвы пропадают бесследно, и когда спрятанные в воду концы отыскиваются — природа ли выносит их на поверхность, случай ли помогает, — то в останках трудно увидеть то, что было когда-то человеком. Все эти зверства настолько выходят за рамки понимания, что волей-неволей подмашь: такое мог совершить только психически больной преступник.

Когда мы говорим: лечить их или карать, — рассказывает врач-психиатр Виктор Ханьков, — вступает юридически обоснованное понятие вменяемости, которое подразумевает способность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими, то есть способность оценивать свои действия как преступные, при этом адекватно воспринимая окружающий мир. Есть совершенно четкая группа больных людей, совершающих такие преступления. В свое время был в Москве человек, который убивал женщин в красном, помните? Это носило характер мести с бредом. Бредовый больной, когда осуществляет свою деятельность, формально может как-то ее планировать, чтобы скрыться от правосудия. Он может знать время действия, может точно описать место. Его оценка окружающего основана на искаженном восприятии взаимоотношений своего «я» и

окружающего мира. Я уже не говорю о том, что сама фабула бреда, его стержень являются для человека абсолютной, непреклонной истиной, которую он будет осуществлять, несмотря на любые препятствия, жестоко и до конца. При этом в ремиссии (вне психоза) он может быть критически настроен к своему бреду и думать, что обязательно пойдет к врачам, если это наступит, что теперь уж этого ужаса с ним не случится, но, когда это наступает, он никуда не пойдет...

Точнее, пойдет и убьет?

Да. Когда я работал в Институте имени Сербского, был у нас больной, который по патологическим мотивам совершил семь убийств, за это время он раза четыре лечился в психиатрических больницах, выходил с ремиссией, все было нормально, но проходил год-два, и в итоге его арестовывали за убийство.

Зачем же его так быстро отпускали?

Не быстро. Он лечился по году и более. А как же быть? Мы лечим больного, у него пропадает острая симптоматика, пропадает бред, он становится критичным. Ремиссия больного шизофренией может быть абсолютной полной, даже опытный врач не найдет и тени того, что было. И что же? Мы должны этого человека все равно держать в психбольнице? Есть версия, что таких больных можно приговаривать к заключению в психбольницу. Кое-где в мире была практика держать социально опасного больного и 20 лет в больнице. Но тогда нужно обеспечить ему полноценную жизнь.

Обеспечить полноценную жизнь... Но ведь другой за аналогичное преступление идет в тюрьму или получает пулю в затылок. Или больной в состоянии бреда как бы совсем иной человек?

Мы не знаем конкретную организацию бредовых структур в мозгу. Мы сейчас все более склоняемся к тому, что психика все-таки не просто определяется мозговой деятельностью, а, может быть, наоборот, мозговая деятельность определяется стоящей над ней психикой. В ней образуется некий сверхмощный очаг, который поднимает под себя все. Что такое шизофрения? В переводе: расщепление личности, сознания. Возникает второе сознание, которое становится первым и определяющим. Мы можем вернуть человека к прежнему состоянию, однако без полной гарантии, что он снова не сломается. При некоторых психических заболеваниях степень изменений интеллекта и мышления может и без галлюцинаций и бреда достигнуть такой глубины, что также повлечет к признанию преступника невменяемым.

Ну что ж, с невменяемыми убийцами ситуация ясна, но ведь они, как известно, составляют меньшую часть монстров. Что представляет из себя вторая часть?

Внешне все может быть то же самое: такое же жестокое убийство, те же садистские действия. Нет измененного восприятия мира, есть только патологическое влечение к насилию при оценке такого влечения как преступного. В отличие от больного у него есть выбор:

озабочиться своим состоянием и пойти к врачу, преодолеть отклонение каким-то другим путем или совершить. И именно этим выбором определяется, что два зеркальных преступления могут в одном случае привести человека в психиатрическую больницу, а в другом — в тюрьму. Нам только кажется: захотел — пошел, не захотел — не пошел. На самом деле влечение может достигать очень больших степеней. Влечение является глубинной структурой, здесь задействовано подсознание. Чтобы лечить такого человека, требуются и грамотная психотерапия, и хорошее медикаментозное лечение, но как можно вообще ставить перед психиатрией какие-то вопросы, если когда здравоохранение ограничивают в чем-то, то в первую очередь это ударяет по психиатрии, а без импортозамещения фармакологии медицина практически бессильна.

Как убийцы относятся к содеянному?

Кто как. Больные, когда выходят из этого состояния, могут даже с собой покончить в ужасе от сотворенного. А громадное количество жестоких насильников рассказывают о своих преступлениях со смехом...

Бывают ли случаи, когда преступники пытаются симулировать душевное заболевание, то есть «закосячить»?

Из тех пациентов, что лежат в Институте имени Сербского, примерно четверть являются душевнобольными, четверть, может быть, вызывают подозрение в психической болезни, а половина — те, что «косячат». На самом деле «закосячить».

Часто это люди с безупречным прошлым и настоящим, абсолютно положительные, из разряда тех, на кого никогда не подумаешь... Маньяк — человек из толпы.

МАНЬЯК ВЫХОДИТ НА ОХОТУ

на настоящего психического больного непрост. Мышление, волея и эмоциональная сфера больных психозов настолько своеобразны, что вряд ли какой-нибудь даже очень хороший актер достоверно сможет это сыграть. У старых психиатров существовала версия, что те, кто прекрасно симулирует психоз, больными и являются.

— Связан ли рост жестоких преступлений с социальными переменами в жизни общества?

— Да, уголовные традиции нашего общества, построенного на насилии, принижении сексуальной жизни до уровня грязи, мерзости играют свою роль. С каждым поколением нарастает стремление утвердить себя через насилие над кем-то. Один социолог писал, что у нас громадное количество сексуальных преступлений имеют несексуальную природу, то есть принимают форму изнасилования — жестокого, с убийством, но в подоплеке скрывается стремление самоутвердиться.

— Бунт посредственности?

— Даже не посредственности, а нравственной деградации. Мы, психиатры, видим, наверное, как никто, что эта нравственная деградация принимается в нашей стране такие масштабы, которых нет нигде. Такие преступления есть везде, но можно сказать смело, что процент людей, кто истинно больных среди тех, кто их совершает, в цивилизованных странах гораздо выше, чем у нас. Впрочем, здесь мы уже несколько отвлеклись от собственно «маньяков». Я имею в виду не менее фантастические по жестокости насилия, совершаемые, как правило, юнцами и чаще — в группе.

— Люди, имеющие аномальное половое влечение — педофилы, эксгибиционисты, как-то проявляют себя. Если бы такие случаи фиксировались, людей ставили бы на учет, то, по мнению сотрудников милиции, поиск очередного серийного убийцы с сексуальной подоплекой не растягивался бы на месяцы и годы, так как круг подозреваемых был бы значительно сужен.

— На современном этапе взаимоотношений общества с правоохранительными органами пока нельзя допускать, чтобы лечение одновременно с сопровождением милицией учетом, как бы это ни было полезно. Давать или не давать доступ к такого рода информации, должен решать врач. Ведь существует врачебная тайна. Из-за алкогольного учета, я уж не говорю о наркомании, люди просто боятся идти лечиться. А тут речь идет о самой интимной сфере, и больной должен знать, что врач ему гарантирует конфиденциальность.

— Может быть, кто-то и решится на визит к доктору, чувствуя свой болезненный диссонанс, но доверится ли он полностью врачу, выложит ли все карты или постарается скрыть истину? И уж тут дело хорошего специалиста увидеть за обычным расстройством в сексуальной сфере тающуюся опасность. Не разглядят — и мы имеем шанс получить нового Сливко.

В Институте общей и судебной психиатрии имени Сергеевского бродили по коридору больничного корпуса тихие преступники. В такт

их мягким шагам ходил человек с радией. Ждали экспертизу убийцы, ждали насильника. Не было только маньяка. Закончилось следствие — привезут сюда и московского Джека-потрошителя, и ростовского монстра. Видимо, их поместят в обыкновенных многолюдных палатах. Правда, Кулика пришлось в свое время изолировать от общества в виду опасности для его, садиста, жизни... И этот мир отторгал убийцу.

— Сексуальная патология в виде садизма, эксгибиционизма, педофилии является не условием, а причиной криминальных поступков, — говорит врач-эксперт, сексопатолог Андрей Ткаченко, — поскольку данная патология не может существовать на уровне внутренних переживаний, не прорываясь вовне. Те случаи, которые становятся достоянием прессы, не отражают истинной картины. Действия совершающих постоянно, любое изнасилование может таить признаки развивающегося патологического влечения.

— В интервью журналу «Столица» вы говорили, что сейчас общество практически не защищено от повторения таких вещей.

— Да, сейчас ничего не делается для того, чтобы предотвратить, не довести развитие этого влечения до его решающей стадии, когда преступник будет разрываться трупы и доводить жертву до агонии. Психиатры нашего института понимают необходимость разработки комплексной судебно-сексологической экспертизы. Как нам кажется, это понимание есть и в Минздраве, обидно, если в итоге все упрется в материальные, организационные затруднения. Хотя, наверное, с чисто экономической точки зрения реализация такой программы дала бы только выигрыш. Вспомните описание ростовского дела — сколько людей было задействовано, сколько денег было утрачено на розыск убийцы. Следственные мероприятия по этим случаям наиболее бесперспективные, так как сексуальные маньяки обычно не относятся к криминальной публике. Если бы хотя часть этих денег направить на создание определенной системы по выявлению расстройств полового влечения, по их лечению, это бы окупилось.

— Придет ли такой человек к врачу?

— Только под давлением. У нас не отработаны механизмы, которые заставили бы эту личность прийти к сексопатологу. Человека останавливают страх, боязнь раскрыться, при этом у него нет никакой уверенности, что вылечат. Если бы какой-нибудь эксгибиционист, бедный дядька, не вызвавший из тюрьмы за обнажение своего органа, знал, что ему придется заплатить штраф, скажем, в тысячу рублей, он, возможно, предпочел бы отдать эти деньги доктору и вылечиться. Но сегодня сексопатолог вряд ли возьмется за лечение такого пациента. Я стажировался в одном центре и видел карточки этих больных, попавших в криминальную ситуацию. Один говорил: «Я — педофил», другой признавался в склонности к садизму. Вы думаете, с ними проводится работа? Ставится диагноз: «органическое поражение головного мозга?», «шизо-

френия?», «психопатия?» — и отдают их психиатрам.

— Существуют разные точки зрения, а как на ваш взгляд является ли нарушение влечения врожденным расстройством или приобретается в силу каких-то социальных воздействий?

— Это явление нужно рассматривать в тесной связи биологического и социального, но почему-то за этим утверждением идет отрицание биологического, и впоследствии все явления, а потом и криминальное поведение стали объяснять социальными причинами. Но общество может быть разным, а на Западе и у нас одинаковый процент гомосексуалистов и этих людей, наверно, тоже... Нельзя стать садистом из-за того, что тебя неправильно воспитывали. Нельзя стать трансексуалом только потому, что тебя одевали в женское платье, так как для развития патологического влечения нужен определенный комплекс биологических особенностей. Биология есть тот фон, на который воздействуют социальные явления.

— В общем сексуальный маньяк — это всегда какой-либо отход от нормы, я уже не говорю о морали. Геннадий Ильич Козлов, врач-эндокринолог, сказал мне, что среди этого контингента немало его пациентов, то есть людей с определенными пороками развития, для которых нормальные половые отношения с женщиной — всегда проблема. Плюс проблемы психического характера, аномалии. Но у нас есть только два критерия: вменяем или невменяем.

— Да, среди лиц с патологическим влечением есть такие, у которых способность руководить своим поведением снижена, поэтому встает вопрос об их ограниченной вменяемости. Иногда мы встречаем людей, для которых смысл их поведения непонятен. Проблема ограниченной вменяемости интересна не сама по себе, она позволяет ставить вопрос о создании специализированных учреждений, где возможно было бы совместить карательные функции с направленными действиями сексопатологов, психологов, психиатров, что позволило бы реабилитировать больных-преступников, оказать им помощь, в которой они нуждаются.

— ...Н. при распросе о настоящем правонарушении рассказывал, что, находясь в состоянии алкогольного опьянения, захотел кого-то убить, изнасиловать. Он взял с собой нож, топор и пошел в лес случайно встреченного одиннадцатилетнего мальчика. В лесу сказал мальчику, что убьет его, заставил раздеться и лечь лицом вниз, совершил с ним акт мужеложства, во время которого душил мальчика. После этого нанес ему множественные ранения топором и ножом, от которых мальчик скончался. После содеянного он почувствовал некоторое облегчение, но полностью не успокоился, хотелось убить кого-нибудь. В течение нескольких часов ходил по лесу в поисках возможной жертвы...» (Из сексологического анамнеза Н.).

Поиск возможной жертвы... Сомнительно все-таки, чтобы охотник-убийца напал на первого попавшегося человека. Даже бродя по лесу, он произвел бы свой страшный выбор. Известны случаи, сказал мне врач-

психиатр, кандидат медицинских наук Вадим Пелипас, когда жертвы буквально выдергивались из толпы. Среди десятков мужчин, женщин и детей взгляд хищника выхватывает одно лицо... Почему?

Есть наука о жертвах — виктимология. Существует понятие виктимности. Имеется категория людей, которая своим поведением вольно или невольно провоцирует преступника.

— Виктимология началась с того, — говорит руководитель отдела судебно-психиатрической экспертизы Института имени Сергеевского профессор Борис Шостакович, — что после войны из немецких лагерей вышли люди, многие из которых имели определенные психические расстройства, то есть первично эта наука изучала жертв террора. Действительно, есть люди с повышенной возможностью стать жертвой. Некоторые в силу профессиональных особенностей: шоферы такси, сторожа. По сексуальным критериям жертвами могут стать некоторые женщины, подростки, дети. Особенно часто жертвами сексуальных преступлений становятся олигофрены, дебилы, больные шизофренией — в силу особенностей своей психики, повышенной возбудимости.

Предупреждения типа того, что не стоит входить в подъезд с незнакомым мужчиной или ехать с ним в лифте, что рискованно одинокие прогулки под луной, что опасно садиться в машину с незнакомым человеком, превращаются, похоже, в общее место, а следует к ним прислушаться. Но как вести себя, если встреча с маньяком все-таки произошла? Специалисты не дают советов. Если уж кричать о помощи бесполезно, а молить о пощаде бессмысленно, лучше, видимо, подчиниться. По крайней мере, остается шанс сохранить жизнь и... запомнить приметы.

Правда, службы наши, так или иначе задействованные в розыске убийцы-маньяка, работают сами по себе. Криминалист может не знать, чей почерк он идентифицировал, следователь, расследующий дело в одном конце страны, не всегда в курсе, что его коллега занят подозрительно похожим делом в другом конце страны. Кандидат медицинских наук Вадим Пелипас, неоднократно составлявший психопатологический портрет предполагаемого преступника, не имел случая убедиться, насколько созданный им портрет совпадает с оригиналом — не потому, что преступников не ловили, а просто потому, что следствие это было не слишком нужно.

Помимо объективных причин сложности розыска маньяков и эта разобщенность различных ведомств играет свою печальную роль в том, что охотники за людьми ставят свои кровавые рекорды.

Какое только преступление не совершается людьми. Видимо, если бы кто-то задался целью составить всемирную энциклопедию преступлений, издание вышло бы многотомным, но ничто, пожалуй, не вызывает такой резонанс, как страшная поступь маньяка.

Как рассказывает старший научный сотрудник ВНИИ МВД СССР Юрий Самойлов, в США существует Национальный центр для анализа насильственных преступлений.

Центр обеспечивает органы охраны правопорядка информацией, необходимой для начала совместного межведомственного расследования и ускорения идентификации и задержания убийц, совершивших массовые, серийные и сенсационные убийства.

Серийные убийцы, подобные Джону Гэци, убившему свыше 130 человек, и Питеру Сатклиффу, убившему тринадцать женщин, подтолкнули ФБР и МВД Великобритании к созданию сыщика-компьютера, неутомимого и беспристрастного. Английская система называется «Холмс», американская — «Викап», обе решают единую задачу при расследовании серийных убийств — как создать модель убийцы на фоне «шума» отдельных и несвязанных преступлений? Естественно, компьютеры быстрее людей сопоставляют информацию о тяжелых преступлениях, зарегистрированных полицией в удаленных друг от друга регионах.

Компьютерная программа ФБР совершенствуется, банк данных хранит важнейшую информацию, которая постоянно обогащается. Компьютер способен выдавать относительно подробное описание убийцы, цифровые вероятности о расовой принадлежности, возрасте, семейном статусе, образовании, профессии.

— А как у нас? — задаю резонный вопрос Юрию Самойлову.

— Нам удалось выделить и систематизировать ряд признаков, по которым можно судить о личности преступника. В основе лежат выявленные статистические взаимосвязи между обстановкой на месте преступления, способом его совершения, характеристикой жертвы и особенностями личности преступника. Мы работаем над созданием автоматизированного банка данных, позволяющего составить так называемые профили личности преступников этой категории.

Совместными усилиями сотрудников нашего ВНИИ и Учебно-научного производственного центра ЮРИНФОР юрфака МГУ создана система поддержки принятия решений для раскрытия серийных убийств, совершенных по сексуальным мотивам, — продолжает мой собеседник, — условное название «Маньяк». Система должна оказывать помощь сотрудникам уголовного розыска и следователям прокуратуры при выдвижении версий, существенно ограничивать круг лиц, подлежащих проверке на причастность к преступлению.

К ак бы ни была беспристрастна машина, но ведь программу для нее составляли люди.

Я думаю о тех трагических ошибках, когда подозрения и улики сошлись на невинных. Все мы помним драмы витебского дела. Кому-то — высшая мера, а кому-то — пенсия, погоня.

Идет по дороге человек.

Идет по дороге охотник.

Дай Бог, чтобы их пути разминулись.

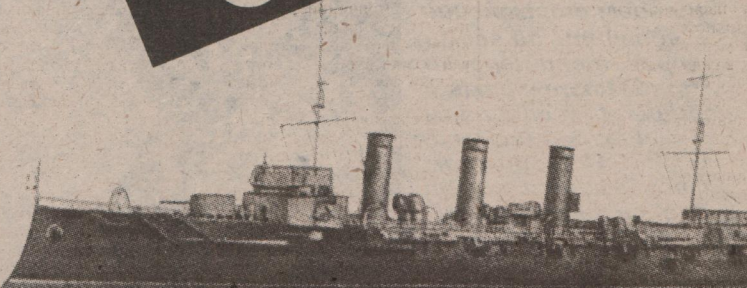
ЗАГАДКА

КРЕЙСЕР

«ОЧАКОВ»

Анатолий ГРИГОРЬЕВ,
капитан второго ранга

История восстания в ноябре 1905 года крейсера «Очаков» подробно описана в литературе. Столь же хорошо известна нам история жизни и смерти возглавившего восстание П. П. Шмидта, которого Николай II приказал именовать «лейтенантом, выгнанным с флота», хотя на самом деле тот был капитаном второго ранга в отставке. Однако до сих пор остается загадкой, почему все-таки — без явных на то причин — был уничтожен крейсер «Очаков», который мог вскоре стать одним из новейших и наиболее мощных кораблей Черноморского флота.

Исследование исторических документов по Севастопольскому вооруженному восстанию 1905 года показывает, что гибель крейсера была предпринята еще до начала восстания.

Перед умирением восстания главный командир Севастопольского порта Чухнин дал телеграмму Николаю II, в которой указывал, что крейсер необходим обезоружить и только после этого войска могут приступить к решительным действиям. Уж кто-кто, а вице-адмирал был прекрасно осведомлен о том, что реконструируемый крейсер еще не вступил в строй и практически беззащитен, так как положенного боезапаса на борту не имеет.

В то же время агентами охраны по городу были распространены слухи, что Шмидт собирается бомбардировать Севастополь, чтобы перебить жителей и матросские команды, которые не с ним.

Когда начался суд над участниками восстания, капитан крепостной артиллерии Иванов, получивший приказание непременно потопить «Очаков», заявил, что, «видя крейсер уже горящим, он решил не топить его и взять ответственность на себя...».

Солдаты крепости, сочувствовавшие восставшим, заявили своим офицерам, что стрелять они не будут и уж если откроют огонь, то только ответный.

Умиротворители восстания не побрезговали провокацией: 15 ноября в четвертом часу на бастионе разорвался снаряд. Прибывшие офицеры стали звать солдат к орудиям и утверждали при этом, что снаряд прилетел с «Очакова» или «Пантелеймона». Стали стрелять, но только по «Очакову».

Как на суде, так и в ряде официальных документов полицейские власти, в том числе и прокурор Ронжин, пытались доказать, что первый выстрел во время восстания был сделан с «Очакова». Между тем из многочисленных показаний свидетелей, а также сообщений ряда газет можно заключить, что провокационный выстрел принадлежал канонерской лодке «Герц».

Защитник по делу Шмидта А. Александров по поводу обвинения П. П. Шмидта в том, что первым стрелял «Очаков», в своих воспоминаниях утверждал: «Боевым аргументом прокурорской позиции было утверждение, что «Очаков» первый начал стрельбу из орудий и что, следовательно, обстрел крейсера эскадрой и орудиями Константиновской батареи был только актом самозащиты. Этот тезис прокурору нужно было доказать во что бы то ни стало, так как в противном случае расстрел стоящего на якоре, почти безоружного

крейсера являлся бы бессмысленным актом жестокости. Прокурору этот выстрел с «Очакова» нужен был как манный небесная, но эта манна так-таки и не была ему ниспослана небесами, ибо большинство свидетелей обвинения, если даже не все, отрицали нападение крейсера на эскадру, прекрасно понимая, что почти безоружный крейсер не стал бы искусственно провоцировать эскадру на расстрел».

Как только по «Очакову» начали стрелять, над крейсером взвился сигнал «Возмущен действиями эскадры». Потом крейсер стал стрелять по правительственным войскам и береговым батареям.

По крейсеру вели огонь орудия всех калибров с расстояния от 50 до 200 морских саженей. Берега бухты были оцеплены солдатами, расстреливавшими из ружей и пулеметов каждого, кто пытался спастись с крейсера вплавь. «На «Очакове», — вспоминал чудом спасшийся с него матрос, — творилось что-то ужасное. Снаряды со страшной силой взрывались, превращая все в пепел. На палубе нельзя было различить, кто ранен и кто убит, так как раненые и убитые лежали один на другом, образуя груды тел.

Рядом в луже крови плавали внутренности, валялись руки, ноги. В машинное отделение попал один фугасный снаряд и уложил человек двадцать матросов. Попавшие в «Очаков» снаряды никого не щадили и производили страшные разрушения внутри судна.

В машинном отделении лежало человек тридцать раненных осколками: раненые просили товарищей о помощи. Умиравшие просили добить их, чтобы избавить от страданий. Гул орудий и пулеметов не прекращался.

Вскоре раненых и умирающих охватило разъяренное пламя, и через минуту их не стало...».

П. П. Шмидт вспоминал за месяц до казни, что, когда он покинул «Очаков», большая часть людей уже выбросилась за борт или была убита. Пленные офицеры с других кораблей, захваченные восставшими в качестве заложников, вырвались из кают-компании из-под ареста, спустили красный флаг и вместо него на мачте водрузили белую скатерть.

Огонь по крейсеру сразу прекратился. Офицеры были сняты с «Очакова» целыми и невредимыми: это свидетельствовало о том, что крейсер полностью прекратил сопротивление. В телеграмме, посланной царю, вице-адмирал Чухнин отметил этот факт, но для упреждения возможных вопросов о судьбе крейсера указал: «Очаков» продолжает гореть, пожар потушить нельзя».

Как раз в это время еще можно было спасти крейсер, который весьма недешево обошелся казне. Оснащенный современными механизмами, «Очаков» к новому году готовился занять достойное место среди боевых кораблей русского флота. Корабль изобиловал множеством технических новшеств: на нем были металлические шлюпки и мебель — забота судостроителей об устранении горючих материалов. Приводы многих механизмов были электрифицированы. На корабле устанавливались новая техника, снижавшая популярность на флоте, телефоны системы лейтенанта Колбасьева, корабельные радиостанции, матчевые семафоры, электрические приборы управления огнем, указатели положения пера руля и многое другое.

В первых числах ноября на крейсере спешно заканчивались последние работы — ежедневно на борту работали около трехсот рабочих с Севастопольского морского завода и прикомандированных из Сормова специалистов по главным машинам. Словом, спасать было что... И было кому. Самые большие корабли находились под парами и вполне могли потушить пожар водой из своих брандспойтов. В это время еще даже можно было беспрепятственно высадить десант для захвата крейсера.

Вместо спасения горящего корабля началась вторая бомбардировка, поводом для которой послужили два выстрела, якобы произведенные с «Очакова». П. П. Шмидт утверждал, что на крейсере был взрыв, который был выдан карателями во всех официальных документах за выстрел.

«Очаков» гигантским костром двое суток пылал посреди бухты. О числе погибших на крейсере точных сведений нет. Известно, что 15 ноября на корабле было до 380 человек команды, не считая матросов с эскадры и береговых частей. По другим данным, на «Очакове» было около 700 человек. Большевицкая газета «Борьба» писала, что «спаслось не более сорока — пятидесяти человек. Суду было предано 39 очаковцев». Жандармский ротмистр Васильев в своем донесении указывал: «...и убитые и раненые остались на «Очакове» после того, как он загорелся, и все сгорело... в девять вечера я сам видел раскаленные борта «Очакова».

Изуродованный снарядами (одних пробой от снарядов крупного калибра насчитывалось пятьдесят две), с прогнанными переборками, корпус корабля был отбуксирован к пустынному берегу Северной бухты у Килен-балки, где

спешным порядком приступили к разборке корабля.

«Когда мы поднялись по трапу на судно, — вспоминал один из рабочих, — то увидели на верхней палубе несколько десятков гробов, а санитары, словно муравьи, сносили в гробы останки революционеров. Мы спустились в каюту. Здесь чувствовался запах гари и видны были обуглившиеся трупы. В тех каютах, куда огонь не проникал, валялись бесформенные, изуродованные человеческие тела. Стены и потолки были забрызганы кровью».

На суде 14 февраля 1906 года П. П. Шмидт в своей речи сказал: «Когда я вступил на палубу «Очакова», то, конечно, с полной ясностью понимал всю беспомощность этого крейсера, безоружного, с машиной, которая едва могла дать восемь узлов ходу, и без артиллерии, там имелось всего две рукоятки от шестидюймовых орудий, остальные действовать не могли...».

Почему же все-таки был бомбардирован «Очаков»? Длительный срок постройки «Очакова» свидетельствовал о преступной деятельности заводских подрядчиков и высших чинов флота во главе с вице-адмиралом Чухниным, на долю которых немало перепало из субсидий, выделенных на постройку крейсера. Вместо рабочих при постройке широко использовались матросы (благое большинство из них до службы были рабочими), а денежная разница шла в карман ловких дельцов.

Официальные тактико-технические данные корабля, готовящегося, по всем донесениям, вступить в строй, явно не соответствовали действительности. Однотипные с «Очаковым» и в одно время заложенные крейсера «Олег» и «Память Меркурия» давно вступили в строй, а второй даже участвовал в расстреле своего собрата.

О злоупотреблениях при постройке «Очакова» говорили многие морские офицеры и даже писала газета «Правда».

Над строителями велось негласное следствие, о котором Чухнин не мог не знать в силу своего высокого служебного положения. Восстание явилось необычайно удобным поводом для уничтожения злополучного крейсера.

6 марта 1906 года на острове Березань были расстреляны П. П. Шмидт и его боевые соратники — «очаковцы». Таков был заключительный аккорд гибели крейсера «Очаков», принесенного в жертву интересам махinations.

ОТКРЫВАЯ
АРХИВЫЗинаида
ПЕРЕГУДОВА,
кандидат
исторических наук

*В своем стремлении
уследить за всеми
правители нередко
прибегают к самым
изощренным способам
надзора и сыска.*

*История нам
показывает, как на
основе бесчисленных
тайных циркуляров
этот надзор
распространялся до
такой степени, что
даже элементарные
принципы гражданских
свобод оказывались
весьма условными.
Одним из элементов
подобной
охранительской
системы являлось
создание «черных
кабинетов», в которых
тайно вскрывалась
частная
корреспонденция.
Такое вскрытие
и копирование писем
иначе называется
перлюстрацией.*

ЧЕРНЫЙ

КАБИНЕТ

Перлюстрация в России — это старый, испытанный метод, заимствованный еще Екатериной II у правителей тогдашней Западной Европы. Екатерина «повелевала доставлять из почтамта всю секретно вскрытую корреспонденцию». При этом главное внимание уделялось иностранной корреспонденции.

При Павле I начинают тайно вскрывать не только иностранную, но и российскую переписку. Александр I получает от директора почт все сведения о подозрительной переписке, не исключая даже переписку своей матери. Значение перлюстрации возрастает при Николае I, когда она начинает широко применяться как «средство борьбы с внутренним врагом». Шеф жандармов Бенкендорф в 1840 году писал: «Перлюстрация — это есть одно из главнейших средств к открытию истины; представляя таким образом способ к пресечению зла в самом его начале, она служит также указателем мнений и образа мыслей публики о современных происшествиях и разных правительственных мерах и распоряжениях».

Вначале работа по перлюстрации ложилась на плечи Дирекции почт. Но в ней также участвовали министр внутренних дел и император.

В одном из всеподданнейших докладов этого периода говорилось: «Тайна перлюстрации есть исключительная принадлежность царствующего. Она освещает императору предметы там, где формы законов потемняют, а страсти и пристрастия совершенно затмевают истину. Ни во что не вмешиваясь, она все открывает. Никем не видимая, на все смотрит. Через нее государь

узнает сокровенные чувства подданных и нужды их, слышит вопль невинного и замыслы злодея».

С развитием почты и ростом переписки сама система перлюстраций совершенствуется, увеличивается также и круг лиц, стремящихся, в целях розыска, проникнуть в тайны чужой корреспонденции.

В 1881 году в период реорганизации политического сыска в России и создания Департамента полиции, в стране учреждаются семь перлюстрационных пунктов, или «черных кабинетов»: в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе, Тифлисе, Варшаве. Впоследствии такие пункты открывались и в других городах: в Вильно, Риге, Томске, Нижнем Новгороде, Казани. Но действовали они очень короткое время. С перерывом (1905—1909 гг.) работал перлюстрационный пункт в Тифлисе. Перлюстрационные пункты создавались на почтамтах при Отделах цензуры иностранных газет и журналов. Общее руководство всей перлюстрационной работой в России осуществлялось через старшего цензора Петербургского почтамта, который являлся помощником начальника Главного управления почт и телеграфов. Отделы цензуры на местах непосредственно подчинялись ему. Исключение составлял Тифлисский пункт. В 1909—1917 годах он подчинялся Департаменту полиции. Старший цензор, в свою очередь, был в подчинении министра внутренних дел, от которого получал распоряжения и санкции на проведение перлюстрации. Через старшего цензора шла оплата перлюстрационных пунктов. По смете МВД на работу всех черных кабинетов

отпускалось 107 000 рублей, кроме того, 58 000 — из средств Департамента полиции. Так хлопотное дело надзора оказывается в надежных руках полиции.

Перлюстрирование писем было действием незаконным: за нарушение почтового Устава можно было получить от четырех месяцев тюремного заключения до ссылки с лишением всех особых прав. Поэтому вскрытие писем держалось в строгом секрете. Чиновников награждали за труды, о роде которых в указах не сообщалось; ассигнование кредитов, назначение пенсий, денежных наград и пособий, производство в чины — все это производилось особыми секретными высочайшими повелениями. Не было никаких письменных циркуляров и правил о ведении этой работы. В то же время существовало негласное распоряжение об уничтожении всех материалов перлюстрационных пунктов на случай народных волнений. Этим объясняется то, что много документов погибло в 1905 году и почти все материалы на местах были уничтожены в период Февральской революции.

Переписка перлюстрационных пунктов со старшим цензором тщательно конспирировалась. Более 30 лет (до ухода в отставку в 1914 г.) эту должность исполнял действительный тайный советник Фомин, затем его заменил на этом посту тайный советник Мардарьев. В переписке с Департаментом полиции они пользовались псевдонимом, и направляемые им письма шли на имя «Его превосходительства С. В. Соколова», что для посвященных означало: переписка предназначена

для отдела цензуры.

С особой тщательностью подбирались состав служащих перлюстрационных пунктов. Это были люди проверенные, «безгранично преданные» престолу. Они давали подписку о неразглашении тайны. Многие из них были высокообразованными людьми, владеющими европейскими и азиатскими языками, и часто служившие кроме цензуры в других учреждениях — министерстве иностранных дел, банке, университете.

По всей России непосредственно перлюстрацией занимались от 40 до 50 человек. И было еще около 30 помощников — почтовых работников, которые принимали участие в отборе писем из основного массива, поступающего на почтамт. Там, где не было перлюстрационных пунктов, а необходимость в них была, из Петербурга командировались чиновники для проведения работы. Но чаще местные губернские жандармские управления договаривались с почтовыми чиновниками и проводили перлюстрацию сами.

Перлюстрационные пункты в провинции с местными властями контактов не имели. Но когда в письмах имелись указания на то, что готовится какое-либо политическое событие, забастовка, экспроприация и т.д., делалась выписка и посылалась местному градоначальнику.

По данным Департамента полиции, через цензуру проходило ежегодно по всей стране примерно 380 000 писем.

Как же была организована работа в «черных кабинетах»?

Отбор писем для вскрытия шел по двум спискам. Первый спи-

сок — Особого отдела Департамента полиции с указанием фамилий и адресов лиц, письма которых подлежали просмотру. Кроме того, должны были перлюстрироваться письма, исходя из их содержания, освещающие деятельность, подготовку и проведение съездов, конференций оппозиционно настроенных организаций и партий.

Второй список представлялся министром внутренних дел. По этому списку просматривались и снимались копии с писем общественных и политических деятелей, редакторов газет, профессоров, преподавателей высшей школы, членов совета и Государственной думы. Не подлежали надзору только письма министра внутренних дел, пока он находился на этом посту, и императора. По этому поводу бывший товарищ министра внутренних дел Крыжановский в своих мемуарах замечает, что перлюстрация была порой интересна для министров внутренних дел и по личным мотивам, особенно это практиковалось при Плеве, однако она «не была поставлена так широко, как при Столыпине. Она охватывала не только всех политических деятелей, даже тех, с которыми Столыпин дружил в данную минуту, не только всех соотечественников по правительству, самых близких к нему, как, например, Кривошеин, но распространялась и на членов его семьи, особенно на брата Александра и на брата жены Алексея Нейдгардта».

В материалах Чрезвычайной комиссии, разбиравшей в 1917 году вопрос о перлюстрации, имеются данные, что в 1910 году командир Отдельного корпуса жандармов Курлов обратился к старшему цензору с просьбой, чтобы адресуемые ему письма, получаемые в плохо заклеенных конвертах, не носили впредь явных признаков вскрытия. С подобной же просьбой обращался поборник перлюстрации С. Белецкий, уже занимавший в это время должность директора Департамента полиции.

При отборе писем почтовые работники обращали внимание на полноту письма, условность адреса, подчеркивание, руководствовались просто «мно-го», выработанным многолетней практикой, интуицией, умением распознать «интересный» почерк. Многие чиновники хорошо усвоили и знали почерк крупных деятелей партии, технических секретарей.

Более всего сохранилось сведений об устройстве «секретной части» цензуры Петербургского почтамта. Войти в «черный кабинет» можно было только через канцелярию старшего цензора. Причем сам вход был замаскирован большим желтым шкафом. В этот шкаф входили сотрудники и оказывались в комнате, где находились перлюстрационный кабинет и куда по особому лифту-подъемнику поднималась отобранная почтовыми чиновниками для просмотра корреспонденция. Ежедневно здесь вскрывалось от 2000 до 3000 писем. Выписок и копий делалось значительно меньше: 20—30. Конверты вскрывались особыми косточками или длинными иглами, отпаривались, отмачивались в ванночках.

Письма задерживались в «черном кабинете» недолго: час-два. С интересными сведениями откладывались для снятия копий. Просмотренные запечатывались, а с обратной стороны в одном из уголков ставилась точка — условный знак (мушка), чтобы это письмо не подвергалось вторичной перлюстрации. Если письма были написаны химическими чернилами или зашифрованы сложным шифром, их отправляли в Департамент полиции и задерживали иногда до особого распоряжения. Копии или выписки из писем делались в двух экземплярах. Один отправлялся

директору Департамента полиции, а второй министру ВД.

В Департаменте полиции, куда поступали материалы из «черного кабинета» и иногда от министра внутренних дел, шла дальнейшая «разработка» перлюстрации: регистрация, расшифровка зашифрованных писем, проявление химических текстов, размножение копий, переписка с местными жандармскими управлениями для выяснения личностей, адресов и принятия мер.

Каждое письмо получало свой номер, к химическим еще прибавлялась буква «х». Фамилии, упоминаемые в письмах, заносились в карточный алфавит. Именные карточки составлялись на автора письма, подучателя, на все имена и фамилии, упоминаемые в письме. Так подробно расписывались только письма революционно настроенных людей. Что касается писем государственных и общественных деятелей — они проходили такую обработку, если была соответствующая резолюция министра.

Много хлопот сотрудникам Департамента полиции доставляли шифрованные письма. С ними работала группа особо подготовленных специалистов. Один из специалистов Зыбин преподавал на курсах Штаба корпуса жандармов, где делился своими секретами по расшифровке различных криптограмм. Его ученик и помощник Жабчинский окончил Петербургский университет. В докладной записке Зыбина о Жабчинском читаем, что последний может разбирать шифры на любом языке.

Непростой была работа с химическими письмами, которые при проявлении часто портились, и порой невозможно было восстановить их первоначальный вид и отправить по назначению. Между тем Департамент был заинтересован, чтобы по этому адресу продолжалась переписка. В таком случае письмо искусно подделывали. И здесь также были специалисты своего дела. В одной из записок Департамента читаем, что подобную работу проводил Зверев, привезенный Зубатовым из Москвы, и что Зверев «в этом деле положительно дошел до виртуозности». Восстановление писем совершалось с необыкновенной точностью: бралось во внимание качество бумаги, ее размер, глянec, водяные знаки, чернила, умышленно сделанные точки и другие особенности письма. Подделанные письма через почтамп отсылались по назначению.

Перлюстрация хранилась в V отделении Особого отдела Департамента полиции, который в настоящее время именуется Коллекцией перлюстрированных писем. Это были в какой-то мере рабочие материалы, к которым работники V отделения часто обращались при расшифровке документов.

Кроме перлюстрированных писем в Коллекции собрана переписка Департамента полиции с местными губернскими жандармскими управлениями, со старшим цензором Петербургского почтамта по вопросам дешифровки материалов. Это сравнительно небольшая группа дел. Она крайне интересна тем, что вскрывает не только методы розыскной деятельности полиции, но и проливает дополнительный свет на пути и способы конспирации, применявшиеся в тот период революционными организациями.

Революционеры, безусловно, и догадывались, и знали, что определенное число писем проходит перлюстрацию. В своей переписке революционеры использовали для шифровки произведения самых разных авторов. В октябре 1907 года начальник Киевского охранного отделения доносил в Департамент полиции, что для переписки между собой социал-демократические ор-

ганизации, входящие в состав Южного района, установили шифр по поэме Пушкина «Евгений Онегин». Приходилось изобретать и новые приемы переписки. Так, брались каталоги разных фирм, между строк писался нужный текст химическими чернилами. Начальник Петербургского охранного отделения в 1916 году докладывал, что «известный лидер большевиков Ленин ведет переписку» с Петербургом при помощи каталогов через техническую контору Л. В. Красина.

Департамент полиции считал самой конспиративной организацией социал-демократов, и это было действительно так. За деятелями РСДРП и их перепиской было установлено не просто наблюдение, а самый тщательный надзор. Но, несмотря на все меры правительства, в поле зрения попадала лишь небольшая часть переписки. Умелые действия способствовали тому, что предпринимаемые карательным аппаратом меры политического сыска становились все менее и менее эффективными.

Тематика перлюстрированных писем в Коллекции чрезвычайно разнообразна. Здесь мы найдем материалы, характеризующие эпоху, время, отношение различных слоев общества к тем или иным мероприятиям правительства, а также событиям в политической жизни. Диапазон мнений, отраженных в письмах, настолько широк, что по ним можно проводить социологические исследования. Основная масса перлюстрированных писем посвящена вопросам рабочего, профессионального, крестьянского, студенческого движения на различных этапах, положению в городе и деревне, настроениям в армии и на флоте. Большое количество документов связано с деятельностью различных революционных партий и организаций, перепиской их с центром, получением директив центра, информацией о положении на местах, партийной печатью и ее распространением.

Имеется переписка, характеризующая деятельность монархических организаций, земского и городского союз, прогрессивного блока. Довольно большой объем материалов связан с оценкой и критикой деятельности правящих сфер правительственной политики, министерства внутренних дел, Государственной думы и ее членов.

В письмах отразилось тяжелое положение в ряде партий, особенно в партии эсеров в связи с предательством Азефа. Проблема провокации и борьбы с ней остро стоит в этот период перед всеми революционными партиями, и это можно проследить по переписке.

Как свидетельствует ряд писем, уже в 1908—1909 годах в общественном мнении начинают происходить серьезные изменения, предвещающие скорый революционный подъем.

Костромской губернатор Веретенников в письме к генерал-адъютанту А. Н. Куропаткину в 1908 году пишет: «Внешнее успокоение только кажущееся, революция работает успешно и все более проникает в народ. Полуинтеллигентные освободители поняли: без серьезной сознательной поддержки народа в России ничего не поделаешь, и они работают. Работают с неистощимой энергией и настойчивостью, осторожно и осмысленно, умудренные опытом последних трех лет...»

Обращение к деятельности «черных кабинетов» сегодня продиктовано потребностью открыть еще одно белое пятно в нашей истории.

Редакция «Совершенно секретно» обратилась к известному социологу, кандидату экономических наук В. И. Переведенцеву с просьбой провести анкетирование наших читателей. Нам интересно знать, кто и почему читает наш ежемесячник, что в нем нравится и не нравится, что желательно менять, какие материалы и авторы вызывают наибольший интерес. Просим Вас заполнить анонимную анкету и выслать ее в редакцию. Результаты анкетирования с комментариями социологов будут опубликованы в одном из ближайших номеров «Совершенно секретно».

Ответы подчеркнуть или вписать

1. Читаете Вы наш ежемесячник регулярно или от случая к случаю?

2. Обычно Вы читаете номер:
— целиком
— большинство материалов
— отдельные материалы

3. Этот номер ежемесячника Вы:
— купили в киоске
— взяли у друзей, знакомых
— приобрели у спекулянта за ___ руб. ___ коп.

4. Удовлетворил ли Вас этот номер ежемесячника в целом? Оцените его по пятибалльной шкале:

5 — очень хороший
4 — хороший
3 — удовлетворительный
2 — плохой
1 — очень плохой

5. Назовите материалы этого номера, которые, по Вашему мнению, заслуживают следующих оценок:

5 _____
4 _____
3 _____
2 _____
1 _____

6. Удовлетворяет ли Вас наличие в ежемесячнике материалов на исторические темы?

— да
— не вполне
— нет
Если «нет» или «не вполне», то почему:
— их слишком много
— их слишком мало

7. Материалов какого направления, по Вашему мнению, не хватает (политика, экономика, социология, детектив, судебный очерк)?

8. Материалы какой жанровой направленности Вы больше цените (очерк, интервью, публицистическая статья, беседа, проповедь, мемуары, детективный рассказ, уголовная хроника)?

9. Хотели бы Вы видеть в нашем ежемесячнике материалы преимущественно большого объема или, наоборот, Вас больше привлекает краткость и высокая информативность материалов?

10. Если Вам кажется, что какие-то материалы этого или других номеров ориентированы на слишком неразвитых, с низким вкусом читателей, просим назвать эти материалы:

1. _____
  2. _____
  3. _____
11. Где был отпечатан экземпляр «Совершенно секретно», который Вы читаете (см. выходные данные на с. 32)?
12. Как Вы хотели бы получать ежемесячник в будущем?
- по подписке
  - покупать в киоске
13. Что было бы для Вас предпочтительнее?
- чтобы ежемесячник выходил по-прежнему один раз в месяц на 32 страницах
  - чтобы выходил два раза в месяц на 16 страницах
14. Чего, по Вашему мнению, не хватает в этом номере?
15. Что, по Вашему мнению, в номере лишнее, без чего можно обойтись? Назовите конкретные материалы
16. Удовлетворяет ли Вас политическая направленность «Совершенно секретно»?
- удовлетворяет
  - удовлетворяет частично
  - не удовлетворяет
17. Какие центральные газеты и журналы Вы регулярно читаете?
18. Общественная позиция каких центральных органов печати Вам наиболее близка? Назовите газеты и журналы
19. Вам наиболее близки общественные позиции каких
- политических партий
  - лидеров
  - социальных движений (народные фронты, интерфронты, «зеленые» и т.д.)
20. Если у Вас есть любимые современные отечественные писатели, назовите их (не более трех)
21. То же публицисты
22. Какие постоянные телепередачи («Время», «Вести», «Пятое колесо», ТСН, АТВ и т.д.) Вы оцениваете:
- положительно
  - отрицательно
- Если Вас интересуют и волнуют еще какие-то вопросы, связанные с ежемесячником «Совершенно секретно», просим дополнительно написать нам здесь или на отдельном листе и выслать вместе с заполненной анкетой.
- Сообщите некоторые сведения о себе
23. Ваш возраст:
24. Пол: муж., жен.
25. Образование: высшее, незаконченное высшее, среднее специальное, среднее общее, неполное среднее
26. Профессия и специальность (напр., шофер, слесарь-инструментальщик, учитель математики, инженер-строитель и т.д.)
27. Квалификация (слесарь — разряда, шофер — класса, младший научный сотрудник и т.д.)
28. Занятие в настоящее время (работа на заводе, в учреждении и т.д.)
29. Социальное положение (рабочий, служащий, студент, пенсионер и т.д.)
30. Ваше семейное положение (холост, состою в браке, разведен), если у Вас есть дети — их число
31. Сколько человек проживает совместно с Вами (считая вместе с Вами)
32. Ваш личный чистый месячный доход (зарплата, пенсия, стипендия, пособие) со всеми дотациями, рублей
33. Каков месячный доход на одного члена семьи, рублей
34. Где Вы проживаете: республика, область, город, поселок городского типа _____ их название.

Среди политических и государственных деятелей XX века особое место занимает Франсиско Франко. Десятилетиями он считался в советской прессе персоной нон грата; информация о нем была минимальной, а та, что публиковалась, носила по преимуществу негативный характер. Это мешало составить объективное мнение о Франко и как о руководителе одного из крупнейших государств, и как о человеке. Публикуя отрывок из подготавливаемой к печати в издательстве «ИНКОМ НВ» книги журналиста-международника Сергея Муравьева, мы надеемся хотя бы в малой степени восполнить этот пробел.

Сергей МУРАВЬЕВ

Пятного января 1938 года у Хуана Бурбона и Баттенберга и Марии де лас Мерседес де Бурбон и Орлеан родился сын Хуан Карлос, будущий король Испании. Но должно было пройти еще тридцать лет, прежде чем бледный как смерть врач, осматривая диктатора Франко, выговорил: «Предынфарктное состояние», и каудильо понял: пора назначить наследника, того, к кому перейдет власть в Испании.

Закон о преемственности каудильо провел еще в 1947 году. Острые этого документа было нацелено на законного претендента на престол дона Хуана, графа Барселонского, которого Франко стремился использовать пересорить с сыном. Закон, по существу, превращал Испанию в королевство без короля, в котором Франко отводилась пожизненная верховная роль при наличии регентского совета и совета королевства. А что касается кандидата... Он должен был быть исключительно королевской крови, мужского пола, испанцем, старше 30 лет, обладать соответствующими высокому положению качествами и присягнуть Фундаментальным, то есть франкистским, законам, а также принципам Национального движения.

Позиция каудильо формировалась постепенно, скрупулезно и хитро. Он нутром ощущал, что будущее государственное устройство будет иным и откровенно шлозы, сдерживавшие свободу творческой и деловой инициативы. В этих мыслях он заходил далеко и, надо отдать ему должное, на старости лет пришел к выводу, что созданные им конструкции отслужили свое. Он хотел видеть преемником сильную, решительную личность, способную обуздать, если потребуется, любого политического монстра, которого могут породить грядущие новации и перемены. Он искал эту личность целенаправленно и твердо.

Каудильо многого не мог сказать даже своим ближайшим помощникам. Возможно, потому, что сам приучил их верно поддано ожидать от него решений. Некоторые своих мыслей иногда пугался сам, опасаясь, что их разглашение посеяло бы в стране смуту.

Двенадцатого июля 1969 года состоялось наконец знаменательное раунду между немощным старцем, воплощающим все еще абсолютное могущество, и полным сил 31-летним принцем Хуаном Карлосом.

— Я хочу гарантировать преемственность, — генералиссимус выделил последнее слово, — и ожидаю, что Ваше Высочество сможет привести обновляющее дыхание в испанскую политическую жизнь.

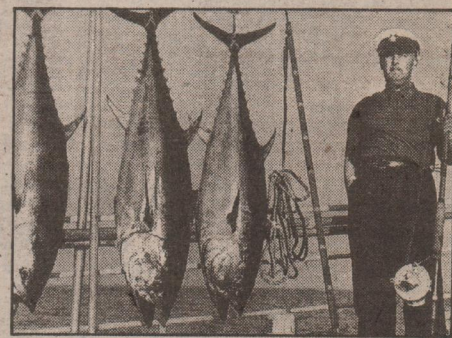
Затем Франко два дня кряду находится в парламенте, предложив ему на рассмотрение закон, согласно которому принц в свое время взойдет бы на испанский престол. При этом каудильо предпочитает, чтобы кортесы в его присутствии открытым поименным голосованием одобрили декрет. Он проявляет максимум усердия и использует весь свой престиж и влияние. Итог голосования: 491 голос — «за», 19 — «против» при девяти воздержавшихся.

Дотошные копатели пыльного антиквариата, вероятно, удивились бы немало, обнаружив одну любопытную деталь, которую хитроумный каудильо вплет в закон 1969 года. Когда бывший шеф ЦРУ Вернон Уолтерс, прекрасный владеющий испанским, а заодно еще семью языками, прибыл в 1974-м в Мадрид с целью выпытать у Франко истинные намерения относительно наследника, тот, изобразив удивление, повторил общезвестное: «После моей смерти будет править принц Хуан Карлос, что уже утверждено, и произойдет то, чего хочет испанский народ». Но подоплека проявленного Уолтерсом любопытства намного глубже, чем может представиться. Ово отнюдь не было праздным, а тем более случайным. ЦРУ тщательно фиксировало происходившее в Испании, и, разумеется, от его внимания не ускользнули всевозможные интриги и маневры вокруг вопроса о преемнике. Ни с того ни с сего попользлись слухи о другом претенденте на кресло генералиссимуса, несмотря на то что судьба принца вроде бы определилась.

Его имя — дон Альфонсо де Бурбон, двоюродный брат Хуана Карлоса, женившийся на одной из внучек Франко и делавший все от него зависящее,

чтобы как можно плотнее сблизиться с генералиссимусом. На что же рассчитывал дон Альфонсо? Дело заключалось в том, что Франко в конце текста закона обговорил... сохранение за собой права вплоть до момента кончины отозвать в случае необходимости (!) решение о назначении утвержденной кортесами кандидатуры. Коварный ход? Наверное, хотя нельзя исключать, что это диктовалось обычной предусмотрительностью. Каудильо, повторимся, опасался больше всего непредсказуемости политической эволюции. Между тем час его кончины неумолимо приближался.

Пятнадцатого октября 1975 года Франко пожаловался доктору Посуэло на ноющую боль в груди, не дающую спокойно дышать. Тот с величайшей осторожностью и тщательностью сделал электрокардиограмму и, расшифровав ее, что-то озабоченно пробормотал про себя. Факт недомогания, как всегда в искаженном виде,

просочился в кулуары, где переговаривались о том, что перенесенный каудильо грипп может пагубно отразиться на здоровье 82-летнего старика. Диагноз же был категоричен: инфаркт миокарда.

Франко аккуратно переместил в тихую комнату его дворца, а в гостиной тем временем шумно спорили между собой 36 врачей, не считая зятя генералиссимуса Кристобала Мартинеса Бордью, несшего подле своего родственника стоическое дежурство. Медики настаивали на полном покое, а Франко утверждал, что должен заниматься неотложными делами.

Восемнадцать дней спустя врачу пришлось рукой залезть ему в глотку и вытащить огромный сгусток крови, перекрывавший дыхание. Франко прошептал: «Все, оставьте меня». Он даже не подозревал, что агония продлится почти три недели, что придется перенести три операции и что его жизнь будет не раз висеть на волоске.

Однако Франко отвергал врачебные рекомендации. Всего восемь часов миновало после инфаркта, а каудильо отдал указание о проведении гражданских аудиенций, назначенных на среду и ставших для него последними.

Ни президент вертикальных синдикатов банков Эмилио Ламо де Эспиноса, ни только что утвержденный ректор Мадридского политехнического университета и пришедший принести за это благодарность Хосе Луис Рамос Фигерас не уловили у Франко признаков тяжелого недуга. Они лишь узрели перед собой дряхлого старика, слова которого были трудно различимы. Каудильо провел на ногах два с половиной часа, принял одиннадцать визитов, произнес несколько коротких речей, в течение которых Посуэло, врач, сильно нервничал, не сводя с властелина пристального взгляда.

На другой день доктор Виталь Аса Фернандес Неспаль сообщил Франко, что у него заметная сердечная недостаточность, рекомендовав абсолютный покой. Каудильо, отмахнувшись, принимал в рабочем кабинете председателя правительства и министра иностранных дел, обеспокоенных намерением короля Марокко Хассана вторгнуться в Сахару.

Семнадцатого октября каудильо, как и в любую другую пятницу, решил председательствовать на заседании кабинета министров, не согласившись, как того требовали врачи, провести его в своей комнате. Тогда ему предложили воспользоваться стулом на колесах. И опять отказ. Но против того, чтобы ему поместили на грудь, под сорочку, небольшой аппарат для дистанционного контроля за сердечной деятельностью, он не стал особо возражать. Посуэло с ассистентами должны были находиться в соседнем зале, внимательно следя за показаниями, появляющимися на экране монитора. Врач предупредил:

— Ваше Превосходительство, если мы заметим какие-то серьезные изменения, нам придется войти. Мы Вас уложим на спину прямо на пол и приступим к необходимым процедурам.

О своих приготовлениях Посуэло поставил в известность одного только председателя правительства, попросив его провести заседание как можно быстрее. Тот, поблуднев, утвердительно кивнул.

«Появление Франко на сцене» происходило в обычной манере, ничуть не отличавшейся от той, в

ПОЛТА

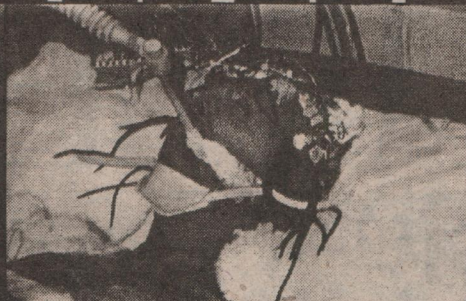
Именно он скрывал от общественности информацию о том, как обстояли дела с «гриппозным» синдромом вождя, который, отметив истину ради, дал на то самоличное указание. Немногом позже и его перестали знакомить с диагнозами, видоизменяя их до неузнаваемости.

Двадцать восьмого числа врачи констатируют очень тяжелое состояние. Все говорили о приближающейся развязке.

Каудильо поманил к себе зятя. Тот склонился, подставив ухо, затем быстро вышел в соседнюю комнату, чтобы привести жену. Кармен, дочь диктатора, хранила отредактированное отцом прощальное послание в форме политического завещания, которое ей предстояло вручить председателю правительства, когда генералиссимуса «не станет». До последнего часа не заполнял Франко тот абзац документа, в котором должен был быть обозначен будущий король. Утром Кармен перепечатала завещание, уничтожив оригинал, и сейчас, подняв подушки в изголовье отца, подала ему на подставке машинописный лист и вложила ручку меж трясущихся пальцев. Собрав остаток сил и превозмогая жуткую боль, каудильо после слов «окружите короля Испании» слабеющей рукой вписал: «дона Хуана Карлоса де Бурбона».

Генералиссимус отдал распоряжение запустить машину преемственности, предполагавшей, что функции главы государства временно перейдут к принцу.

Третьего ноября настал критический момент. Врачи не успевали вливать в каудильо кровь, которая вытекала из горла и ануса. Кроме всего прочего, он захлебывался кровью, заполнившей дыхательные пути. Это было невыносимо. Франко мог умереть в любую секунду. Выход один: оперировать, чтобы перекрыть очаги кровотечения. Времени не хватало

какой прошли предыдущие триста заседаний в этом роскошном зале. Франко, стоя у своего кресла за огромным вытянутым столом с овальными торцами, ожидал, пока войдут члены правительства. Первым подошел с наполненными ужасом глазами председатель правительства, пожал руку и занял место справа от каудильо. Потом в протокольном порядке подходили остальные, исполняя отличающийся торжественностью ритуал. Как всегда, при этом царил гробовое безмолвие. В конце концов шуршащим голосом, вышедшим из усилителя вполне уверенным, Франко открыл совещание. Среди не имеющих цены тарнитуров и гобеленов, которыми пользовались и любовались поколения королей, председатель правительства предоставил поочередно слово трем своим заместителям. Врачи тут же зафиксировали необычное возбуждение каудильо. Министр труда, рассказывая, как он на днях сопровождал принца в поездке по Ла-Манче, привел эпизод, послуживший причиной волнения генералиссимуса. Жители окрестных деревень разбежались в испуге, завидев вертолет, пилотируемый Хуаном Карлосом, принимая неведомую машину за Антихриста. Но, рассмотрев после ее приземления, что из кабины вылезает принц, окружили его и дружно скандировали: «Франко, Франко, Франко!»

Генерал не мог сдержать волнения. Это едва не стоило ему нового сердечного приступа.

Заседание завершилось. Франко поднялся, провожая высокопоставленных особ, покидающих зал в строгом порядке. Он делал это молча, с потухшими глазами, ловя ртом воздух, как умирающая рыба, выброшенная на берег. Как только за последним министром закрылась дверь, каудильо подхватили под мышки, уложили на носилки-каталку и доставили в опочивальню. И вновь электрокардиограмма. Диагноз: опасное ухудшение.

Хотя Франко, по существу, стоял одной ногой в могиле, состояние его здоровья скрывалось от испанцев и даже от министров. А между тем генералиссимус перенес еще несколько инфарктов. Один — на рассвете 19 октября. Франко воспринял его как последнее уведомление о близкой разлуке с миром, прошепав пересохшими губами: «Все завершается». Третий инфаркт настал ночью 20-го числа. В тот день состоялось предпоследнее политическое действо с его участием. Глава государства в течение 25 минут принимал у себя в кабинете председателя кортесов, с которым обсуждал механизм реализации преемственности. В силу занимаемой должности тот являлся президентом регентского совета.

даже на то, чтобы доставить больного в клинику. Тогда решили отважиться на хирургическое вмешательство в импровизированной операционной. Степень риска уже не играла решающей роли, так как вопрос стоял «или — или». Сложился драматический финальный парадокс в биографии самого могущественного человека в Испании, как будто судьба нарочито уготовила ему мученическое отмишение. Остановили выбор на небольшой комнате, служившей хозяйственным отсеком, — вся она была завалена домашней утварью. Ее быстро привели в надлежащий вид.

Когда хирург взял за скальпель, у каудильо из носоглотки хлынул кровавый фонтан, и врачи, обессиленно опустив руки, приготовились к молитве. Идально уже оповестил о смерти Франко принца, принцессу и премьер-министра, ожидавших в смежном помещении. Но доктор успел ввести гастроскопический зонд с резиновым шариком на конце, который, надавив на стенки желудка, предотвратил дальнейшие выбросы крови.

В половине десятого вечера врачи приступили к операции в условиях, приближающихся к кошмарным. Не хватало электроэнергии, в связи с чем весь дворец погрузился во мрак. Тело пациента освещалось ручными лампами, удлинительные шнуры от которых уходили куда-то в темные интерьеры дворца. Лишь спустя три часа после операции врачи смогли вздохнуть с некоторым облегчением, хотя опять обозначилась сердечная недостаточность. Объявленный умершим, каудильо воскрес из небытия. У Франко еще работало сознание, и он понимал, в каких условиях ему приходилось бороться со смертью.

Через сутки мозг генералиссимуса, однако, уже почти не воспринимал действительность. Двадцатого ноября каудильо, как это обычно происходит в миг расставания со всеми, открыл глаза и по воле проведения ненадолго обрел дар речи. Мутным взглядом он обвел стоящих полукругом около него и с мольбой посмотрел на принца. Хуан Карлос подошел к Франко. Зримо угасая, тот простер вверх перст и выдохнул в лицо своему преемнику: «Ты должен править страной по-другому, не так, как я». Через несколько секунд он закашлялся кровью, дернулся и, выпучив глаза, застыл на смертном одре.

Генералиссимус Франсиско Франко Баамонде скончался.

Герои документальной книги «От Лос-Аламоса до Лондона», отрывок из которой мы предлагаем вашему вниманию. — сотрудники внешней разведки КГБ, граждане США Моррис и Леонтина Козны, ставшие известными всему миру под именами Питера и Элен Крогеров. В 1937 году Моррис выехал в составе Интернациональной бригады в Испанию, в одном из сражений был тяжело ранен, после выздоровления учился в Барселонской разведшколе, где и начал сотрудничество с советской разведкой. Вернувшись в США, женился и привлек к сотрудничеству свою жену Леонтину Владиславовну Пэтке. Она стала работать в качестве связника, в том числе с весьма ценным агентом, находившимся в американском атомном центре в Лос-Аламосе.

В годы войны Моррис в составе союзнических войск участвовал в боях под Арденнами в Бельгии и Франции. Закончил свой боевой путь на Эльбе. После войны Козны были связниками у известного советского разведчика Р. И. Абеля, затем из-за неблагоприятно сложившихся обстоятельств были вынуждены уехать из США в СССР. Завершив специальную подготовку, они были внедрены в Англию в качестве связников-радиостов нелегальной резидентуры другого известного советского раз-

В.А. ШИР ЧИКОВ

ведчика Гордона Лонсдейла (К. Т. Молодого). В январе 1961 года Козны были арестованы по делу Лонсдейла и приговорены к 20 годам тюрьмы. Во время ареста, следствия, суда, а также девятилетнего заключения вели себя стойко и мужественно и не выдали никаких секретов советской разведки. Однако в ходе следствия англичанам удалось установить американское происхождение Кознов, их причастность к деятельности советской разведки в США (по делу Р. И. Абеля). Это значительно усложнило мероприятия по вызволению их из тюрьмы. Лишь в 1969 году Козны возвратились в Москву и в течение ряда лет передавали свой богатый профессиональный опыт молодым сотрудникам разведки. Сейчас они на пенсии.

Пришло время рассказать о том, что оставалось тайной более пятидесяти лет и что безуспешно пытались узнать американские и английские спецслужбы, как Моррис и Леонтина Козны получили доступ к материалам о проектировании и создании в Лос-Аламосской лаборатории первой в мире атомной бомбы и помогли советским ученым в более сжатые сроки создать собственную атомную бомбу.

КРОГЕРЫ

Какими-либо сведениями о том, что американские ученые приступили к работе над проектом атомной бомбы, советская разведка до 1942 года не располагала. Информация по ключевым вопросам «уранового чудовища» тщательно оберегалась как важнейшая государственная тайна Америки. Даже использование выражений «атомная энергия», «атомная бомба» не допускалось не только в периодической печати, но и в закрытых научных публикациях.

Стремление сохранить в глубокой тайне не только от врагов, но даже от союзников любые открытия в новой отрасли знания, побудило американцев создать вокруг атомного центра такую стену секретности, что ни одна разведка мира не смогла бы проникнуть через нее. И только советская ... прошла!

«Москва. Центр. Лично т. Александру»¹.

На № 834/23 от 14.06.42 г.

Совершенно секретно.

Отношение правительственных и научных кругов Соединенных Штатов Америки к практической осуществимости создания атомной бомбы изменилось в связи с нападением Японии на Пирл-Харбор. До того как японцы вергли Америку в войну, вашингтонские власти и консервативные представители Пентагона умали или вовсе игнорировали военные возможности деления урана. Одной из причин такого недоверия являлось то, что многие ученые-ядерщики, работавшие в США, недавно эмигрировали из Европы и были либо иностранцами из вражеского лагеря, либо свежесписанными гражданами Америки.

Обстановка, связанная со вступлением США в войну, потребовала от правительства и Пентагона решительных действий в направлении использования атомной энергии в военных целях; все исследовательские лаборатории по делению урана, дислоцирующиеся в Нью-Йорке, Беркли, Принстоне и Чикаго, начали работать по единому плану, получившему кодовое название «Манхэттенский проект». Организация всех работ возложена правительством на американскую армию. Начальником проекта на-

Леонтина Козны, 1948 г.

Моррис Козны, 1947 г.

значен генерал Гровс. По неточным данным, возглавить крупнейшую в Америке «сверхлабораторию», в которой будет создаваться атомная бомба, предложено Роберту Оппенгеймеру.

Долго решался вопрос о месте изготовления самой бомбы. Оппенгеймер предложил генералу Гровсу плато Лос-Аламос в штате Нью-Мексико. Это была пустынная территория, равно удаленная и от Атлантического побережья, куда иногда подходили германские подводные лодки с разведывательными целями, и от острова, осажденного японцами, и от населенных районов, жители которых могли пострадать в случае аварии во время проведения опытов. Предложение ученого было принято, и с тех пор его «сверхлаборатория» стала называться Лос-Аламосской. Поблизости от нее селятся пока в бараках ученые и инженерно-технические работники. Тех, кому еще не успели построить жилье, ежедневно доставляют на плато автобусом из старинного городка Санта-Фе.

Для въезда в этот район посторонним лицам требуется особое разрешение ве-

лок плотно насыщен агентами ФБР. За неблагонадежными людьми организована специальная слежка. Они не могли покидать своих квартир или комнат после десяти вечера, не могли зайти в магазин или к своему коллеге без того, чтобы за ними не следили и не регистрировали каждый их шаг. В их служебных помещениях установлены замаскированные микрофоны. Все телефонные переговоры постоянно прослушиваются. Под особым инквизиторским контролем находятся ученые неамериканского происхождения, которые посвящены в важные государственные тайны и могут, по мнению ФБР, поддаваться соблазну и раскрыть их своим советским коллегам или разведке других стран.

Несмотря на такой ужесточенный режим секретности, нами предпринимаются дальнейшие меры по внедрению надежных источников в Лос-Аламос.

Максим².

Через два дня Фитину доложили новую шифровку от Максима:

«К нашему источнику обратился знакомый по войне в Испании ученый-физик Артур Филдинг. Зная, что Луис работает в Амторе, он интересовался, как к нему относятся русские и с кем из них он мог бы познакомиться. Филдинг не скрывал при этом, что у него есть очень ценная информация для них, что она связана с его устройством на работу в Лос-Аламосскую лабораторию. Связаться самому с кем-либо из сотрудников советского генконсульства он опасается. В Нью-Йорк приехал навестить больных родителей. Будет находиться здесь в течение двух недель. Из состоявшейся с ним беседы у Луиса сложилось впечатление, что Филдинг действительно хочет нам помочь. Наше мнение такое же».

Полагаем осуществить его вербовку через Луиса. Аналогичные задания Луис уже выполнял, и весьма успешно. Просим срочно рассмотреть.

Максим³.

Прочитав шифровку, Фитин вызвал Квасникова⁴:

— Что будем делать?

— Надо поддержать. Вы же сами ставили перед резидентурой задачу по проникновению в святая святых Лос-

¹ Зарубин Василий Михайлович — руководитель советской резидентуры в г. Нью-Йорке в 1941—1943 гг.

⁴ Квасников Леонид Романович, начальник подразделения по научно-технической разведке.

¹ Фитин Павел Михайлович, начальник внешней разведки НКВД СССР.

² Директор Управления стратегических служб (УСС), впоследствии преобразованного в Центральное разведывательное управление (ЦРУ).

Аламоса! Я полагаю, что такого шанса нам упустить никак нельзя!

— А если это подставка?

— Не думаю.

— Хорошо, что вы предлагаете?

— Надо проверить, действительно ли он ученый, и попытаться определить его отношение к Советскому Союзу. Выяснить его реальные возможности по добытию интересующей нас информации.

— Второе принимается, а вот в отношении первого я не согласен: получается, что мы не доверяем Луису. Он же знает Филдинга не только как интернационалиста, но и как ученого. А потом, мы же все равно не имеем пока возможности перепроверить все это через другие источники, кроме Луиса. Только он знает Филдинга.

Квасников согласно кивнул.

— Готовьте пока проект шифровки в Нью-Йорк и заложите в нее мысль о том, что до вербовки Филдинга неплохо было бы получить дополнительные данные о его надежности и возможностях по добытию информации в Лос-Аламосе. И еще: узнайте, кто у нас в Центре ведет дело на Луиса, и попросите, чтоб на него срочно подготовили справку-характеристику: мне необходимо составить собственное мнение о Луисе и определиться, может ли он выступать в качестве вербовщика.

Через полчаса дело №13676 было доложено на ознакомление начальнику внешней разведки.

«Кози Моррис, тысяча девятьсот девятого года рождения, американец, холост, служащий, член Компартии США, привлечен к сотрудничеству в 1938 году на идейной основе...»

ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ЛУИСА:

Мои родители — эмигранты. Мать родом из Вильно, отец из местечка Тарашин, что под Киевом. Жили они в Нью-Йорке, в районе Гарлема, на Ист-Сайде. В доме у нас часто собирались выходцы из России и Украины и слушали привнесенные с собой пластинки, пели народные песни, но праздникам устраивали балы, на которых танцевали польку и гопака. Но больше всего мне запомнились их рассказы о неведомой мне стране — России. Всякий раз, как только они начинали вспоминать о ней, у меня возникало желание хоть одним глазом увидеть родину моих предков. Это желание с возрастом еще больше укреплялось во мне.

В 1933 году я вступил в Лигу коммунистической молодежи Иллинойского университета, но вскоре был исключен из него за распространение политических листовок, которые мы печатали по ночам, а расклеивали рано утром. В Нью-Йорк я вернулся членом Компартии США.

В 1936 году, когда фашизм поднял голову и в Испании, в мире мгновенно произошла поляризация сил: с одной стороны, силы мира, прогресса и демократии, с другой — приверженцы реакции угнетения и тирании. Каждому надлежало тогда сделать свой выбор: на чьей стороне? У меня много выбора, чем добровольно встать на защиту Республики, быть не могло.

В 1938 году в одном из сражений при Фуэнтесе Де Эбро политкомиссар из батальона Маккензи-Панино американец Моррис Козн, известный под фамилией Олتمان, был ранен в обе ноги и направлен в Барселонский госпиталь.

После выздоровления его пригласили в соседнее с госпиталем двухэтажное здание, окруженное со всех сторон высокой каменной стеной. Когда-то это была вила богатого испанского аристократа из Мадрида, теперь в ней размещалась разведывательная школа республиканской армии, где обучались представители дольши национальностей. На контрольно-пропускном пункте Олтамана встретил высокий блондин в оливкового цвета френче без погон и каких-либо нашивок. Это был начальник школы Браун⁵. На безупречном английском языке он рассказал ему о том, что в школе готовятся кадры военных разведчи-

ков, радистов, снайперов, партизан-подразывников, и сообщил о том, что в связи с ранением Олتمان рекомендуется от 15-й Интернациональной бригады имени Авраама Линкольна на курсы радистов. Параллельно с учебной выяснялась его пригодность для выполнения разведывательных заданий.

Когда победа мятежников генерала Франко, поддержанных фашистами Италии и Германии, стала очевидной, начальник разведшколы под предлогом занятий по радиосвязи пригласил Олтамана в учебный центр, расположенный в предгорьях Пиреней, и провел с ним откровенную беседу, завершившуюся привлечением к негласному сотрудничеству.

ПРИМЕЧАНИЕ БРАУНА:

После предложения Олتمان настолько погрузился в глубокое раздумье, что, когда я подошел к нему вплотную, он, будто не подолжая о моем присутствии, задумчиво смотрел на спускавшуюся вниз пыльную горную тропу. Чтобы вывести его из состояния транса, я заговорил с ним о симптомах возникновения новой мировой войны, понятных мне и, может быть, непонятных ему, а также о том, что для советской разведки очень важно будет не прозевать возможно вынашиваемых Гитлером планов по нападению на Советский Союз, и тут он произнес:

— Да, компанейро Браун, главная опасность для нашей страны будет исходить от германского фашизма, которому европейские государства почему-то до сих пор не хотят противодействовать. Очевидно, они тоже, как и фашистская Германия, одержимы ненавистью к Советам. Мало им, видно, организованных в двадцатые годы заговоров, мятежей, блокады и гражданской войны, теперь вот опять нужна кровавая бойня. Да, война нужна им, и только им, ибо других путей уничтожить новый строй в России у них нет!

Свое будущее и будущее многих народов планеты я связываю только с Россией. И если в это трудное для России время я могу хоть чем-то ей помочь, то знайте — для меня нет большего счастья.

А дальше все шло своим ходом, о чем свидетельствуют потерянные пожелтевшие листы бумаги, подшитые в деле №13676: «Москва. Центр. Александрову. Совершенно секретно.

Связь с Олتمانом установлена. Его псевдоним — Луис.

Работать с ним будет Тсен⁶. Геннадий⁷».

Моррис Козн познакомился с Лорной Пэтке в 1937 году на митинге в поддержку Испанской республики. Пэтке тоже хотела записаться в Интернациональную бригаду имени Авраама Линкольна, но руководители Нью-Йоркского филиала Компартии США убедили ее в том, что она должна остаться для работы в городе.

ИЗ БИОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ ЛЕОНТИНЫ ВЛАДИСЛАВОВНЫ ПЭТКЕ:

1913 года рождения, полячка, родилась в штате Массачусетс. С раннего возраста столкнулась с необходимостью твердо стоять на собственных ногах, встречаться лицом к лицу с трудностями американской жизни и избирать собственный путь их преодоления. В 14 лет начала работать. Была и детской няней, и домработницей, и официанткой. В 1927 году вместе с родителями переехала на жительство в Нью-Йорк. В 1935 году вступила в Компартию США.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЛУИСА:

Сразу после митинга в «Мэдисон Сквэр Гарден» мы зашли, помню, в кафетерий. В своем небесно-голубом костюмчике и маленькой белой шляпке Лорна выглядела как картинка. На кого, помню, не посмотрит, будто пламенем всех обжигала. Одним словом, огонь-девка. Единственным ее недостатком, кстати, было то, что она была чересчур хороша — как та красивая невеста, кото-

рая нравилась слишком многим. Между прочим, впоследствии ей это здорово пригодилось: кого надо она часто обезоруживала своей обаятельной внешностью. И хотя характером я был полной ее противоположностью, излишне, может быть, скромным и нерешительным, для себя я твердо решил: чего бы мне ни стоило, но влюбить в себя эту боевитую и довольно экспансивную девушку я обязан. Однако тогда в кафетерии мне удалось лишь получить ее телефон, потом я уехал в Испанию. Два года я не видел ее и уже не надеялся, что когда-нибудь снова встречу с ней...

...Я тщательно проверял ее перед тем, как сказать Твену о том, что в конце концов я должен тоже иметь спутницу жизни и что рано или поздно ей придется разделить мою судьбу во всем, в том числе и в оказании ей помощи советской разведке...

Будучи неплохим психологом, я мог бы без труда убедить Лору в том, что посредством шпионажа многие страны испокон веков хотели и хотят знать не только то, что их ждет впереди, но и как лучше обезопасить себя. Что сбором и анализом разведывательной информации человек начал заниматься с незапамятных времен. Но я не стал тогда тратить время на исторический экскурс и лишь попросил Лору никому не рассказывать о нашем разговоре, потому что, только храня строжайшую тайну, мы сохраняем жизнь не только себе, но и тем русским, которые работали в Нью-Йорке. Удивленная моим сообщением, она тогда спросила: «А не странно ли тебе?» — и я ответил ей, что иногда бывало действительно страшно, даже казалось, будто каждый прохожий смотрит на тебя и знает, что ты такой. И вот так каждый день — напряжение всех духовных и физических сил, а тут еще эти навязчивые мысли о возможном приближении того страшного момента, когда тебя могут разоблачить...

Буквально со следующего дня Луис начал обучать Лесли⁸ приемам разведывательной работы.

Всю свою жизнь Лесли была и осталась смелой, решительной и здравомыслящей женщиной. Она всегда знала, что хочет и чего не хочет. И до разговора с мужем она не плыла по течению, а сейчас, ей казалось, что ее жизнь с ним приобрела особый смысл и значение. И она подчинилась его воле. С этой поры и закончилась ее распланированная и упорядоченная жизнь. Ненадолго ее охватила тоска по тем временам, когда ее мысли, помимо работы на военном заводе, были заняты лишь служением партийному делу и когда она сама распоряжалась своей жизнью. Теперь же в ее

жизнь вошло нечто новое: теперь она не принадлежала себе и должна была все время быть не той, кем была на самом деле. Теперь она должна была подчиняться суровым законам разведки.

Как только Луису сообщили, что ему разрешается осуществить вербовку Артура Филдинга, он сразу связался с ним и пригласил на встречу в ресторан «Александрес», расположенный в районе между Фордхэм Роуд и Кингс Бридж. Филдинг передал ему большой пакет с секретными материалами по атомным исследованиям в Лос-Аламосе, затем между ними состоялась долгая беседа. Она воспроизведена Луисом в отчете, приобщенном ко второму тому его личного дела №13676.

ИЗ ОТЧЕТА ЛУИСА:

Л. Объясни мне, пожалуйста, Артур, как это ты решился на передачу другому государству секретных данных об атомной бомбе?

Ф. Я думаю, тебе, Моррис, будет трудно меня понять. Во-первых, я совершенно не согласен с теми, кто считает ошибкой истории появление социалистического государства. Но еще больше я не согласен с теми, кто рассчитывает на возможность исправления этой ошибки с помощью германского фашизма, развязавшего вторую мировую войну. Я убежден, что военные круги Америки пошли на явный обман ведущих ученых-ядерщиков, заставив их заниматься разработкой проекта атомной бомбы во имя, мол, того, чтобы отстоять человечество от нависшей над ним опасности нацизма, наводнившего всю Европу. На самом деле у Пентагона есть свои далеко идущие планы. Они считают, что в Советском Союзе не скоро овладеют атомной энергией. Не раньше, мол, чем через десятки лет, а Америка тем временем с помощью урановой бомбы уничтожит социализм.

Я считаю, что бомба аморальна. Использование любого вида оружия в войне может оказаться аморальным, если оно нацелено не только на уничтожение врага и его боевой техники, но и неизбежно приносит гибель и страдания миллионам ни в чем не повинных людей. Я считаю, что чудовищно и развратно направлять ученых на разрушение и истребление всего живого на Земле. От взрыва такого оружия могут сразу погибнуть несколько миллионов, а потом наступит черед тех, кто станет жертвой радиоактивных осадков. Мое отношение к изготовлению урановой бомбы начало меняться после поражения немцев под Сталинградом и Курском, когда стало очевидным, что Гитлер

⁸ Такой псевдоним советской разведкой был присвоен Леонтине Пэтке.

А. А. Яцков (крайний справа) с американскими бизнесменами. Нью-Йорк, 1942 г.

⁵ Советский разведчик, который из-за несогласия с политикой Сталина не вернулся из Испании и более сорока лет нелегально работал во имя Родины. Проработав на нелегальном положении в шести странах Европы и Латинской Америки, он недавно вернулся в Советский Союз, но назвать его подлинное имя и фамилию не пришло еще время.

⁶ Советский разведчик Семенов Семен Маркович, который после окончания Массачусетского технологического института долгое время работал в Нью-Йорке, а затем был переведен в Париж.

⁷ Руководитель советской резидентуры в Нью-Йорке Гайк Бадалович Овакимян. В конце 1941 г. он был объявлен американскими властями персоной нон грата и по возвращении в СССР стал работать заместителем начальника ИНО ГУГБ НКВД.

проигрывает войну. Я понял тогда, что атомная бомба теперь не нужна, что следовало бы сворачивать дальнейшие работы по ее конструированию, но профессиональные политики и военные наоборот стали усиленно подталкивать нас к завершению этих работ. Главный повод военных заключался в том, что еще не разбит Япония и что обладание атомной бомбой позволит Соединенным Штатам спасти жизнь огромному количеству американцев, так как это ускорит исход борьбы на тихоокеанском фронте. Ученые-эмигранты, выезд которых запрещался за пределы Лос-Аламоса и Санта-Фе, не знали, что Япония потенциально уже проиграла войну. Не знали они и того, что борьба против фашизма не была основной задачей высших эшелонов политической и военной власти и что бомба станет оружием устрашения, которое должно укрепить гегемонию Америки после войны. А фактически оно будет направлено против России. Поэтому я считаю, что надо немедленно довести атомную проблему до сведения русских, поделиться с ними секретными разработками нового вида оружия. Я очень хочу, чтобы не только мы владели таким страшным оружием, но и Советский Союз. Пусть действует всем известный принцип: ты не трогай меня, я не трону тебя... Пусть будет лучше худой мир, чем хорошая драка. Надеюсь, теперь-то ты понимаешь, Моррис, почему я решился на поиски контактов с русскими?

Л. Да, теперь я вижу, что у судьбы оказался возможно единственный шанс, который она дала нам с тобой во имя того, чтобы отвести нависшую над человечеством угрозу гибельной атомной войны.

Ф. Что я должен делать?

Л. Сначала давай определимся, сколько раз мы можем встречаться?

Ф. Встречаться нам надо как можно чаще. Но вся беда в том, что я не имею права без санкции Гровса выезжать из Лос-Аламоса, а тот, в свою очередь, обязан об этом поставить в известность ФБР... Реально мы можем встречаться не чаще одного раза в год, и то во время моего отпуска.

Л. О, это крайне мало. Так мы никогда не достигнем поставленной цели. Раз уж ты не можешь выезжать из Лос-Аламоса, давай договоримся так: через каждые три месяца в последнее воскресенье я или кто-то другой будем приезжать к тебе. Но если по каким-либо причинам мы не сможем явиться на запланированную встречу, то в этом случае она автоматически переносится на следующее воскресенье, и так до конца следующего месяца. Теперь надо обусловить место и конкретное время встреч.

Ф. Приезжать в Лос-Аламос вам нежелательно. Думаю, что будет небезопасно для нас обоих: можно попасть под подозрение ФБР. Лучше всего нам встречаться в небольшом соседнем городке Альбукерке. Это недалеко от Лос-Аламоса. А приезжать туда можно под видом лечения на знаменитый климатологический курорт на горной реке Рио-Гранде.

Л. Хорошо, в какое время мы можем встречаться?.. И где именно?

Ф. В час дня около собора. Это недалеко от железнодорожного вокзала.

Л. О'кей! Если вместо меня на связь выйдет другой человек, то он должен быстро и безошибочно опознать тебя не только по внешности, но и по каким-то особым приметам. Пусть у тебя будет в руке бумажная желтая сумка, из которой торчал бы рыбий хвост. Если ты почувствуешь опасность и сочтешь необходимым отменить встречу, то поверни сумку так, чтобы на ней был виден фирменный рисунок. Чистая сторона будет означать «зеленый свет» светофора. Но если ты будешь заранее знать, что встречу в обусловленный день провести не сможешь, то заблаговременно предупреди меня письмом, в котором должна быть условная фраза: «о ближайшее время пойти в отпуск не смогу». Это будет означать, что встреча переносится ровно на месяц. Если же возникнет необходимость экстренной связи с нами, то так и укажи, что хотел бы поехать на отдых после двадцатого числа. Это значит, к этому числу мы должны направить к тебе связника.

И еще хорошенько запомни: в переписке нашей Лос-Аламос должен называться Карфагеном, место твоей работы Парфеноном, бомба — горгоной, а самого тебя мы будем величать Персеем.

Ф. Прекрасно! По древнегреческой ми-

Л. Р. Квасников, бывший резидент советской разведки в Нью-Йорке

фологии Персей отрубил голову горгоны Медузы. Взгляд ее превращал все живое в камень. То же самое произойдет после взрыва атомной бомбы.

ИЗ КОММЕНТАРИЯ ЛУИСА К ОТЧЕТУ О ВЕРБОВОЧНОЙ БЕСЕДЕ С ФИЛДИНГОМ:

Поначалу, когда Персей обратился ко мне с просьбой познакомить его с кем-либо из русских, я невольно подумал: «А не провокация ли это со стороны ФБР?» Сомнения мои рассеялись лишь тогда, когда на вопрос, почему он, Персей, считает, что ради России нужно раскрывать важную тайну США, ответил четко и убедительно: «Сейчас нет страны, кроме России, которой можно было бы доверить такую страшную вещь». Сказал, что он по долгу совести и гражданской морали не может допустить, чтобы Советский Союз остался безоружным перед грозившей опасностью возможным возникновением атомной войны и оказался в положении державы, которую можно шантажировать. Что советские ученые должны постоянно находиться в курсе теоретических исследований и практических работ, ведущихся в Лос-Аламосской лаборатории. Будучи искренне убежденным в правдивости своего поступка, Персей при передаче секретных материалов об атомной бомбе категорически отказался от материального вознаграждения, мотивируя это тем, что он пошел на этот рискованный шаг из чисто гуманных побуждений.

Должен при этом отметить, что Персей — человек надежный, твердый и решительный: он проанализировал ситуацию, определил ее истоки и перспективу, а затем, посчитав политику Советского Союза более справедливой, принял обдуманное решение помогать советской разведке.

Материалы, полученные Луисом от Персея, были срочно отправлены курьером в Центр и переданы в Кремль, в одну из комнат, где с ними знакомился и давал оценку руководителю лаборатории №2 профессор Курчатов. В тот же день он написал собственноручное заключение, адресованное заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР М. Г. Первухину:

«Сов. секретно.
Мной рассмотрен прилагаемый к сему перечень американских работ по проблеме урана. Направляю Вам результаты этого рассмотрения и прошу Вас дать указание ознакомить с этими результатами Г. Кафанова С. В.» и т. Оваскина Г. Б.¹⁰

Сведения, которые было бы желательно получить из-за границы, подчеркнуты синим карандашом».

После переброски Луиса с Аляски на Европейский континент, от него перестали поступать письма, и Лесли, ранее никогда не унывавшая, теперь совсем упала духом. А тут, как назло, и Сэм (Твена) неожиданно куда-то

исчез и в течение уже нескольких месяцев не давал о себе знать (в тот момент она еще не знала, что Твена отозвали в Москву).

С того дня, как они вместе стали работать на советскую разведку, постепенно они создавали свою особую, только им присущую жизнь, ритм которой не зависел теперь ни от боя часов, ни от восхода или захода солнца. Ритм этой глубоко личной и скрытой ото всех жизни подчинялся неведомым для других людей законам разведки. И вот теперь, когда эта жизнь вышла из накатанной колеи, Лесли впервые по-настоящему стало страшно, как будто на нее уже надвигалась неотвратимая опасность.

Так прошел месяц, потом еще несколько.

Однажды вечером, вернувшись с работы, она обнаружила в почтовом ящике письмо, написанное незнакомым почерком. Сердце пуганое громко заколотилось у нее в груди: «Неужели что-то с Моррисом?» Осторожно надорвала конверт, вытащила из него вдвое сложенный листок тонкой папиросной бумаги и, прочитав первые строчки, с заложенными в них знакомыми ей условностями, поняла, что это тот самый Персей, о котором ей много рассказывал муж перед уходом на службу в армию. Нужно было решать чисто практические задачи: расшифровать условности в письме. Отыскав маленькую шкатулку, в которой Лесли прятала свои секретные записки по группе «Волонтеры», она взяла из нее конвертик со словом «Карфаген», ознакомилась с его содержанием, затем еще раз перечитала письмо от Персея и только теперь поняла, что встреча с ним должна состояться через две недели, о чем она и сообщила на другой день Джонни¹¹.

Центр передал новое задание от Курчатова, требовавшее немедленного исполнения. Подбор кандидатуры связника для направления к Персею в штат Нью-Мексико обсуждался у резидента. Предварительным требованиям — ум, находчивость, крепкое здоровье и терпение — в принципе отвечали только три агента: Клуби, Лесли и Пилос.

На первой стадии отбора было установлено, что Клуби не выносит долгой езды по железной дороге. При внимательном рассмотрении материалов на Лесли и Пилоса были выявлены два факта срыва явок по неуважительным причинам со стороны Пилоса. Поэтому было отдано предпочтение кандидатуре Лесли.

Ее оперативная легенда была разработана следующим образом: Лесли берет отпуск и едет в один из пригородов Альбукерке. Сандиа для лечения горла в высокогорном климатологическом курорте с заранее подготовленным вполне правдоподобным медицинским заключением. В Сандиа она должна устроиться на жительство в какой-нибудь пансион или на частную квартиру, подружиться с хозяйками и в воскресенье выехать автобусом в Альбукерке. Если по каким-либо причинам не удастся в этот день встретиться, то через неделю снова выйти на место встречи. В случае возникновения опасности или обнаружения слежки во время встречи с Персеем разыграть роль влюбленной пары, при этом Лесли должна заранее предупредить Персея, что познакомились они якобы в Нью-Йорке на улице Гранд Конкурс.

В Альбукерке Лесли прибыла вечером 20 июля. В тот же день она сняла комнату с пансионом в пригороде Сандиа, а утром, двадцать первого, в воскресенье, как было условлено, выехала автобусом в Альбукерке. Прибыв на вокзал за час до назначенной встречи, она не спеша направилась к хорошо видимому со всех сторон собору.

При подходе к соборной площади несколько раз проверялась, нет ли слежки, и, не заметив ничего подозрительного, в назначенный час вышла на место встречи. Осмотрелась вокруг. Молодого человека, портрет которого ей показывал Джонни, на площади и у самого собора не было. Тогда она подошла поближе к храму и стала любоваться его архитектурой, изредка бросая осторожные взгляды то направо, то налево в надежде увидеть Персея и пойти ему навстречу.

Поскольку он не знал связника в лицо. Но прошло десять минут, пятнадцать, двадцать, а его все не было. Когда время истекло, она решила, чтобы не привлекать к себе внимания, немного прогуляться. «Почему же он не пришел?» — думала она, переходя на другую сторону улицы, где располагалось красивое здание, в архитектуру которого были вложены испанские народные мотивы. К двум часам она вернулась к собору, и опять безрезультатно.

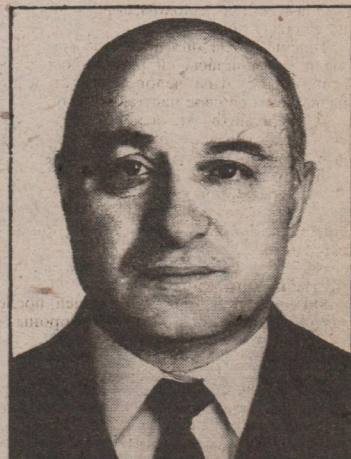
Так она уходила и снова приходила через каждый час, предполагая, что Персей перепутал время встречи. Но до конца дня он так и не появился на соборной площади.

Через неделю повторилось то же самое: Персей опять не пришел на встречу. Глухое недомогание собой, опасение, что она, возможно, просмотрела его еще в прошлое воскресенье, беспокойство, что, может, с ним что-то случилось, — а она даже не знает, где он живет и как ему позвонить, — сменяли друг друга и вызвали в ней растущее раздражение. Вечером она отправила на свой домашний адрес телеграмму: «Гарри так и не приехал на лечение. Что с ним делать — не знаю. Отпуск через неделю заканчивается. Лесли». Первого августа пришел ответ от Джонни: «Ждать и узнавать, как договорились. Париж стоит мессы».

Преодолев внутреннюю неприязнь к Персею, она стала ждать следующего воскресенья. Днем она бродила по Сандиа, а по вечерам коротала часы за чтением либо беседой с милыми хозяевами пансиона. Полная неизвестность, мучительное ожидание предстоящей поездки в Альбукерке. Заметившие ее нервное состояние хозяйки и хозяйка стали намекать, что, возможно, ей следует найти достойного «партнера» на период лечения, но она отлынивала шутками. В чужом, незнакомом городе она уже три недели была совершенно одна. Мужество, поддерживающее ее, было мужеством отчаяния. И снова в воскресенье она выезжает из Сандиа в Альбукерке.

Не встретив Персея и на этот раз, Лесли села в автобус и вернулась в Сандиа. Ей захотелось закрыться в своей маленькой комнатке и, свернувшись калачиком, уснуть не раздеваясь. Это была реакция человека, три недели жившего на одних нервах, — то возбуждавшегося, то успокаивавшегося. Двигаясь в направлении своего пансиона, она подумала о том, что Персей либо решил порвать с разведкой, либо произошла какая-то ошибка в условиях встречи. «Нет, этого не может быть! — отбросила она первую мысль. — Если бы он изменил делу, на которое пошел сознательно, то мог бы выдать и связника... Но он не сделал этого... Значит, надо ждать». Сейчас ей, как никогда ранее, был нужен совет: «Через неделю отпуск заканчивается, она должна быть на работе. Что же делать? Послать опять телеграмму?» И она ждала еще неделю, твердо решив, что если и в следующее воскресенье Персей не придет на встречу, то она сразу, прямо из Альбукерке, уедет домой...

И вот, наконец, в последний раз приехав в Альбукерке, она сдала вещи в железнодорожную камеру хранения и, взяв с собой ридикюль, направилась к месту встречи, ни на что уже не надеясь.

С. М. Семенов, бывший резидент советской разведки в Нью-Йорке

⁹ Уполномоченный Государственного Комитета Обороны, руководивший сектором науки, основные усилия которого в годы войны направлялись на военный потенциал страны.
¹⁰ Заместитель начальника внешней разведки НКВД СССР.

¹¹ Советский разведчик Яков Анатолий Антонович, который был командирован в Нью-Йорк на замену Твена.

Очутившись на соборной площади, она глазам своим не поверила: со стороны кафетерия появился высокий молодой мужчина в белой шляпе, такого же цвета тенниски и сандалиях. Он медленно шел к площади, держа в левой руке бумажную желтую сумку с торчащим из нее хвостом рыбы! «Это он! Наконец-то!» — радости Лесли, казалось, не будет предела: как же, не напрасно приехала сюда, за три с лишним тысячи миль. Мельком взглянула на часы: он пришел очень точно — ровно в час дня.

Персей шел, не обращая на нее внимания. Когда он поравнялся с ней, Лесли, на радостях забыв слова пароля, извиняющимся тоном, очаровательно улыбаясь, произнесла:

— Можно вас спросить?

Персей остановился, глядя на нее сверху вниз, и замер с окаменевшей физиономией: не дай бог, она еще помешает ему встретиться с нужным человеком!

— Спрашивайте, — не слишком дружелюбно ответил он.

Не в силах вспомнить слова пароля, — бывает же такое! — она продолжала улыбаться, будто они были давно знакомы. Потом, явно в нарушение конспирации и вопреки оговоренным условиям, чего с ней ранее никогда не случилось, сердито спросила:

— Ну, вы принесли?

Ошеломленный ее настойчиво-требовательным тоном, он подумал было: «Не провокация ли это со стороны ФБР?» — затем огляделся по сторонам и, предосторожности ради, незаметно повернул сумку так, чтобы на ней была видна марка фирмы — сигнал опасности.

— Да, принес, — выдохнул он и, опустив взгляд на сумку, не растерявшись, добавил: — Только вот полтора килограмма сома.

Лесли наморщила брови и посмотрела на него с недоверием: она получила ответ не тот, что ожидала, и, напрягая память, сосредоточилась, чтобы вспомнить слова пароля. Персей обратил внимание на ее сужившиеся зрачки и легкую дрожь тонких пальцев, теревших козырек на шее. Еще раз осмотревшись вокруг, он пуше прежнего забеспокоился: если его настоящий связник заметит сигнал опасности, то он может пройти мимо...

И тут Лесли, к счастью, вспомнила пароль:

— Скажите, как можно доехать до курорта для легочных больных?

Персей, явно не ожидавший, что на связь к нему пошлют женщину, произнес шепотом ответные слова пароля:

— Климатологический курорт находится в Скалистых горах на реке Рио-Гранде. Проехать туда можно только автобусом с железнодорожного вокзала, — и, облегченно вздохнув, он галантно взял ее под руку:

— Здесь много подозрительных типов. Давайте вместе немного пройдемся в сторону кафетерия.

А дальше, к большому удовлетворению Лесли, все произошло достаточно просто и быстро: Персей сбросил на дно сумки хвост рыбы в целлофановой обертке, достал толстую пачку мелко исписанных листов и сунул ей в руку:

— Здесь все, что я должен передать вам.

Она взяла со вздохом облегчения, лицо ее сразу просветлело. Теперь, когда она получила материалы и успокоилась, ей расхотелось расставаться с этим человеком, так и не назвавшим ей свое настоящее имя.

— Передайте от меня привет Луису, — заметил он, собираясь уходить. — А вы когда намереваетесь уезжать?

Лесли взглянула на часы:

— Через сорок минут.

— Как через сорок минут? — удивился он. — Значит, если бы я не пришел сегодня, то...

— То месячная моя поездка в ваш штат была бы напрасной.

Он еще раз извинился перед ней, после чего они разошлись в разные стороны.

Внутренне Лесли ликовала: она чувствовала себя счастливой в этот чудесный августовский день. Сомнения и страхи, переживания и неудобства, которые недавно тревожили ее, остались позади. Но стоило ей появ-

иться на перроне железнодорожного вокзала, и настроение снова упало: у входа в каждый вагон стояли полицейские в штатском. Они останавливали пассажиров и проверяли содержимое их сумок и багажа. Что же делать?

Мозг Лесли лихорадочно работал: следовало что-то предпринять. Первое, что она решила сделать: выйти к вагону незадолго до отхода поезда, когда у полицейских, измотанных проделанной до ее появления работой, поубавится немного бдительности, да и времени у них для тщательного досмотра останется немного. Но как вести себя с ними: держаться вызывающе или спровоцировать конфликтную ситуацию, что она, мол, не успевает сесть в вагон? «Нет, в такой обстановке против организованного противника бороться можно только организовано», — решила Лесли. — Надо найти к ним подход, чтобы как-то расположить к себе и, главное, отвлечь их внимание от секретных материалов. Словом, сейчас мой ход, а какой игрок уступит свой ход другому? Что ж, с улыбкой — вперед! Второе: у входа в вагон попробую инсценировать потерю железнодорожного билета — мол, спрятала куда-то и забыла».

Настроение ее после этого немного поднялось. Получив в камере хранения свои вещи, она зашла в дамскую комнату и, убедившись, что в ней никого нет, взяла из чемодана книгу «История любви», положила в нее, как закладку, посаженный билет, затем выбросила из коробки с клинском половину гигиенических салфеток в унитаз, а на освободившееся место, на самое дно, уложила полученную от Персея пачку исписанных листов бумаги небольшого формата. Все это время она постоянно наблюдала за вокзальными часами и, когда до отхода поезда осталось всего четыре минуты, схватила вещи и опрометью бросилась к выходу из здания вокзала. Выбрав из него, осмотрелась вокруг: на перроне стояли только провожающие и полицейские у входа в каждый вагон. «Спокойно, милая, — сказала она себе, — иди быстрехонько и больше не оглядывайся».

Маленькая, хрупкая, быстрая и решительная, подгоняемая тревожными мыслями и сочувствующими взглядами провожающих, она сломя голову неслась к вагону номер семь, волоча по перрону большой кожаный чемодан с небрежно наброшенным поверх него светлым летним плащом; а в другой руке — багажная сумка и коробка с клинском.

Запыхавшаяся, уставшая, она хотела забросить в тамбур вагона чемодан, но дорогу ей преградили двое полицейских в штатском: один — пожилой, толстый и низкорослый, другой — помоложе и значительно выше, с бронзовым загаром лица.

— Ваши документы, мисс, — вежливо потребовал молодой и предложил ей открыть чемодан.

— И сумку тоже, — добавил пожилой.

— А зачем чемодан и сумку? — с доброжелательно-чистосердечной миной произнесла она. — Я же не успею сесть в вагон...

— Не беспокойтесь, мисс, поезд не уйдет без нашего сигнала.

Она открыла чемодан, и пожилой полицейский начал рыться в ее вещах. Движения его были быстрыми и ловкими.

— Боже мой, что же вы делаете?

Она задала этот вопрос таким милым голоском и так лукаво посмотрела на верзилу, что тот почувствовал себя неловко.

— Ничего, это мы еще по-божески, — ответил он ей дружелюбным тоном и улыбнулся, сверкнув белыми зубами, которые хорошо контрастировали с коричневым загаром его лица. — Мы обязаны посмотреть и проверить, нет ли у вас запрещенных для вывоза из нашего города предметов.

Преодолев нарастающую неприязнь к верзиле, Лесли усилием воли заставила себя тоже улыбнуться и даже подмигнуть ему, когда их взгляды случайно встретились. Ее обольстительная внешность была всегда первым козырем в игре, которую она вела уже несколько лет, и порой не без успеха. Вторым козырем были остроумие и находчивость. На сей раз ей тоже повезло: молодой полицейский легко проглотил наживку и то и дело стал бросать на нее похотливые взгляды. От этой маленькой победы

к ней вернулась уверенность в себе, но внутренне она еще не была убеждена, что все будет в порядке.

Время между тем неумолимо летело. До отхода поезда оставалось уже меньше двух минут.

В этот момент симпатизирующий ей молодой, с жутче-черными короткими волосами полицейский вернул паспорт, заключение врачей, предписывающее лечение сухим горным воздухом, и затем вежливо спросил:

— А где же ваш проездной документ?

— Одну минуточку, — спокойно ответила Лесли, а про себя подумала: «Сейчас я устрою вам представление!»

Она полезла в чемодан, в котором продолжал рыться пожилой толстяк полицейский, и стала вытряхивать из него свои вещи прямо на перрон, умышленно разбрасывая их перед входом в вагон. Потом она начала медленно от-

молодому верзиле. Тот, увидев торчащую из книги закладку — железнодорожный билет на поезд, — с упреком взглянул на нее, затем повелительно обратился к своему старшему коллеге:

— Пусть едет, мистер Уайт. Она такая же рассеянная, как моя Маргерит.

Лесли подняла на него свои серые глаза и тихо произнесла:

— Я очень благодарна вам. — Она вложила в эти четыре слова все тепло, на которое была способна в этой непростой ситуации, тем более что коробка с салфетками все еще находилась в руках полицейского, который, похоже, то ли забыл о ней, то ли не собирался ей отдавать.

Если бы он знал, что на дне этой коробки лежала схема конструкции атомной бомбы и некоторые расчетные данные ее взрывного устройства!

От мысли, что молодой полицейский

Леонидина и Моррис Козны, 1980 г.

крывать застегнутой в маленькой кожаной сумке, которую держала до этого под мышкой. Делая вид, что не может открыть ее, она с упреком посмотрела на наблюдавшего за ее действиями молодого полицейского, как бы давая ему понять, что ей очень мешает коробка с клинском, а сама в это время прикидывала, как бы полочнее оставить альбукеркскую полицию с носом. И тут у нее вдруг мелькнула мысль, что единственный способ уберечь от досмотра коробку с секретными материалами — дать поддержать ее молодому полицейскому.

Едва Лесли подумала об этом, как перед ее мысленным взором замельтешили суровые, осуждающие лица Персея, Морриса, Твена и Джонни. И все же она решила рискнуть, сунула верзиле коробку с гигиеническими салфетками и ласково произнесла:

— Подержите, пожалуйста.

Полицейский был настолько смущен этой просьбой, что не мог отказать молодой красивой женщине. А ей только после этого стало по-настоящему страшно. «Господи, сохрани и спаси!» — взмолилась она, всем своим видом опять показывая, что по-прежнему никак не может открыть замок маленькой сумки-визитки. И вдруг внутри у нее все похолодело: боковым зрением она заметила, что полицейский открыл коробку с салфетками. Понимание того, что промедление погубит и ее, и Персея, заставило мгновенно принять решение — она подала ему сумку-визитку с предметами дамского туалета. Тот захлопнул коробку, начал копаться в ее парфюмерии и, не обнаружив ничего подозрительного, удивленно взглянул на Лесли:

— Но где же все-таки ваш билет?

На лице ее сменялась целая гамма чувств: и страх, и тревога, и рассеянность. И как раз в это время раздался предупредительный сигнал об отправлении поезда. Толстяк полицейский, собрав в чемодан просмотренные им вещи и закрыв его, сочувствующе посмотрел на Лесли, потом взял большую кожаную сумку и начал лихорадочно рыться в ней. Вытащив книгу «История любви», он торопливо сунул ее для просмотра

то ли что-то заподозрил и потому не возвращает коробку, то ли забыл про нее, Лесли начала колотить мелкая, противная дрожь. Не чувствуя под собой ног, она вошла в тамбур вагона и, обернувшись, кисло улыбнулась, глядя на свой злосчастный клинск в руках улыбавшегося ей верзилы. «Как же все-таки напомнить, попросить его? — подумала она. — Нет, слова сейчас могут быть излишними, неуместными: любая просьба, даже самая безобидная, а тут она тем более связана с коробкой, может только усугубить дело в данной ситуации. Кто знает, может, он специально выжидает и делает вид, будто забыл о клинске, а сам ждет, как я на это буду реагировать».

Колеса вагона начали медленно вращаться. Охватившая Лесли тревога приобратала все более устрашающие очертания, она была уже готова на что угодно, даже спрыгнуть на перрон и выхватить из рук полицейского свою коробку! Но перед нею в этот момент словно встала и заслонила все угроза возможного ареста, заставившая ее забыть обо всем на свете. Она хотела что-то сказать, но была не в силах произнести ни слова и только лишь громко чихнула, отвернувшись в сторону. Возможно, это и спасло ее от всех последующих неприятностей: словно забывшись о салфетках, бойкий толстячок полицейский вырвал у своего коллеги-верзилы коробку и, догнав набравший уже скорость вагон, крикнул ей:

— Эй, вы забыли свой клинск! — И пошутил: — Чем же вы будете вытирать свой мокрый носик?

— Благодарю вас, — сухо ответила она, взяла коробку и только сейчас почувствовала такую слабость, что едва не вывалилась в открытую дверь вагона...

Впоследствии к ней, Лесли, и ее мужу Луису перекочевали от ученых и специалистов Лос-Аламосской лаборатории сотни страниц описаний, схем, чертежей и расчетных данных по американской атомной бомбе.

Михаил Мень

Наталья Федоровна Григоренко, вдова Александра Мень

Отец Александр в кругу семьи

От дома, где жил священник Александр Мень, до станции несколько минут пешком. Узкая асфальтированная дорожка, на которой двое разминутся, трое — нет, и лес справа и слева. Когда-то деревня вплотную подступала к тропинке, но после того, как здесь была изнасилована и убита девочка, вырубили просеку, чтобы на этом месте больше не случилась беда.

Но тот, кто шел убивать отца Александра, все рассчитал. Действовал он по своему злему умыслу или был топором в руках тех, кто послал его, мы пока не знаем. По словам врача, удар был нанесен профессионально.

А в доме, который в округе знает каждый, продолжается жизнь. Разносятся звуки детских шагов — это внучка отца Александра. Улыбается друзьям матушка Наталья. Встречает у порога сын Миша, так похожий на отца.

С Натальей Федоровной Григоренко мы думали говорить о светлых страницах ее жизни, но так же, как день непременно переходит в ночь, радость и горе неразделимы.

Мы познакомились на первом курсе института, — рассказывает Наталья Федоровна. — Институт назывался пушно-меховой, он учился на факультете охотоведения, а я — на товароведческом. Как-то совпало, что мы на одной попутной машине ехали из Балашихи, где находился тогда институт, в Москву. Очевидно, он присмотрел меня, что ли... Поженились мы на четвертом курсе.

— Могли вы предположить, что будете женой священника?

— Нет, конечно. Я знала, что он верующий. Он всегда носил с собой Библию, изучал ее. Все студенты это знали, относились к нему с большим уважением, очень

любили, потому что он был человек общительный, веселый, играл на гитаре, пел и вообще вокруг себя собирал народ. Любил почитать. Ходил в сапогах, в галифе, с сумкой через плечо. Периодически отращивал бороду. В то время редко кто из молодых носил бороду, все ему кричали вслед: «Фидель Кастро!» — а он действительно чем-то походил на кубинца. А потом институт расформировали, их факультет отправили в Иркутск, я осталась в Москве. Встречались наездами. Он и там ходил в церковь, подрабатывал истопником. Начальство узнало и решило от него избавиться. Сначала руководство института предложило военной кафедре его засыпать, но, к чести сотрудников этой кафедры, они отказались. Потом все равно в институте к чему-то придрались, не допустили к экзаменам и выдали справку, что он прослушал 5 курсов.

— Вы сами из верующей семьи?

— Нет, мои родители были неверующими, и к вере я пришла через Александра. Крестилась взрослой, будучи студенткой.

— Как вы отнеслись к жизненному выбору мужа?

— Когда мы собирались пожениться, он говорил, что все равно, рано или поздно, хочешь стать священником. Ему было легко. Его мама была очень религиозной, он знал церковную жизнь с детства. Я понимала, что быть священником — его призвание, и сказала, что мешать не собираюсь. Если он считает, что так нужно, пусть так и будет.

— Трудно ли быть женой священника?

— Да, в нашем обществе это действительно трудно. Например, меня на работу не брали. Куда ни приходишь, как только узнают, что муж священник, то сразу вежливый отказ. И в конце концов,

когда я пришла в институт, где и сейчас работаю, мне пришлось скрыть этот факт. Я решила: раз государство так ко мне относится, то и я имею право пойти на сознательный обман. Но потом все равно узнали. В газете «Труд» появилась мерзкая статья, пасквиль на отца Александра под названием «Крест на совести». После этой статьи надо мной

устроили судилище. Мне не могли поставить в вину, что я замужем за священником. За то, что я скрыла правду, и в то же время за «неблагоприятные поступки» моего мужа меня отстранили от идеологической работы. Все безропотно проголосовали, только одна сотрудница имела смелость быть «против».

— Когда это произошло?

— Не так уж давно, в восьмидесят третьем.

— Находил ли отец Александр время для семьи?

— Он был настолько работоспособным человеком, что умудрялся помогать дома. Всегда привозил из Москвы продукты. Несколько лет возил белье в прачечную в Загорск, это тоже была его обязанность. Ходил на почту платить за телефон. Летом он всегда копал огород.

— Любил ли работать на земле?

— Я не могу сказать, чтобы он это любил, он говорил, что, когда будет стареньким, станет разводить розы. Еще он умел готовить. У него было несколько фирменных блюд. Он очень вкусно капусту готовил. Он всегда гостей кормил. К нему ведь вечно народ приезжал, я работала и часто не подозревала, что кто-то нагрянет.

— Часто приезжали люди?

— Очень часто. Это тяжело было. Ехали и ехали. Несколько лет тому назад мы пытались сделать «четверги» или «пятницы», но из этого все равно ничего не вышло. Приезжало скопище народа, и народа разного, поэтому не получалось ни общения, ни разговора. Местные власти проявляли подозрительность: что за паломничество? И в церкви были священники, которые за ним следили, вечно на него доносили. Я не знаю, на службе у кого они были.

— Можно догадаться.

— Можно догадаться...

— Наверно, играла роль зависть к отцу Александру?

— И зависть тоже. Представьте себе: к одному на исповедь огромная толпа, а к другому два человека. Люди ехали в церковь, чтобы попасть именно к отцу Александру. А он всегда был вторым священником. Настоятелем его сделали только в последние два года перестройки.

— Он очень много успел. Приходилось ли работать по ночам?

— Нет, он по ночам не любил работать, ведь надо было очень рано вставать. Старался к десяти заканчивать дела, чтобы в одиннадцать лечь спать. Вообще у нас жизнь была очень «режимной». У нас висел режим дня, он сам составлял — и для детей, и для себя, и для меня. Он делал себя во всем. Ведь дома, при маме, его оберегали от забот: «Алик такой умный, интеллектуальный...» А когда мы поженились, он сам решил, что должен многое делать. Помню, даже в гостях он ставил на стол рядом с тарелкой будильничек и говорил мне: «Нам пора уходить».

— Непросто жить по режиму... Или бывали отступления?

— Конечно, бывали. Он был легкий человек в быту, веселый, добрый, жизнерадостный. Мы никогда не ссорились, с ним невозможно было поссориться. В основном я сетовала на большое количество гостей. Он старался меня не предупреждать, я сердилась: «Приготовила бы что-то...»

— Отец Александр был особым явлением в нашей духовной жизни. Нет надобности перечислять имена всех известных людей, которые шли к нему — за советом, за словом, за общением. Но, с другой стороны, у него были враги, не только мелкие завистники, но и пострашнее. Думал ли он, что кому-то требуется его жизнь?

— Хотя многие говорили, что были угрожающие письма, я этого не знала, он мне не говорил. Единственное, что он мне рассказал, что в последнее лето к нему приходили люди из «Памяти». «Что они хотели?» — спросила я. «Ну что они могут хорошего сказать?» — ответил он. «А ты что?» — повторила я. «Я им сказал, что о них думаю». Вообще в то лето он был тревожный. Он стал нам все время говорить, чтобы мы зажигали в доме свет. И в самый последний день, накануне убийства, он приехал и, даже не раздевшись, в шляпе, в плаще, прямо прошел наверх и сразу же зажег свет, лишь потом спустился вниз, разделся. Меня это поразило. Раньше подобного не бывало.

— Будто кто-то шел следом, по пятам, и отец Александр спешил зажечь свет, чтобы дом не выглядел пустым...

— Мне все время казалось, что на его лице появилась какая-то печать трагичности. Я не отдавала себе

отчета, но иногда... как посмотрю вдруг на него — страшно становилось. Он часто говорил, что надо спешить, кто знает, сколько еще будет позволено говорить. Постоянно читал лекции, выступал, но в сентябре сказал, что составил расписание, на одной неделе будет одна лекция, на другой — две и в тот день он не смо-

Обозреватель
«Совершенно секретно»
Елена СВЕТЛОВА
побывала в семье
протоиерея Александра
Мень, который был
злодейски убит
9 сентября 1990 года.

Фото Дмитрий
АЗАРОВА

А ЧЬЕЙ СОВЕСТИ ПРЕСТ?

жет приезжать домой ночевать, останется в Москве.

— Вряд ли убийца из разряда обычных уголовников. Не у всякого поднимется рука на священника.

— Когда меня спросили, не было ли у него здесь врагов, я сказала, что нет. Его все любили. Он всех крестил. Убийца, конечно, не местный.

— Следствие как будто зашло в тупик...

— Нет ни следов, ни ули. Ищут какого-то человека, которого видела в то утро одна женщина. Он неожиданно выскочил из кустов. Когда на похоронах снимали на видео и показали ей потом этот фильм, она опознала того незнакомца. Он стоял в ограде и курил.

— Он молодой?

— Лет сорока. Экстрасенсы видели портрет и сказали, что это убийца.

— Но этого человека не нашли?

— Нет.

— Странно все же, что убийца мог прийти на похороны.

— Ничего странного. Следователи говорят, что так как раз бывает. Возвращаются на место преступления или приходят к могиле...

— Вам не странно здесь жить?

— Конечно, страшно. Мы с мамой в доме одни остались, но сейчас сын с семьей из Москвы сюда переехал.

— Как, должно быть, трудно приходилось отцу Александру в не всегда дружеском окружении...

— Тяжело было. К нему плохо относились. Ходило какое-то письмо против отца Александра. И в Лавре, и в Хотькове, и в общежитие Абрамцевского художественного училища приносили, искали верующих ребят, чтобы они подписывали. Не любили за то, что он еврей.

слухи распространялись, что у него какая-то особая еврейская церковь...

— Но ведь отец Александр не единственный еврей среди православных священников, может быть, национальность — только повод, а причина плохого отношения совсем в другом — в его интеллигентности, в уме, в том, что он слишком выделялся среди священнослужителей?

— Да, он не единственный еврей среди священников. Начать, наверно, надо с того, что Христос был евреем, и мне вообще непонятно, как могут позволять себе антисемитские высказывания люди, которые считают себя истинно православными, а на самом деле они отклонены в фашизм. Возможно, национальность была поводом. Знаете, отец Александр был такой богослов, а его ни разу не пригласили прочитать лекцию в Духовной семинарии... Хорошо относился к нему митрополит Ювеналий, помогал, поддерживал. После гибели в нашем приходе соболевания со всего мира...

...В кабинете отца Александра все как было раньше. Иконы в красном углу, и свет лампады. Бесконечные ряды книг, многие на иностранных языках. На письменном столе пишущая машинка.

— Я хочу оставить здесь этот кабинет как мемориальный, — говорит Наталья Федоровна. — Где мы только ни жили, все кабинеты у него были похожи друг на друга. Сюда уже приходят экскурсии из Загорска. В церкви в Новой Деревне, где служил отец Александр, у него тоже был кабинетик. Там небольшая библиотека для прихода. Но, хотя вла-

дыка Ювеналий сказал, что кабинет не надо трогать, пусть он останется как память, нынешнему настоятелю он мешает, ему нужно помещение. Так что я даже не знаю, останется ли там кабинет. Каким-то людям и могила мешает... говорили, зачем, мол, она здесь. Мы хотели бы на месте убийства поставить деревянный столбик или часовенку, как это принято было на Руси. Если разрешат, конечно...

Вместе с Мишей, сыном отца Александра, мы идем к тому самому месту. Стемнело, время к ночи, лишь фонари бросают кругом свой холодный и яркий свет.

Как дьявольски точно выбрано место: с сельской улицы не видать, а до станции несколько десятков шагов. Где-то здесь священника поджидал убийца с простым и диким оружием наготове. Ударил сзади, но вряд ли смог подкрасться неслышно. В траве нашли очки отца Александра. Он доставал их лишь тогда, когда надо было что-то прочитать. Видимо, человек-топор подошел к протоиерею с какой-то бумагой, возможно, даже говорил с ним и лишь потом догнал, чтобы убить.

Тянется, тянется следствие, выдергиваются какие-то ниточки, да все, видать, не те.

Миша Мень по профессии — музыкант. Сестра его живет в Италии, она иконописец. В последнее свое лето отец Александр успел навещать дочь.

Я спрашиваю Мишу, не думает ли он стать священником, как отец.

— Всеу свое время, — говорит он, помолчав... — Можно быть плохим музыкантом, но плохим священником быть нельзя. И потому... наше православие второго Мень не выдержит.

Он показывает мне маленькую книжку, изданную почти двадцать лет назад в Италии. Называется книжка «Откуда явилось все это?». Адресована она детям, а написал ее Александр Мень. На обложке псевдоним: А. Павлов. В то время издаваться на Западе было опасно.

Листаю страницу за страницей. Бесчисленное множество иллюстраций, прекрасный язык, отточенная логика. Вот бы нашим детям прочитать такую книжку...

«Прежде чем начать наш рассказ, давайте представим себе, что мы попали на необитаемый остров, как Робинзон. Сначала мы думали, что на острове нет людей. Но вот однажды утром, прогуливаясь по берегу, мы нашли избушку. Она пуста, но мы сразу догадываемся, что на острове был человек. Хотя мы его и не видели, но зато видели оставленную им избушку. Не могла же она сложиться сама собой. Ясно, что КТО-ТО ее сделал».

Этот КТО-ТО видит все.

Федор СЕРГЕЕВ

П риблизилось 22 июня 1941 года. Чтобы иметь возможность обрушиться на Советский Союз внезапно, важно было проделать все это скрытно, в глубокой тайне. В планы нападения на СССР, тщательно оберегавшиеся нацистской контрразведкой, был посвящен строго ограниченный круг лиц. Специальной директивой Гитлер обязал главный штаб вермахта и руководителей секретных служб, прежде всего абвер и СД, «обеспечить прикрытие немецкого продвижения на Восток и, насколько возможно, сделать его незаметным».

Во исполнение этой директивы штаб оперативного руководства еще в начале сентября 1940 года издал документ следующего содержания, адресованный руководству абвера.

«...В ближайшие недели концентрация войск на Востоке значительно увеличится. К концу октября необходимо добиться положения, указанного на прилагаемой карте. Перегруппировки у (границ) России ни в коем случае не должны создавать впечатление, что мы подготавливаем наступление на Восток. В то же время Россия должна понять, что в генерал-губернаторстве, в восточных провинциях и в протекторате находятся сильные и боеспособные немецкие войска, и сделать из этого вывод, что мы готовы в любой момент достаточно мощными силами защитить интересы на Балканах на случай русского вмешательства».

В работе собственной разведки, как и в возможных ответах на запросы русских, следует руководствоваться следующими основными принципиальными положениями.

1. Маскировать по возможности общую численность немецких войск на Востоке распространением слухов и известий о якобы интенсивной замене войсковых соединений, происходящей в этом районе. Переблизжение войск обосновывать их переводом в учебные лагеря, перегруппированием и т.п.

2. Создавать впечатление, будто основное направление в наших перемещениях приходится на южные районы генерал-губернаторства, на протекторат и Австрию и что концентрация войск на Севере сравнительно невелика.

3. Завышать уровень и оценку состояния вооружения соединений, особенно танковых дивизий.

4. Распространять соответствующим образом подобранные сведения для создания впечатления, что после окончания Западного похода противозушная оборона в восточном направлении стала значительно эффективнее и что зенитная защита всех важных объектов укрепляется за счет трофейной французской техники.

5. Работы по улучшению сети шоссейных и железных дорог и аэродромов объяснять необходимостью развития вновь завоеванных восточных областей, ссылаясь при этом на то, что они ведутся нормальными темпами и преследуют главным образом экономические цели.

В какой мере отдельные подлинные данные, например о нумерации полков, численности гарнизонов и т.п., могут быть переданы абверу для использования их в контрразведывательных целях, решает главное командование сухопутных войск.

За начальника штаба верховного главнокомандующего Польды.

В директиве Гитлера, датированной 31 января 1941 года, подчеркивалось, что «выдвижение сосредоточенных войск к границе должно произойти в последний момент и явиться неожиданным для противника».

Направлял и координировал действия различных ведомств рейха по обеспечению секретности и оперативно-стратегической маскировки подготавливаемой вооруженной агрессии многоопытный адмирал Канарис¹.

Группа профессионалов управления

¹ Канарису приходилось заниматься этим и раньше. Известно, например, что за месяц до аннексии Австрии он по поручению Гитлера лично руководил мероприятиями по дезинформации, направленными на то, чтобы замаскировать агрессивные приготовления Германии.

разведки и контрразведки вермахта в соответствии с приказом верховного главнокомандования от 26 августа 1940 года², возложившим на абвер задачу «тщательной маскировки сосредоточения и развертывания немецких войск на германо-советской границе», предложил целый комплекс практических мер по дезинформации. Поскольку эти меры затрагивали многие стороны жизни рейха, они были рассмотрены и утверждены самим Гитлером.

Прежде всего, было признано необходимым поддерживать видимость добрососедских отношений между Германией и Советским Союзом. Все проводившиеся в то время политические акции по сколачиванию антисоветского военного блока должны были держаться в строжайшей секретности. В решении, принятом на совещании у Гитлера 3 февраля 1941 года, прямо говорилось о том, что соглашения «с соседними государствами, принимающими участие в операции, не могут быть заключены до тех пор, пока существует какая-либо необходимость в маскировке». Представителям Германии в переговорах с союзниками запрещалось касаться деталей плана «Барбаросса». К проведению предварительных мероприятий по осуществлению данного плана привлекался ограниченный круг лиц. Одновременно была усилена охрана границ СССР. Из немецкой пограничной полосы были высланы все жители, подозревавшиеся в симпатии к Советской стране. Широко развертывалась контрразведывательная работа в местах сосредоточения немецких войск. В самой Германии и в оккупированных ею странах под контроль органов контрразведки были взяты все, кто потенциально своими действиями мог угрожать секретности военных приготовлений.

Другая часть программы касалась чисто военной области. Она предусматривала, чтобы переброска частей и соединений, их сосредоточение в новых районах проводилось только в ночное время при условии охраны основных магистралей полковыми подразделениями, строжайшего соблюдения маскировки и дисциплины. Следы гусеничных и колесных машин на дорогах до наступления рассвета должны были замаскироваться волочками, а над местами выгрузки и передвижения танков и самоходных установок с целью заглушить шум моторов — барражировать специально предоставленные командованием самолеты. Из районов сосредоточения механизированных частей предписывалось отселить все гражданское население, а на значительном расстоянии (более чем в 100 км от истинного операционного направления) имитировать концентрацию 8—10 стрелковых дивизий, большого количества танков и артиллерии. В лесах ложных районов сосредоточения следовало разместить около одной тысячи макетов самолетов, создавать фальшивые аэродромы; часть макетов с помощью системы тросов, лебедок и ворот предполагалось приводить в движение днем, в часы полетов разведывательной авиации противника; в это же время звукоустановками большой мощности должны были воспроизводить шум работающих моторов. Наконец, в ложные районы было

доставлено свыше 200 армейских радиостанций для имитирования текущего тактического радиообмена частей и соединений, якобы переброшенных сюда с других участков фронта; в местах же истинного сосредоточения до последнего часа перед наступлением должно было соблюдаться относительное радиомолчание.

15 февраля 1941 года Гитлер издает новую строгую секретную «Директиву по дезинформации», обязывавшую главный штаб германских вооруженных сил и абвер предпринять дополнительные меры по усилению маскировки приготовлений к операции «Барбаросса» во избежание раскрытия их советской разведкой.

Обобщая в этой директиве значимые кампании по дезинформации для нанесения внезапного удара мощными стратегическими резервами, Гитлер указывал, что она будет проходить две тесно связанные между собой стадии.

На первой стадии (ориентировочно с 15 февраля до 16 апреля 1941 г.) требовалось убедить советскую разведку в том, что перегруппировка немецких сил не связана со сосредоточением их в восточной части страны, а представляет собой обычный планомерный «обмен» войск. Все должно было выглядеть таким образом, будто бывшие в боях соединения отводятся на восток для отдыха и учбы, а свежие войска, дислоцированные там, подтягиваются с орудиями и снаряжением на запад в связи с предстоящей операцией «Марита» (вторжение в Югославию)³.

На второй стадии (с апреля 1941 г. до момента вторжения немецких войск на территорию СССР) требовалось убедить советскую разведку, будто военноморской флот и авиация Германии накапливают силы перед решительным броском на Англию. Непосредственно перед нападением на Советский Союз предполагалось начать движение судов в сторону Англии, чтобы создать видимость начала операции по высадке на Британские острова. Все это, вместе взятое, должно было подтверждать главный тезис, будто в 1941 году основной целью немецко-фашистского командования являлся разгром Англии. На введение в заблуждение советской разведки были рассчитаны и такие акции, как приспособление школ, театров, учреждений на северо-западном и северном побережье Франции для размещения войск и госпиталей, создание морских баз в портах Палис и Бордо, выселение жителей городов северного побережья Франции.

В программе дезинформационных мер особое место занимала акция, с помощью которой Гитлеру удалось ввести в заблуждение высшее советское руководство. В начале 1941 года, когда, несмотря на принятые меры предосторожности, поток исходящих из разных источников сигналов о сосредоточении крупных соединений немецких войск в Польше возрос особенно сильно, обеспеченный этим И. В. Сталин обратился с личным посланием к Гитлеру, в

котором писал, что создается впечатление, что Германия собирается воевать против Советского Союза. В ответ Гитлер прислал И. В. Сталину письмо, тоже личного характера и, как он подчеркнул в тексте, «доверительное». Гитлер не отрицал, что в Польше действительно сосредоточены крупные войсковые соединения. Но при этом утверждал, что сосредоточение немецких войск на польской территории преследует иные цели и ни в коем случае не направлено против Советской страны. И вообще он намерен строго соблюдать заключенный пакт о ненападении, в чем ругается своей честью главы государства. В «доверительном» письме Сталину Гитлер нашел аргумент, которому, как говорил впоследствии маршал Г. К. Жуков, Сталин поверил: фюрер писал, что территория Западной и Центральной Германии «подвергается мощным английским бомбардировкам и хорошо просматривается с воздуха. Поэтому он был вынужден отвести крупные контингенты на Восток...». Как мы знаем, дезинформация нацистам вполне удалась и дорого обошлась нашей армии и народу.

Между тем советские органы государственной безопасности, пограничные войска, военная разведка не только правильно оценивали военно-стратегические замыслы гитлеризма, но и в нужное время оказывались в курсе сосредоточения немецко-фашистских войск на западной границе, довольно точно определяли предполагаемые сроки начала военных действий. С лета 1940 года они регулярно предоставляли ЦК ВКП(б) и Советскому правительству информацию о ходе военных приготовлений фашистской Германии против СССР. Достаточно сослаться хотя бы на документы, хранящиеся в архивах ЦК КПСС, Комитета государственной безопасности и Министерства обороны СССР.

Еще в середине 1940 года достоянием советской внешнелитературной разведки стали данные о том, что министерство путей сообщения Германии по заданию генерального штаба вермахта занималось расчетами пропускной способности и выяснением других возможностей железных дорог в связи с предстоящей переброской войск с Западного на готовившийся Восточный театр военных действий.

9 августа 1940 года стало известно, что на побережье Балтийского моря от Штеттина и Свиномюнде до Мемеля строятся подземные сооружения и артиллерийские укрепления. Укрепления возводятся в лесах и хорошо маскируются. В порту Свиномюнде построены новые причалы, оборудованные по последнему слову техники, подземные пути и причалы скрыты под водой в бетонированных каналах. В Мемельском канале строятся причалы с большой осадкой. По ночам в Мемеле проводится стягивание германских войск к литовской границе. Немецкие офицеры и солдаты и проживающие в Мемеле немцы изучают русский язык и практикуются в русской разговорной речи...

В октябре 1940 года на основании материалов, полученных от агентов советской разведки Старшины и Корсиканца (немецких антифашистов, работавших в генеральном штабе ВВС и министерстве хозяйства Германии), инстанция была проинформирована о военных приготовлениях Германии.

«Корсиканец...» — указывалось в этом сообщении, — в разговоре с офицером штаба верховного командования узнал, что в начале будущего года Германия

³ Очевидно, этим и объясняется тот факт, что перед представителем абвера в Тильзите была поставлена тогда задача организации фиктивного перемещения немецких войск замаскировкой подготовки военной кампании на Востоке. Как рассказали об этом через много лет архивные документы, один из агентов представительства, действовавший на советской границе в районе Литвы, имел задание изыскать через свое окружение возможность довести до штаба Прибалтийского военного округа информацию о том, будто в ближайшем будущем крупные немецкие войсковые контингенты вновь переводятся из Восточной Пруссии в Бельгию и Францию.

² В развитие этого приказа Канарис издал специальную директиву, согласно которой главная роль в его выполнении отводилась абверу III. Шеф последнего, фон Бентинген, 21 марта 1941 г. докладывал штабу оперативного руководства вермахта об особых мерах, предпринятых возглавляемым им отделом по маскировке передвижения немецких войск в сторону Советского Союза.

начнет войну против СССР... Целью войны является отторжение от Советского Союза части европейской территории от Ленинграда до Черного моря и создание на этой территории государства, целиком зависящего от Германии... *Офицер штаба верховного командования (отдел военных атташе), сын бывшего министра колоний... заявил нашему источнику... (бывший русский князь, связан с военными немцами и русскими кругами), что, по сведениям, полученным им в штабе верховного командования, примерно через шесть месяцев Германия начнет войну против Советского Союза.*

6 ноября органами государственной безопасности СССР была представлена обобщенная справка о военных приготовлениях Германии по состоянию на 15 октября 1940 года. В справке, в частности, говорилось, что против Советского Союза сосредоточено в общем итоге свыше 85 дивизий, то есть более одной трети сухопутных сил германской армии. Характерно, подчеркивалось в справке, что основная масса пехотных соединений (до шести дивизий) и все танковые и моторизованные дивизии расположены в приграничной с СССР полосе в плотной группировке. Кроме того, 12—13 дивизий (в том числе две танковые) в Австрии, 5—6 пехотных дивизий в Чехии и Моравии и 6—8 пехотных дивизий в Норвегии.

25 декабря 1940 года военный атташе при советском посольстве в Берлине получил анонимное письмо о готовящемся нападении фашистской Германии на СССР с изложением плана военных действий. Как показали последующие события, план этот был близок к реальному.

Тогда же советская разведка сообщила правительству о существовании деталей плана «Барбаросса», предполагаемого развертывания немецких вооруженных сил у западных границ СССР. В информации, одновременно направленной в Генеральный штаб, говорилось:

«Выступление Германии против Советского Союза решено окончательно и последует в скором времени. Оперативный план наступления предусматривает молниеносный удар по Украине и дальнейшее продвижение на Восток...»

В феврале 1941 года советской разведке стало известно намерение Гитлера отложить вторжение на Британские острова до завершения военной кампании на Востоке. Спустя несколько дней удалось получить сведения о конфиденциальной встрече румынского военно-фашистского диктатора Антонеску с видным немецким чиновником Берингом, во время которой обсуждались детали участия Румынии в антисоветской агрессии.

Тогда же, в феврале 1941 года, в ЦК ВКП(б) было направлено поступившее из Берлина от Корсиканца сообщение о том, что «военно-хозяйственный отдел статистического управления Германии получил от верховного командования распоряжение приступить к составлению карт расположения промышленных предприятий СССР по районам». Карты должны были служить в качестве ориентировки при выборе объектов воздушной бомбардировки и диверсионных операций.

В начале марта 1941 года агент советской разведки в Берлине через чиновника комитета по четырехлетнему плану добыл информацию о том, что группе работников комитета дано задание срочно составить расчеты запасов сырья и продовольствия, которые Германия может получить в результате оккупации европейской части СССР. Тот же источник сообщил, что начальник генерально-

го штаба сухопутных войск генерал Гальдер рассчитывает на безусловный успех и молниеносную оккупацию немецкими войсками Советского Союза, и прежде всего Украины, где, по оценке Гальдера, успеху операции будет способствовать хорошее состояние железных и шоссейных дорог. Гальдер считает легкой задачей также оккупацию Баку и его нефтяных промыслов, которые немцы якобы смогут быстро восстановить после разрушений от военных действий. По мнению Гальдера, Красная Армия не в состоянии будет оказать надлежащего сопротивления молниеносному наступлению немецких войск, и русские не успеют даже уничтожить запасы. 6 марта по существу изложенных материалов были проинформированы ЦК ВКП(б), Совет Народных Комиссаров СССР и Наркомат обороны.

11 марта 1941 года до сведения инстанций были доведены данные, полученные нашей контрразведкой из английского посольства в Москве. Согласно этим данным, «6 марта английский посол Криппс собрал пресс-конференцию, на которой присутствовали английские и американские корреспонденты Чоллертон, Ловелл, Кассиди, Дюранти, Шапиро и Магидов. Предупреждая присутствующих, что его информация носит конфиденциальный характер и не подлежит использованию для печати, Криппс сделал следующее заявление: «...советско-германские отношения определенно ухудшаются... Война между Германией и СССР неизбежна. Многие надежные дипломатические источники из Берлина сообщают, что Германия планирует нападение на Советский Союз в этом году, вероятно, летом. В германском генеральном штабе имеется группа, отстаивающая немедленное нападение на СССР. До сего времени Гитлер пытается избежать войны на два фронта, но если он убедится, что не сможет совершить успешного вторжения в Англию, то он нападет на СССР...так как в этом случае будет иметь только один фронт...» Отвечая на вопросы, Криппс заявил, что германский генеральный штаб убежден, что Германия в состоянии захватить Украину и Кавказ, вплоть до Баку, за две-три недели».

22 марта 1941 года советская разведка доложила правительству о секретном распоряжении Гитлера приостановить выполнение заказов СССР.

24 марта 1941 года органами государственной безопасности было получено из Берлина и предоставлено в ЦК ВКП(б) сообщение следующего содержания:

«Работник министерства авиации Германии в беседе с нашим источником сообщил, что в германском генеральном штабе авиации ведется интенсивная работа на случай военных действий против СССР. Составляются планы бомбардировок важнейших объектов Советского Союза. Предполагается в первую очередь бомбардировать коммуникационные мосты с целью воспрепятствовать подвозу резервов. Разработан план бомбардировки Ленинграда, Выборга и Киева. В штаб авиации регулярно поступают фотографии советских городов и других объектов, в частности г. Киева... Среди офицеров штаба существует мнение, что военное выступление против СССР якобы приурочено на конец апреля или начало мая. Эти сроки связывают с намерением немцев сохранить для себя урожаи, рассчитывая, что советские войска при наступлении не смогут поджечь еще зеленые хлеба».

К 25 марта 1941 года были собраны

данные о переброске в район советской границы 120 немецких дивизий.

26 марта 1941 года советскими органами государственной безопасности была перехвачена шифротелеграмма турецкого посла в СССР Хайдара Актая министерству иностранных дел Турции, в которой сообщалось:

«Судя по заслуживающему внимания доведению, которое шведский посланник в Берлине отправил своему правительству и копию которого мне удалось получить... немцы считают, что акция против России стала настоятельной необходимостью. Этим и объясняется значительное усиление германских войск, находящихся на русской границе. Окончательно установлено, что за последние 2—3 недели на русской границе производится значительная концентрация войск. Шведские инженеры, работающие в окрестностях Варшавы, лично констатировали, что к русской границе каждую ночь направляются в большом количестве германские моторизованные части. Политические круги Берлина полагают, что нападение на Россию будет произведено сухопутными силами, а на Англию крупными воздушными соединениями и подводным флотом; говорят даже, что для этого нападения готовятся три армейские группы: Варшавская группа под командованием маршала фон Бока, Кенигсбергская группа под командованием маршала фон Рундштедта, Краковская группа под командованием маршала фон Лееба. Для обеспечения быстрой победы над советскими армиями будет применен план молниеносного наступления из трех вышеупомянутых пунктов. Целью этого наступления будет Украина; возможно также, что оно распространится до Уральских гор. Сообщая вам вышеизложенную информацию, которая заслуживает доверия, как и другие распространенные здесь за последнее время сведения о том, что немцы готовятся напасть на Россию, прошу держать их в секрете».

В первых числах апреля 1941 года агент Старшина сообщил из Берлина: *«Штаб германской авиации на случай войны с СССР наметил к бомбардировке первой очереди ряд пунктов на советской территории в целях дезорганизации подвоза резервов с востока на запад и нарушения путей снабжения, идущих с юга на север... Военные действия против СССР предполагают начать с бомбардировки этих пунктов при активном участии пикирующих бомбардировщиков. Кроме того, бомбардировке в первую очередь должны подвергнуться советские аэродромы, расположенные по западной границе СССР. Немцы считают слабым местом обороны СССР наземную службу авиации и поэтому набегают путем интенсивной бомбардировки аэродромов сразу же дезорганизовать ее действия».*

10 апреля 1941 года правительству также была направлена разведывательная сводка о содержании беседы Гитлера с принцем-регентом Югославии Павлом, из которой следовало, что Гитлер решил начать военные действия против СССР в конце июня 1941 года. В те же дни по каналам военной разведки поступило сообщение Рихарда Зорге, документально подтвердившего намерения фашистской Германии и конкретные сроки ее нападения на СССР.

В начале мая 1941 года от агентуры советской военной разведки стало известно об инспектировании частей германских войск, находившихся на территории генерал-губернаторства и в Восточной Пруссии, и рекогносцировке в пограничной полосе высшими чинами армии. 5—7 мая Гитлер, Геринг и Редер

присутствовали на маневрах германского флота в Балтийском море в районе Гдыни. В середине мая Гитлер прибыл в Варшаву в сопровождении шести высших офицеров германской армии и 22 мая приступил к инспектированию войск в Восточной Пруссии.

6 июня 1941 года органы государственной безопасности СССР доложили ЦК ВКП(б) разведывательные данные о сосредоточении на западной границе Советского Союза четырехмиллионной немецкой армии, а несколькими днями позже о том, что группировка немецких войск, расположенных в Восточной Пруссии, получила приказ занять к 12 июня исходные позиции для наступления на СССР.

11 июня 1941 года советский разведчик, находившийся в числе служащих немецкого посольства в Москве, сообщил о секретном распоряжении Берлина готовить персонал посольства к эвакуации в семидневный срок и незамедлительно приступить к уничтожению архивных документов⁴.

16 июня 1941 года со ссылкой на сведения, полученные от надежного источника, работающего в штабе германской авиации, органы государственной безопасности информировали ЦК ВКП(б) о том, что «все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время... Объектами налетов германской авиации в первую очередь являются: электростанция «Свири-3», московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки), а также авторемонтные мастерские... В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах. Важные немецкие авторемонтные мастерские расположены в Кенигсберге, Гдыне, Грауденце, Бреславе, Мариенбурге. Авиаторемонтные мастерские Милча в Польше, в Варшаве — Очаги и особо важные в Хейлигенкейтель...»⁵. Источник, работающий в министерстве хозяйства Германии, сообщает, что произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений «будущих округов» оккупированной территории СССР. В министерстве хозяйства рассказывают, что на собраниях хозяйственников, предназначенных для «оккупированной» территории СССР, выступал также Розенберг, который заявил, что «понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты».

За неделю до нападения по каналам советской разведки был получен образец розданного немецким солдатам разговорника, содержание которого выдавало действительные устремления руководителей рейха. В нем значились, например, такие фразы: «Русс сдавайтесь», «Кто есть председатель колхоза?..» и т.п.

Как видно из приведенных документов и фактов, чекисты и военная разведка с середины 1940-го по 22 июня 1941 года получали обширную и достоверную информацию о предстоящей агрессии, в частности о накоплении стратегических резервов для внезапного удара, и своевременно докладывали об этом ЦК ВКП(б) и Советскому правительству. Но информация, добытая по разведывательным каналам, как и предупреждения, идущие из других источников, в том числе от Черчилля, не вызвали доверия у политического руководства страны. Предвзятость И. В. Сталина помешала ему дать сложившейся ситуации правильную оценку. Во что обошелся нам этот грубейший политический просчет, известно...

⁴ Обращало на себя внимание то обстоятельство, что в течение последних месяцев, предшествовавших началу войны, многие сотрудники официальных немецких учреждений и их семьи покидали Москву. Когда нападение стало фактом, нацистские власти, воспользовавшись этим сокращением численности персонала своих представительств, объявили руководство советского посольства в Берлине, что выпускает на родину лишь 120 человек — ровно столько, сколько осталось немецких граждан в СССР.

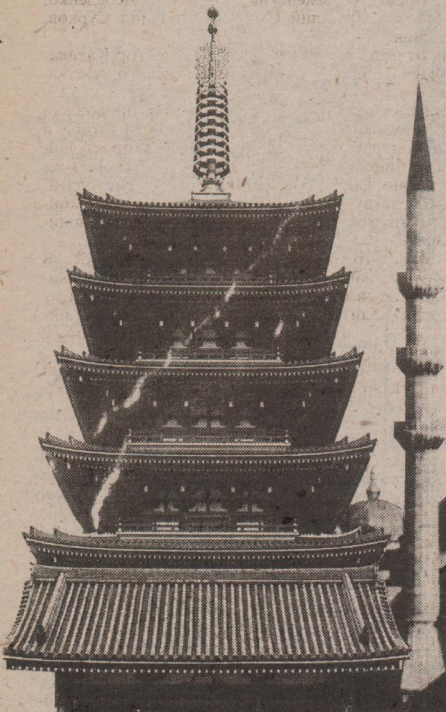
⁵ Возможно, Хайлигенбелль, ныне Мамонново Калининградской области.

Владимир ЦВЕТОВ

13 июня в 5 часов 30 минут комиссар государственной безопасности 3-го ранга, начальник Дальневосточного управления НКВД Люшков, чувствуя опасность в обстановке развернувшейся в СССР жесткой «чистки» и с целью получить защиту у нашего государства, перешел маньчжуро-советскую границу в районе города Консюн. Люшков арестован пограничной охраной Маньчжоу-го.

Отдел информации Военного министерства Японии
1 июля 1938 года

ПОЧЕМУ НЕ РАССЛЕДОВА ТЬ ЭТО КРИЗАНТЕМА?

Историю, с которой «Совершенно секретно» знакомит читателя, я впервые услышал в конце 70-х годов в Токио от японского историка и публициста Ёсиаки Хиямы. Скажу честно, сначала я ему не поверил. Но, когда Хияма познакомил меня с документами — некоторые из них здесь приведены, — я понял, что если в этой истории вымысел и наличествует, то только в деталях и исключительно в целях более живого изложения.

Разумеется, услышанное от Хиямы и прочитанное в документах немедленно вылилось у меня на бумаге. Очерк я отправил в Москву. Но света он не увидел. Мне не объяснили почему. Просто сказали: «Забудьте об этом». Ёсиаки Хияма не требовало визуировать где-либо то, что он писал. Поэтому японцы узнали об операции «Медведь» — о ней пойдет речь — раньше, чем читатели в СССР. Теперь о попытке японской военной разведки убить Сталина знаем и мы.

Поросшие глухим лесом сопки, словно морские волны, горбились до самого горизонта. Когда громадные черные тучи заслоняли солнце, сопки покрывала мгла и тайга становилась угрозой, принимала враждебный вид. Тяжелая, предгрозовая духота лишила сил, нагоняла дремоту.

Уже трое суток Люшков инспектировал границу на участке 59-го пограничного отряда. Начальник Дальневосточного управления НКВД требовал от командиров лично проверять бдительность пограничных дозоров. Командиры должны были скрытно подбираться к ним, и, если красноармейцы не обнаруживали вовремя проверяющих, он устраивал разное с площадной бранью и угрозами. Командиры знали, что угрозы Люшкова не пустые слова. Меньше чем за год пребывания на Дальнем Востоке Люшков разоблачил в Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии несколько тысяч «врагов».

Как и на предыдущих участках границы, Люшков показал на карте пункты, где следовало бывать командирам, и сообщил время сбора у автомашины. Командиры разошлись. Люшков, убедившись, что шофер заснул, сморенный долгой дорогой и духотой, сверился с картой и двинулся на запад.

Через несколько сот метров гортанный возглас остановил Люшкова. Из-за кустов с винтовками наперевес выскочили солдаты. Люшков поднял вверх руки. Один солдат знаком приказал Люшкову сесть, а другой со всех ног кинулся в лес. Через полчаса прибыл взвод пограничной охраны. Офицер обыскал Люшкова. Отобрал оба находившихся при нем пистолета. Люшков с покорной готовностью завел руки за спину — так, как совсем недавно делали на его глазах арестованные «враги народа», — и в окружении солдат пошел туда, где располагался — Люшков помнил это по карте — штаб японской пограничной части.

ИЗ ДОСЬЕ НА ЛЮШКОВА, СОСТАВЛЕННОГО 5-М ОТДЕЛОМ ВТОРОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ЯПОНСКОЙ АРМИИ (ОТДЕЛ ВЕЛ ВОЕННОМУ, ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ РАЗВЕДКУ ПРОТИВ СССР):

«Г. С. Люшков родился в 1900 году. После окончания начальной школы работал в качестве мелкого слу-

жащего в разных конторах и одновременно учился в вечерней школе. В 1917 году включился в революционное движение и под влиянием старшего брата-большевика вступил в РСДРП. В 1918 году, когда Украина была оккупирована германской армией, являлся сотрудником Одесского комитета РСДРП. В 1919 году сделался комиссаром 1-го Крымского полка Красной Армии. В апреле того же года поступил на курсы при ЧК Украины. Принимал участие в гражданской войне. Воевал против Деникина. Был назначен начальником политотдела армейской бригады. В этом качестве участвовал в Польском походе.

Служил в органах ОГПУ Украины. В 1936 году стал начальником Азово-Черноморского управления НКВД, с августа 1937 года — начальник Дальневосточного управления НКВД.

Награжден орденом Ленина.

14 июня 1938 года Генрих Люшков был допрошен полковником Азово-Черноморского управления НКВД, с августа 1937 года — начальник Дальневосточного управления НКВД.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ДОПРОСА:

Вопрос. Почему вы решили бежать и получить здесь политическое убежище?

Ответ. Я почувствовал, что мне грозит опасность.

Вопрос. Какая именно опасность вам грозила?

Ответ. В конце мая я получил известие от близкого друга в НКВД, что Сталин приказал арестовать меня. Я узнал также, что Ежов откомандировал в Хабаровск, где находится Дальневосточное управление НКВД, Мехлис и Фриновский.

Вопрос. Назовите вашего друга в НКВД.

Ответ. Прошу не требовать от меня этого. Скажу только, что этот человек — один из тех, кто занимает в НКВД положение сразу вслед за Ежовым.

Вопрос. Кто такие Мехлис и Фриновский?

Ответ. Мехлис — начальник Политуправления Красной Армии. Фриновский — заместитель Ежова. Оба пользуются большим доверием Сталина. Мехлис отвечает за «чистку» в Красной Армии, Фриновский отвечает за это в НКВД. Перед их прибытием в Хабаровск я и решил бежать.

Вопрос. Чем вы вызвали гнев Сталина?

Ответ. До августа прошлого года я являлся началь-

ником Управления пограничных войск НКВД. Ежов направил меня на Дальний Восток наблюдать за действиями штаба Особой Дальневосточной Армии. Сталин занимался тогда «чисткой «правых» в партии. Он считал, что в Красной Армии много «правых» элементов. Мне было поручено выявлять их, в частности выявлять недовольных «чисткой» в штабе Особой Дальневосточной Армии, которой командует Блюхер. О положении в штабе и в армии я обязан был докладывать непосредственно Сталину и Ежову. Но отыскать порочащие Блюхера факты я не смог, и мне нечего было сообщить в Москву. Поэтому Сталин и Ежов решили, что я заодно с недовольными элементами. Они задумали подвергнуть «чистке» вместе с Блюхером и меня.

Вопрос. Расскажите о действиях НКВД на Дальнем Востоке.

Ответ. За время моей работы в Хабаровске с августа прошлого года и до сих пор арестованы за политические преступления двести тысяч человек. Семь тысяч расстреляны. Это значительно меньше, чем в среднем по стране. Поэтому-то в Москве и подумали, что я саботажник. Меня стали подозревать...

Масаюки Саэгуза, сотрудник Маньчжурской секции разведорганов японского Генерального штаба, близко познакомился с Люшковым. За долгую службу в разведке, сначала в японской, после окончания войны — в американской и потом опять в японской, Саэгуза встречался, надо полагать, со многими примечательными людьми, но, пожалуй, лишь Люшков произвел на него столь сильное впечатление, что он помнил бывшего чекиста до последних дней своей жизни.

«В нем было что-то демоническое, — вспоминал Саэгуза. — Под его взглядом хотелось съежиться, спрятаться. Руки и ноги делались вялыми. Мысли путались. Вероятно, подобное чувство испытывает кролик, встречаясь взглядом с удавом. Я безоговорочно верил рассказам Люшкова о том, как он добивался признаний у арестованных оппозиционеров. Ему, конечно же, ничего не стоило загнать иголку человеку под ноготь или прижечь тело горящей папиросой.

Эти его рассказы нас, разумеется, интересовали, — продолжал Саэгуза. — Однако гораздо большую значимость для разведки представляли информация Люшкова о боеготовности и о планах Особой Дальневосточной Армии, о мерах по охране государственной границы, об экономическом положении Дальневосточных районов и, что было поистине бесценным, сведения о советской шпионской сети в Маньчжурии».

«К сожалению, Люшкову не было известно главное: кто в Маньчжурии руководил советской шпионской сетью, — вспоминал далее Саэгуза. — Резидент подчинялся непосредственно Москве. В Хабаровске, где принимали от них шифрованные радиogramмы, знали лишь конспиративные клички. — Као и Лео.

Люшков предполагал, что Као — женщина. Этот резидент был связан с Компартией Китая и координировал антияпонскую борьбу в Маньчжурии. Лео снабжал Москву информацией о проживавших в Маньчжурии русских эмигрантах.

Японцы получили от Люшкова информацию, какую вряд ли смогла добыть и тысяча шпионов. Саэгу-са, казалось, мог бы не сетовать, что Као и Лео ускользнули от него. Но горечь разведчика станет понятной, если скажу: Лео спас жизнь Сталину. А убить его с помощью Люшкова собирались японцы.

После трех недель допросов в разведотделе штаба Квантунской армии Люшкова тайно отправили в Японию. Газета «Токио Асахи» возмущалась: «О бегстве Люшкова из СССР имеется только краткое сообщение отдела информации Военного министерства. От прессы скрывают подробности бегства. Почему и каким образом бежал Люшков в Маньчжурию? Кто такой Люшков? Он перешел границу 13 июня, но сообщили нам об этом 1 июля. Чем вызвана задержка?»

Газета ответы не получила. А когда разнесся слух, что после пограничного конфликта у озера Хасан Люшков уехал в Европу, так как стал больше не нужен японской разведке, газеты прекратили задаваться вопросами о судьбе беглеца из СССР.

Начальник японского Генерального штаба нечасто удостоивал своим присутствием совещания в штабных управлениях. Обычно управления передавали руководству Генштаба документы, сообщения, аналитические обзоры через канцелярию и через нее же анализировали о руководящих оценках и мнениях. На сей раз начальник Генштаба не просто председательствовал на совещании во Втором — разведывательном — управлении, а вместе со всеми живо обсуждал доклад полковника из 5-го — «советского» — отдела Хидэто Кавамата. Полковник изложил соображения отдела относительно целесообразности и возможности ликвидации Сталина.

Целесообразность несомненна, возможность не исключена при наличии реального плана и готовых пожертвовать собой исполнителей, пришли к выводу участники совещания.

После совещания полковник Кавамата распорядился доставить на конспиративную квартиру военной разведки Люшкова. Полковник отводил ему важную, если не решающую, роль в разработке и проведении операции. Одновременно 5-й отдел подбирал в среду газетчиков слух об отъезде Люшкова из Японии. Поначалу придумали молву о том, что Люшков, приговоренный в СССР за предательство к смертной казни, погиб от рук советских шпионов. Но от такой молвы отказались: она бросала тень на японскую контрразведку да и вызвала мысль о вселивии и вездесущности советской агентуры. Не стали добавлять в дезинформацию об отъезде Люшкова в Европу и придумку, что его жене удалось бежать тоже — через советско-финляндскую границу. Специалисты из 5-го отдела не сомневались, что жену Люшкова расстреляли сразу после перехода мужем государственной границы.

Чиновая знать и деловая верхушка Дайрене селились в районе Хосигаура. Жить там считалось очень престижным. Район был застроен виллами, архитектурой и отделкой которых свидетельствовали если не о вкусе, то уж о богатстве хозяев — точно.

Однажды ночью к вилле, принадлежавшей президенту фирмы «Дайрен консу» Харуёси Санаде, тихо, чтобы не побеспокоить соседей, подкатил автомобиль. Из него в дом юркнул Люшков. Чемоданы втащил сам президент фирмы. Прислуга была отпущена с виллы еще днем.

Санада совмещал коммерческую с иной, широкой нудилище мало известной деятельностью. Он сотрудничал с разведотделом Квантунской армии и являлся главарем националистической организации «Кинкикай», которую в Дайрене не без основания рассматривали гангстерской бандой. Заместителем у Санады был в банде Масахико Амакусу. Если судить по визитной карточке, бизнесмен, президент фирмы, а на деле — капитан разведотдела Квантунской армии. Им и полковнику разведотдела Тацунари Утагава и были поручены подбор и подготовка убийц.

Отель «Ямато» считался в Дайрене самым феешенбельным. Четырехэтажное крытое черепицей здание с удобными просторными номерами утопало в зелени. В отеле останавливались дипломаты, крупные бизнесмены. Комиссия Литтона, приезжавшая в Маньчжурию по решению Совета Лиги Наций для расследования положения в оккупированной японцами стране, тоже проживала в «Ямато». Это принесло отелю дополнительную известность. Заказывать номера в нем приходилось теперь заранее.

Дайренское полицейское управление явно утратило контроль за ситуацией в городе. Оно уже не справлялось с активизировавшимися коммунистическим подпольем и с преступностью среди маньчжур и китайцев. Поэтому полицейское управление прибегло к помощи националистических организаций, образованных в городе японскими торговцами, чиновниками, колонистами. Наблюдение за порядком в отеле «Ямато» полиция доверила организации «Кинкикай».

Инспектор полицейского участка, что на Центральной площади. Отсюда Каваками получил сообщение о поимке в отеле китайца-шпиона в 12 часов 15 минут. Каваками с сожалением выключил радиоприемник: транслировались соревнования по борьбе «сумо» и сегодня, 29 ноября, должен был выступить Таманисики, целых пять лет носивший звание «эккодзуна», чемпиона. Накануне чемпион почувствовал себя плохо, и боль-

щики гадали — продолжит Таманисики схватки или нет. От сообщения о поимке шпиона отмахнуться было нельзя, и вместе с полицейским Кобаяси инспектор поспешил в отель.

Китаец, которого боевики из «Кинкикай» сочли шпионом, находился в номере на 4-м этаже. Сгорбившись, он сидел на диване и со страхом поглядывал на обступивших его разъяренных японцев. Инспектор Каваками узнал их: трое — из «Кинкикай», двое — из разведотдела Квантунской армии, а вот шестого японца инспектор видел впервые. Тридцатилетний крупный мужчина во франтоватом сером костюме, вежливо наклонив голову с напыженным подбородком, представился: «Таро Хасэбэ». Он, собственно, и изловил китайца. Боевики из «Кинкикай» лишь помогли ему.

Случилось это так.

Боевики, патрулировавшие улицу перед отелем, заметили китайца, который крутился подле входа, непрерывно поглядывая на часы на площади. Ровно в двенадцать китайца, будто вспоминая о важном деле, решительно вошел в отель. Один из боевиков успел позвонить в номер на 4-м этаже, служивший боевикам штабом, и китайца ожидал в вестибюле Хасэбэ. Боевики блокировали оба входа в отель — с улицы и со двора, а Хасэбэ последовал за китайцем. Тот направился в туалет напротив ресторана. В туалете китайца выгреб из мусорной корзины бумажки, отыскал среди них ту, что была ему нужна, и спрятал в карман. Тут-то Хасэбэ и схватил китайца. Бесешавшие в туалете боевики тесно окружили пленника и, стараясь не привлекать внимания постояльцев, сели с ним в лифт и поднялись на 4-й этаж. На листке, обнаруженном в кармане у китайца, была написана по-русски фраза: «Следи за нами». И подписи латинскими буквами: «Leo».

Кто-то из офицеров разведотдела высокомерным тоном приказал инспектору Каваками: «Ну-ка, разберись, кто оставил ему записку!» В Дайрене отношения между полицией и армией не отличались душевностью. Военное звание у Каваками было ниже, чем у офицера, но в обязанности инспектора не входило подниматься армейскому офицеру. Каваками указал ему на это и повел китайца в полицейский участок.

В ходе допроса выяснилось, что задержанный входил в гангстерскую шайку, где его использовали на мелких ролях. Доходы были ничтожными, и китайца подбавлял кем придется. Около вокзала пригородной железной дороги Шахэу какой-то человек, тоже китайца, попросил гангстера съездить в отель «Ямато», взять в туалете в корзинке для мусора записку и привезти обратно и посулил за работу десять иен. Пять иен гангстер получил в качестве задатка. У отеля долго слонялся потому, что приехал раньше 12 часов. Войти в отель до обусловленного срока ему было запрещено. Отдать записку надлежало в три часа у вокзала Шахэу.

Инспектор Каваками с двумя полицейскими и китайцем поехали к вокзалу. Каваками предупредил китайца: если вздумает бежать, то получит пулю. Каваками показал китайцу пистолет. Полицейские отошли от китайца на несколько шагов. Они внимательно наблюдали за ним и за толпой. Ровно в три часа китайца крикнул им: «Вон он! Вон он идет!» и бросился бежать по привокзальной людной улице. Стрелять инспектор не решился. Он мог поразить прохожих. Человек, которому предназначалась записка и на которого показывал китайца — по виду студент, — тоже растворился в толпе.

В полицейском участке Каваками доложил о провале операции. Начальник нетерпеливым жестом оборвал доклад инспектора — по радио продолжалась трансляция с чемпионата по борьбе «сумо». Каваками пошел к радиоприемнику и мысленно перенесся в зал, где на круглом глиняном помосте сталкивались мощными телами гигантские борцы.

Что сталося с «эккодзуна» Таманисики, узнать полицейским не пришлось. Сначала позвонил полковник Утагава. Он поинтересовался, задержан ли человек, поставивший китайца в отель за запиской. Начальник полицейского участка со значением в голосе уверенно ответил: «Проводим розыскные мероприятия». Потом звонки посыпались один за другим, и все — из разведотдела Квантунской армии. Начальник полицейского участка заволаговался. Провал грозил обернуться крупными неприятностями. И начальник приказал Каваками немедленно идти в отель и произвести расследование.

В списке у порты инспектора заинтересовали прежде всего фамилии русских постояльцев. Эти постояльцы прибыли из Харбина. Каваками запросил Харбинское полицейское управление. Оттуда ответили: русские ни в чем предосудительном не замечены. И добавили, что разведотдел Квантунской армии в свою очередь тщательно изучает прошлые и нынешние связи и контакты этих русских.

Каваками выяснил, что забронировал номера для русских. Оказалось — Харуёси Санада, президент фирмы «Дайрен консу». Он заказал номер и для Хасэбэ. Русские и Хасэбэ поселились в отеле за сутки до поимки китайца. Каваками теперь не сомневался, что гостиничный инцидент связан со шпионажем. Да и читал он в ориентировке, полученной от разведчиков, что разыскивается советский резидент по кличке Лео.

Служащие отеля рассказали Каваками, что офицеры-разведчики из Квантунской армии и боевики из «Кинкикай» постоянно заходили в номера к русским. Порты сообщил, что они ожидают пароходный рейс в Европу. В порту инспектор установил, куда русские намереваются держать путь. В пароходной кассе имелся заказ на восемь билетов на пароход «Азия-мару». Конечный пункт рейса — Неаполь. Семь

билетов предназначались для русских, один — для Хасэбэ. В списке пассажиров значились имена: Алексей Варский, Борис Безыменский, Николай Лебедеенко, Леонид Малхак, Виталий Смирнов, Михаил Сурков, Исаак Зеленин.

В день отъезда русских и Хасэбэ инспектор Каваками устроился с биноклем у окна полицейского участка. Ему было хорошо видно, как во дворе отеля сели в автомашину семеро русских и Хасэбэ. Их провожали Утагава, Масаюки Саэгуза из Генерального штаба и начальник контрразведки Харбина. Инспектор случайно повернул бинокль в сторону здания советского консульства — оно, как и полицейский участок, располагалось по соседству с отелем. С третьего этажа консульства кто-то тоже следил за отъезжавшими русскими.

«Все-таки, кто же из этой семерки Лео? В консульстве-то, наверное, знают», — подумал Каваками. — Впрочем, по поводу Лео голова пусть болит у разведотдела Квантунской армии, — размышлял инспектор. — Лео — их клиент. Полиции хватает злобы к коммунистам и уголовникам».

Автомашины скрылись из виду. Каваками уложил бинокль в футляр и включил радиоприемник. Продолжался чемпионат по борьбе «сумо».

Впервые числах ноября начальник Политического управления Департамента внешних сношений правительства Маньчжоу-го получил из консульства в Варшаве телеграмму, которая немало удивила сотрудников управления. В телеграмме содержалась просьба выслать в Варшаву зимнее меховое пальто. Зачем? Ведь в Польше одежда, особенно меховая, гораздо дешевле, чем в Маньчжурии! Не удивился только начальник управления. Он сразу же отбил ответ: «Пальто срочно высылать». Затем вызвал своего заместителя Дзюн Камикоти, передал ему удостоверение личности семи человек и их фотографии и распорядился оформить заграничные паспорта. «Господа желают выехать в Италию по делам коммерции», — объяснил начальник управления.

Вернувшись к себе в кабинет, Камикоти рассмотрел фотографии. Борис Безыменский и Николай Лебедеенко были ему хорошо знакомы. Безыменский, высокий усатый мужчина, служил переводчиком в правительстве Маньчжоу-го. Камикоти частенько видел его в обществе Масахико Амакусу, капитана разведотдела Квантунской армии. В Департаменте внешних сношений слетничали, что Безыменский получает два оклада: один от правительства Маньчжоу-го, другой — от разведотдела Квантунской армии.

Безыменский раздражал Камикоти. Русский непрерывно курил, причем не папиросы, а самокуртки с отвратительным табаком. Он делал две-три затяжки, бросал почти целую сигарку и сворачивал новую. После Безыменского в кабинете долго удерживался удивительный табачный запах, а пепельницу приходилось тщательно очищать от множества окурков.

Не раз Камикоти сталкивался и с Николаем Лебедеенко, председателем харбинского Союза русских патриотов. Лебедеенко сотрудничал с японскими властями еще в гражданскую войну, когда находился в штабе генерала Семенова. Разведотдел Квантунской армии благоволил Лебедеенко за помощь в разоблачении советских шпионов. Одну из групп — советская агентура работала четверками — Лебедеенко выследил сам.

Камикоти узнал на фотографиях Леонида Малхака, заместителя председателя Союза русских патриотов, Смирнова, Суркова и Зеленина, которые часто попадали в поле его зрения, поскольку выезжали за границу — Департамент внешних сношений выдавал заграничные паспорта.

Новой для Камикоти была фамилия Варского. Вглядываясь в его фотографию, Камикоти старался вспомнить, где видел этого человека. Камикоти был абсолютно уверен, что видел Варского. Но где? И когда? Из удостоверения личности явствовало, что Варский — служащий Харбинской торговой палаты. Но в торговой палате не числился работник с такой фамилией! И Камикоти вспомнил. В газете «Токио Асахи» сообщение о переходе в Маньчжурию советского генерала НКВД соседствовало с фотографией беглеца. Сомнений не оставалось: под фамилией «Варский» скрывался Люшков.

Камикоти выписал паспорта. Начальник политического управления сам поехал в посольство Италии, чтобы проставить в паспортах итальянские въездные визы.

На борт «Азия-мару» семеро русских и сопровождавший их японец поднялись до появления у трапа других пассажиров. Русские торопливо разошлись по каютам и весь путь до Неаполя из них не показывались. На палубе торчал лишь Хасэбэ. Он следил, чтобы никто из попутчиков или из команды не входил к русским. Хасэбэ сам разносил своим подопечным завтраки, обеды и ужины. Во время стоянок в Гонконге, Сингапуре, Коломбо и Александрии русские тщательно зашвыряли иллюминаторы в каютах.

Случай в отеле «Ямато» насторожил Хасэбэ и его начальство в разведотделе Квантунской армии. Еще и еще раз военная разведка, тайная политическая полиция, уголовная полиция проверили и опросили всех, когда-либо встречавшихся с русскими или знавших их. Разведотдел собрал на каждого многоотомное досье, в которых были зафиксированы мельчайшие подробности жизни участников группы, вплоть до самых интимных. Допустить, что кто-то из них написал записку, отобранную в отеле «Ямато» у китайца, и, следовательно, связан с советской разведкой, означало изме-

нить здравому смыслу.

Шестерых русских, поставленных под начало Люшкова, подобрали из членов Союза русских патриотов полковник Утагава и Хасэбэ. Они руковождали объективками разведотдела Квантунской армии и тайной политической полиции. Все шестеро ненавидели коммунизм и внесли немалый вклад в борьбу против СССР. В их репрессии сложились головы ради великой цели — уничтожения коммунистического чудовища Сталина — нельзя было не поверить. Что касается Люшкова, то он испытывал к Сталину чувство личной вражды. Сталин обрек его на изгнание. Сталин погубил жену и ребенка — в трагическом конце семьи Люшкова не сомневался. За долгое путешествие до Неаполя Хасэбэ многократно возвращался мысленно к мотивам, побуждавшим русских взяться за осуществление операции «Медведь».

Хасэбэ окончательно уверовал в преданность участников группы идее уничтожения Сталина, понаблюдав за подготовкой к покушению в военном лагере вблизи Чанчуня. Русские вели себя, как камикадзе перед последним полетом. По плану Люшкова и Хидэ-то Кавамото, начальника 5-го отдела Генерального штаба, совершить убийство предполагалось в Сочи, куда Сталин приезжал на отдых.

Сталину нравилось принимать мацестинские ванны. Бывало, он проводил в Мацесте по пяти часов кряду. Сталин не оставался обнаженным при посторонних. Поэтому в ванной комнате он всегда находился в одиночестве.

Двое охранников располагались в коридоре у входа в ванную комнату. Еще по двое — в концах коридора: там, где он соединялся с холлом, и там, где упирался в дверь в служебное помещение, предназначенное для обслуживающего персонала. Перед прибытием Сталина курортников выпроваживали из ванной корпуса и он тщательно проверялся. Во время приема Сталиным ванны в коридор не пускали никого.

И все же существовало слабое место в системе безопасности. Люшков нашел его, когда работал в Азово-Черноморском управлении НКВД. Район Сочи находился в ведении управления.

Вода из сероводородного источника поступала в ванный корпус по водосточку. По ночам напор потока уменьшался. Уровень воды опускался до полуметра, и можно было добраться до подземного водонакопителя. Его площадь составляла примерно сто квадратных метров. Высота — около трех метров. В углу в потолке имелся люк. Достать до люка особой сложности не представляло. Люк вел в кладовку, где хранились метлы, веники, тряпки, ведра, использовавшиеся для уборки ванной комнаты. Дверь из кладовки вела в служебное помещение, а оно соединялось с бойлерной. В ней работали двое техников. Они — единственные, кого охрана не выгоняла из ванной комнаты.

По наводкам Люшкова в лагере в Чанчуне соорудили макет корпуса в натуральную величину. Группа отретировала проникновение в корпус через люк, ликвидацию техников в бойлерной. Все в группе научились управляться с механизмами, которыми была оборудована бойлерная. До приезда Сталина температуру и напор воды в ваннах следовало поддерживать неизменными, чтобы не вызвать тревоги у обслуживающего персонала.

Само покушение было спланировано так.

Дождливый приезд Сталина, двое из группы, облаченные в халаты убитых техников, откроют люк в кладовке. Через него в служебное помещение проникнут остальные члены группы. Охранников у дверей заколют ножами. Привлеченные шумом борьбы другие двое охранников кинутся от входа в сталинскую ванную комнату в конец коридора, к служебному помещению. Их поразит пушечным огнем. В крайнем случае уничтожат гранатой. Охрана в холле, не видя происходящего в коридоре, так как он изогнут под прямым углом, побежит к ванной комнате, встревоженная выстрелами. Длина коридора от холла до поворота вдвое больше, чем от поворота до дверей в служебное помещение. Поэтому нападающие окажутся у поворота раньше охранников, и, когда те выскочат, нападающие расстреляют их в упор. После этого останется лишь убить в ванной комнате Сталина — из пистолета или гранатой.

На тренировках группа довела свои действия до автоматизма. В девяти случаях из десяти охранники опаздывали с отпором. Хасэбэ хронометрировал все тренировки.

Перед отбытием из Чанчуня в Дайрен офицеры из 5-го отдела Генерального штаба и из разведотдела Квантунской армии проверили готовность группы. Они пришли к выводу, что операция «Медведь» должна завершиться успехом.

12 и 13 ноября 1938 года в Берлине в отеле «Кайзер-хов» проходило совещание японских военных атташе, аккредитованных в европейских странах. Обсуждались вопросы, связанные с Мюнхенским соглашением, с Трехсторонним пактом и новой ролью Японии в Европе. После завершения совещания японский военный атташе в Берлине генерал-майор Юдзиро Окабэ пригласил в ресторан поужинать Митио Арикура, коллегу, возглавлявшего японский военный атташ в Стамбуле.

То, что Арикура услышал от Окабэ, повергло его в растерянность и изумление. Речь шла об убийстве Сталина! Более того, военный атташ в Турции должен участвовать в организации покушения. И хотя осуществят его русские, помощь им Японии столь велика, что она окажется прямой сообщницей преступников.

Япония занята войной с Китаем. Что, если ее роль в подготовке убийства выплывет наружу? Готовя ли Япония к ответным действиям со стороны СССР, которые могут выразиться в ударе по Маньчжурии? Такие мысли пронеслись в голове Арикуры. Но приказ есть приказ, и Арикура изложил Окабэ возможный план проникновения террористической группы в Советский Союз. Японский военный атташе досконально изучил положение на турецко-советской границе, так как СССР в разработках Генштаба рассматривался основным потенциальным противником, к войне с которым следовало готовиться на любых фронтах.

Вот что рассказал Арикура генерал-майору Окабэ. Конечно, проще всего сесть на паром, курсирующий между Стамбулом и Батуми. От Батуми до Сочи — 300 километров по железной дороге. Но это путь легальный, требующий получения советских въездных виз, что полностью исключено, учитывая состав группы.

Другой способ — нанять яхту или небольшой пароходик, достичь сочинского берега и высадиться там. Однако есть опасение, что турецкая команда яхты или пароходика разболтает об операции, да и можно попасться пограничникам — турецким или советским.

Следовательно, остается только наземный путь. Турецко-советская граница стережется в горах не столь тщательно, как на море. Кроме того, в турецком Генштабе удалось заполучить карты, на которых помечены проходы на границе, наименее охраняемые советскими пограничниками.

В двадцати километрах от границы располагалось маленькое селение Борчка. От Стамбула до ближайшего к селению порта Хопы группа доберется рейсовым паромом. От Хопы до Борчки — автобусом. На постоялом дворе в селении переоденет и подготовится к переходу границы.

Через селение протекает речка Чорух. Она пересекает границу и впадает в Черное море южнее Батуми. По рассказам местных жителей, по берегу Чоруха можно пройти без особых усилий довольно далеко. Обрывистыми берега становятся километров за пять до границы, но и там вдоль скалы проложена тропинка, правда очень узкая. В месте пересечения границы на западном берегу речки оборудован пост советских пограничников. Они дежурят по двое. Если пробираться по восточному берегу Чоруха, то как раз напротив поста в глубь советской территории уходит расклина. Задача — незаметно от дозорных проникнуть в нее. Дальше путь свободен от пограничников.

Генерал-майор Окабэ план, предложенный Арикурой, одобрил.

17 января 1939 года паром «Азия-мару» пришвартовался в порту Неаполя. Когда все пассажиры сошли на берег и пирс опустел, из своих кают показались русские и Хасэбэ. Они спустились по трапу и двинулись к одиноко стоящему далеко от парохода человеку. С палубы нельзя было разглядеть его лица.

Встречавшего звали Хироити Такэнака. Он имел звание майора. Занимал в японском посольстве в Берлине пост помощника военного атташе. Такэнака отправил группу на нанятых им автомашинах в гостиницу, а сам поехал с паспортами в посольство Турции за визами.

В то время получение турецкой визы осложнялось множеством бюрократических проволочек. Иногда проходили недели, прежде чем давалось разрешение на въезд в Турцию. Но в паспортах, что принес в посольство Такэнака, консул проставил печати немедленно. В начале ноября здесь побывал японский дипломат, аккредитованный в Варшаве, и выполнил все формальности. Это он отправил в Департамент внешних сношений Маньчжоу-го телеграмму с просьбой выслать зимнее меховое пальто.

18 января японский военный атташе в Стамбуле Митио Арикура получил из Неаполя от Хироити Такэнаки депешу:

«19 января в 2 часа 30 минут паромод «Таллес» доставит в Стамбул семь меховых маньчжурских соевых бобов. Просьба получить».

Арикура встретил паромод на катере в море. Военный атташе был в штатском. Русские и Хасэбэ пересели в катер, который пристал к берегу в малолюдном уголке порта. Оттуда на трех автомашинах группа отправилась во второстепенную неприметную гостиницу. Там русские переоделись в приготовленную Арикурой одежду — они не должны были привлекать внимание заграничным внешним видом. Опробовали экипировку, необходимую для ходьбы по горам. Проверили пистолеты и гранаты. Оружие Арикура приобрел через представительство германской фирмы Круппа в Стамбуле. Операция развивалась в точном соответствии с планом Арикуры.

Ранним утром 24 января русские и с ними Арикура и Хасэбэ разместились на постоялом дворе в селении Борчка. Вечером провели последнее перед заключительным этапом операции «Медведь» совещание. Решили разбить группу на две части. Авангард из трех человек вышел из Борчки в семь часов вечера. Через час вслед за ним отправились остальные четверо. Перед границей группе предстояло воссоединиться.

Арикура и Хасэбэ, проводив русских, улеглись спать. Утром они намеревались вернуться в Стамбул. Однако на рассвете громкий стук в дверь разбудил их. Испуганный Хасэбэ сбросил крючок. Дверь распахнулась. В проеме стояли Люшков, Безыменский, Смирнов и Зелсин. По щекам Люшкова текли слезы. Из подробностей того страшного утра только это запало в

память Хасэбэ. Видеть Люшкова плачущим казалось невероятным. Четверо ввалились в комнату и, обессиленные, рухнули на пол. Одежда на них была порвана. Ни оружия, ни альпинистского снаряжения Хасэбэ не обнаружил. Люшков долго не мог остановить рыдания. Наконец он заговорил.

Группа без оглядки добралась до границы. Гуском двинулись по восточному скалистому берегу речки. Вошли в расклин. И тут из глубины и с западного берега по группе вдруг ударили из пулеметов и винтовок. Огонь велся хотя и беспорядочно, но плотно. Шедшие впереди Лебеденко, Малхак и Сурков сразу упали. Остальным удалось бежать. Ясно, что советских пограничников предупредили о переходе группы границы.

Первым пришел в себя от шока Арикура. Он приказал быстро собраться и уходить из селения.

В порту Хопы, перед тем как сесть на паромод в Стамбул, Арикура отправил в Берлин генерал-майору Окабэ телеграмму: «Сакура опала». Если бы переход границы увенчался удачей, Арикура послал бы другую телеграмму: «Хризантема расцвела».

28 января группа прибыла в Стамбул. Со дня на день нужно было ожидать протеста Советского правительства правительству Турции по поводу провокации на границе. Турки начнут разбирательство. Жители Борчки, разумеется, заметили японцев и русских в своем селении. Поэтому Арикура поспешил отправить четырех русских и Хасэбэ из Турции.

Они уехали в Германию. Там след русских потерялся. Таро Хасэбэ осенью 1939 года видели в Харбине. Потом он тоже исчез. Митио Арикура в марте 1939 года получил назначение в Мадрид.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СЛУЖЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ ПРОВАЛА ОПЕРАЦИИ «МЕДВЕДЬ»:

... В записке, которую китаец взял в мусорной корзине в отеле «Ямато», было сказано: «Следи за нами». Значит, Лео находился в числе семерых русских. В противном случае фраза звучала бы иначе: «Следи за ними».

... На пароходе «Азия-мару» никто в контакт с русскими не вступал. Телеграмм они не посылали и не получали.

... В Неаполе, в Стамбуле, по пути в Хопу, в селении Борчка контактов с кем-либо из посторонних у русских не было. Они не звонили по телефону, не отправляли телеграмм.

... Почему написанная по-русски записка в отеле «Ямато» имела подпись, сделанную латинскими буквами: «Лео»? Лео — сокращение от имени Леопольд или Леонгард. Но группа состояла из русских. Ни один из них, кроме Бориса Безыменского, не жил в Европе или Америке. Безыменский ездил ненадолго в Германию. Лео могло быть дружеской кличкой, полученной в среде иностранцев.

... После инцидента в отеле «Ямато» всю группу заново проверили, особенно Леонида Малхака. Безрезультатно.

... Советская разведка имела возможность узнать об отъезде группы в Неаполь в билетной кассе порта Дайрен. В Неаполе советские разведчики могли группу встретить и выяснить, что она направляется в Стамбул. Однако в Стамбуле Митио Арикура принял действительные меры, чтобы избавиться от возможной слежки.

... На пароходе по пути в Хопу на палубе был замечен по виду англичанин. Он постоянно фотографировал. Таро Хасэбэ обратил на него внимание Люшкова. Люшков пришел к заключению, что это действительно англичанин. При англичанине был чемодан с рекламной наклейкой туристской фирмы — головой льва. Англичанин в контакт с группой не входил.

... На пароходе плыл турок. Он расстелил на палубе шкуру льва и разложил на ней безделушки, которыми торговал. В контакт с группой не входил.

... В Стамбуле, когда группа селилась в гостиницу, к портье подошел мальчик с кукольным львом в руках.

... В Стамбуле, когда Митио Арикура направлялся в гостиницу, чтобы оттуда доставить группу в порт, он увидел на доме рядом с гостиницей флаг с изображением морды льва.

... В досье, составленном тайной политической полицией, указано, что на правой руке Бориса Безыменского сделана накладка, изображающая льва.

... В этом же досье в разделе «Привычки» отмечено, что Борис Безыменский курит только самодельные папиросы. После двух-трех затяжек самокрутку выкидывает и готовит другую.

... Если Лео — это Безыменский, то он мог оставлять связки информации в окурках, которые разбрасывал везде, где находился.

АНГЛИЙСКАЯ ГАЗЕТА «НЬЮС КРОНИКЛ», 29 ЯНВАРЯ 1939 ГОДА:

«Как сообщило агентство ТАСС, 25 января погранвойска Грузинской ССР уничтожили трех человек, пытавшихся перейти границу со стороны Турции. Эти троє — троцкисты, пользовавшиеся поддержкой фашистов. У убитых были найдены пистолеты, ручные гранаты и подробные карты местности. Целью преступной группы было убийство Иосифа Виссарионовича Сталина, находящегося в Сочи. Однако пограничники заблаговременно узнали о преступном плане и истребили злоумышленников. Нарком иностранных дел Литвинов выразил решительный протест в связи с тем, что Турция сделала базой антисоветских провокаций».

ТЕМНЫМ НАД РИЖАМИ

Леонид ПОЧИВАЛОВ

Его все-таки вывезли! Тайно, торопливо. И, конечно же, с опозданием! Иначе не можем!

3 октября 1990 года... День исторический — Германия стала снова единой. Людские потоки медленно двинулись к Бранденбургским воротам — с Востока и Запада. И не было между ними Стены. Той самой... Немцы шли навстречу немцам, снова становясь великим народом.

Я шагнул вместе с берлинцами и чувствовал себя частью всеобщего торжества. И вдруг подумал о нем. Что делает в эти минуты? Газеты сообщили, что он в советском госпитале под Берлином. Может, прикорнул на госпитальной койке? Или сидит перед телевизором и смотрит на «свой» народ, который ликует. Почему ликует? Что с ним стряслось? Обманут Западом? Американский корреспондент, с которым я познакомился в тот день в пресс-центре празднества, весело спросил меня: «Что же вы своего верного Эриха не вывезли вчера? Сегодня — поздно. Сегодня тут уже ФРГ!» У американцев на этот счет все давно отлажено. Своих ставленников из других стран в критический момент вывозят без промедления. А мы все согласовываем...

Улетая в Берлин, я заранее настроился получить интервью у Хонеккера. В редакции подержали: напечатаем все, что скажет, без купюр. Интересно знать мнение «бывшего». В посольстве СССР в Берлине, которое в тот день уже перестало называться таковым, к моему и моему отнеслись холодно: «Не надо!» Коротко и определенно. Соображения высшей политики, о которой мне знать не положено. Жаль! Я ведь искал не сенсацию, не «жареный факт». Правду. И с Хонеккером уже встречался...

Это случилось в сорок девятом. В Антифашистском комитете советской молодежи, где я работал, мне поручили опекать прибывшего в Москву Председателя Союза свободной немецкой молодежи Эриха Хонеккера. Быть рядом с мужественным коммунистом, соратником Тельмана, узником гитлеровских казематов! Я был горд. О таких, как он, перед войной мы пели на пионерских сборах: «Товарищи в тюрьмах, в застенках холодных, вы с нами, вы с нами, хоть нет вас в колоннах!» И поднимали над головой руку со сжатым в ротфронтовском салюте кулаком. В сорок девятом я вступил в партию. Хонеккер был первым, кому я показал свой только что полученный партийный билет. Запомнилась крепость пожатия руки этого необыкновенного немца — поздравлял! В тот день я становился его товарищем и единомышленником.

Когда провожали Хонеккера, на аэродроме случился конфуз: выяснилось, что его чемодан по ошибке с ходу отправили в... Софию. Мое начальство сделало мне выговор... Но на помощь пришел сам Хонеккер. Положил мне на плечо умиротворяющую руку: «Пустяки! Разве наше богатство в чемоданах?» — приложил ладонь к своей груди, улыбнулся: «Все свое ношу с собой».

Вскоре я опекал в Москве уже другого молодого лидера из Берлина — милую, улыбающуюся, такую товарищескую в общении Маргот Фейст. Через какое-то время узнал, что эта славная

Полицейские сопровождают бывшего лидера ГДР Эриха Хонеккера из больницы в берлинскую тюрьму Руммельсбург

девушка стала женой Хонеккера. Много лет спустя, разбирая свой архив, обнаружил пожелтевшую от времени фотокартонку: юная, улыбающаяся Маргот на Красной площади перед храмом Василия Блаженного. Фотографировал тогда ее я. Решил старый снимок послать в Берлин — в знак памяти о нашей общей «боевой юности», как принято было тогда говорить о комсомоле. Ответа не получил. Понял, Маргот Хонеккер — министр образования ГДР, человек занятой.

Во второй раз встретил Хонеккера в пятьдесят втором, уже в Берлине. Он узнал меня в толпе журналистов, издал махнул рукой и пошел к микрофону. Огромная, обремененная остовами еще невосстановленных домов площадь полыхала густой синевой флешевских рубашек. Перед тысячами молодых выступил их признанный лидер. Говорил горячо, страстно — настоящий трибун! Звал к борьбе, к победе, к торжеству справедливости. Ему в ответ тысячи разом вскидывали руки в знакомом мне ротфронтовском салюте, присягая на верность нашим общим лучезарным идеалам. За руинами поверженного чужойной города они видели свое счастливое завтра.

И снова прошли годы... В политике выявились новые акценты. Временами я наведывался в ГДР по журналистским командировкам. Бывал и в том и в другом Берлине. Смотрел, замечал, думал. Подходил к Стене. С той, западной стороны на стене было множество надписей — гневных, протестующих, ироничных. Особенно запомнилась одна, короткая, полная отчаяния: «Хильда, где ты?» И еще впечаталось в сознание деревенский крест у стены недалеко от рейхстага — в память о павшем тут. Человек почти преодолел страшную преграду, но в последний миг получил в спину пулю, пущенную оттуда, с Востока, из столицы ГДР. Немало было таких, кто не совершал никаких преступлений, просто хотел жить в своем Берлине, только в другой его части, и за это желание расплачивался самой жизнью.

Утверждают, что стреляли по указанию Самого. Конечно же, он не давал указания стрелять в каждом отдельном случае. Был провозглашен общий, так сказать, генеральный принцип: всеми средствами защищать первое на немецкой земле государство рабочих и крестьян! Всеми средствами — железобетоном и пулями. «Стена нужна! Нужна! Если она не устоит — не устоим перед Западом и мы!» — в ответ на высказанное мной осторожное сомнение Герберт Кроликовский, первый заместитель ми-

нистра иностранных дел ГДР, доказывал мне с упорной убежденностью. Нужна — и точка! И к этому вопросу не возвращаться! Но ведь Стену штурмовали не с западной стороны, а с противоположной. С той, восточной защищали социализм от бегущих от социализма. Пулями в спину бегущим.

В западных газетах называют главным виновником убийств Систему и ее выразителя — Хонеккера. Честно говоря, поначалу мне было трудно соединить имя лидера рабоче-крестьянского государства, бывшего узника фашизма со словом «убийство». Но мы ведь на себе испытали и до сих пор испытываем «принципы» Системы — без ведома начальства ни один палец не нажмет на спусковой курок на винтовке — в Берлине ли, в Вильнюсе...

Прошли еще годы... Менялись лидеры, пересматривались вроде бы неизбываемые идеиные уклады. В ГДР лидер оставался все тот же. А как его возразить? В ракурсе новых веяний? Может, тоже что-то изменилось?

Судьба немцев безразлична нам, воевавшим с ними. Кто они, эти немцы сейчас? Те, кто на Западе, те, кто на Востоке? Как они теперь к нам, как теперь к ним мы? Чтобы получить ответы на все это, я и приехал в очередной раз в Берлин. Была надежда: вдруг удастся встретиться с Самим? В посольстве мне сказали: «Нереально!» Коротко и определенно. Я понял: очень занят первый человек в стране!

Нашим послом в ГДР был давно мне знакомый В. И. Кочемасов. Когда-то назывался главным идеологическим наставником комсомола, потом руководил российской культурой — был зампредом Совмина РСФСР. Человек суровый, неулыбчивый, непреклонный в защите принципов, которыми нельзя поступить. Знал это по себе — именно он готовил на Бюро ЦК ВЛКСМ судилище над мной — собором «Комсомолки» в Варшаве за «опасные идеиные просчеты», которые вдруг обнаружили в моей работе в 1953 году наши спецслужбы в Польше.

И вот теперь тут, в ГДР, на самом переднем рубеже лагеря мира и социализма, противостоящего империализму. Говорят, еще в далекие комсомольские годы и зародилось пристрастие двух высокопоставленных молодежных вождей. Именно Хонеккер пригласил Кочемасова советским послом в Берлин. Известно, что Первые в братских странах часто предпочитали иметь при себе «своих» послов СССР.

Идея моя Кочемасову не понравилась: «Странная постановка вопроса!

«Немцы и мы!» Какие немцы? Немцы там и тут — разные. Не вздумайте смешивать! Серьезная идеологическая ошибка!» О моем приезде доложили Самому. Сам пошел навстречу — дал указание сразу трем членам ЦК СЕПГ, главным идеологам страны, растолковать мне что к чему. И я ему был благодарен за внимание. Встретились, растолковали. Напомнили: товарищ Хонеккер подчеркивает: «В ГДР формируется социалистическая нация!» Перед моим отъездом в Москву наш посол, наставляя меня, на всякий случай пригрозил: «Если в статье будет что-то не то, знаете, у меня в Москве выход на самый верх». Я знал.

«Литературка» напечатала мою статью «Немцы и мы». В ней были впечатления и размышления, которые стали результатом встреч не только с главными идеологами ГДР. Буря разразилась сразу же. Посол СССР в Берлине немедленно откликнулся грозными шифровками: «Литгазета» подрывает дружбу с ГДР, автор ошибочно утверждает, что немцы — единый народ, высказывает сомнения, что в ГДР создается социалистическая нация...» Спустили почти четыре десятка лет снова «опасные идеиные просчеты». Сам Хонеккер в гневе. Еще бы! Создал для корреспондента все условия для постижения истины, а он... Ложно поняла гласность! Мне говорили, что Хонеккеру вообще не очень-то по сердцу наша перестройка. Делали немало, чтобы немцы о ней знали поменьше. Например, наложили запрет на распространение в ГДР слишком уж «беспримонного» советского журнала «Спутник». Запретили прокат некоторых наших фильмов, например «Покаяние» Абуладзе.

Посольству ГДР в Москве дали указание не рекомендовать советским изданиям перепечатывать вредное выступление «Литературной газеты», особенно настоятельно советовали не делать этого органу СП СССР журналу «Советская литература», выходящему на иностранных языках, журналу, в редколлегии которого я входил. Меня вызвали в секретариат Союза писателей и по-товарищески посоветовали в ГДР пока не наведываться, «во избежание неприятностей».

Третьего октября 1990 года я шагнул по дорогам другой Германии, и теперь никто мне здесь не грозил неприятностями. Я ходил по городу, ныне уже целостному, нерасчлененному, без Стены. Стену разрушили. Все прежние надписи на ней превратились в цементную пыль вместе с рухнувшей в небытие бетонной машиной. Но в моих ушах все еще звучало, как крик из прошлого: «Хильда, где ты?» Недалеко от рейхстага снова увидел знакомый крест в память о том, кто не дошел. Возле него было очень много цветов. Недалеко от Эльбы все-таки набрал на Берлинскую стену. Вернее, на ее часть, специально сохраненную для потомков — на ней рисунки многих художников. Разные — парящий голубь мира, разорванные пепи на руках женщины, восходящее Солнце свободы... Но больше других привлекала внимание прохожих огромная, во всю высоту Стены, цветная рисованная копия известной, обобщенной весь мир фотографии, на которую, откровенно говоря, было неприятно смотреть, как на нечто бесстыдное: Хонеккер врасплох целуется с Брежневым. Под рисунком надпись: «Избавь нас, Бог, от этой всепоглощающей земной любви!»

Вот они, превратности судеб иных идей, чувств, вождей и их режимов. ГДР уже не существует. В. И. Кочемасов, говорят, в Москве на пенсии. Может, тоже мемуары пишет. Сейчас среди отста-

внх это модно. Ему есть о чем писать — немало вложил сил в Систему. Оберегал ее как мог. А она рушится...

И все-таки смею ли я злорадствовать? Помните библейское: «Пускай в меня бросит камень тот, кто без грехов»? Невесело сейчас обдумывать судьбу моего поколения, тем более подводить итоги. Жизнь одна. По чести ли жили? Мне показали немецкую газету, в которой сообщалось о том, будто в годы заключения в гитлеровских застенках Эрих Хонеккер был тайным осведомителем тюремной администрации, «стучал» на товарищей и тем спас себе жизнь. Не хотелось верить. Может, да? Известно: упавшего топчут. Помню, как однажды в старинном немецком городе мне демонстрировали казематы, где томился будущий руководитель ГДР. Я сострадал ему, глядя на урюмые своды. И вдруг спустя полвека уголовное дело! Страшное обвинение: влохновение политических убийств! Такое бросали в лица тем, кто сидел на скамье подсудимых Нюрнбергского процесса, кого осудили за страдания жертв фашизма, в том числе за страдания его, Хонеккера.

Немцы хотят, чтобы он держал ответ по полному счету. А счет, оказывается, немалый. Это становится день ото дня яснее — стали разжиматься до того замкнутые в страхе рты, открывались папки годами притаенных за семи замками архивов.

Но ведь человек стар, хвор, бездомен и жалок. Я видел кадры кинохроники, и трудно было поверить, что передо мной еще недавно всемогущий глава государства. Был выброшен с женой на улицу, и в христианском милосердии немощного старика приютила под своим кровом церковь.

Нет, не думаю, что благополучное, уверенное в себе, только что отпраздновавшее свое возрождение государство способно распять слабого старика, мстя ему за содеянное. В конце концов, отпустили бы с Богом, проявив к поверженному снисхождение. Если и посадили бы на скамью подсудимых, то, в сущности, не Эриха Хонеккера, от него мало что осталось, а Систему, которую он выражал. Систему, которая жила, которая до сих пор способна стрелять в спины безвинным.

Судя по всему, Хонеккера уже не посадят на скамью подсудимых вместе с Системой. Его выкарабкали. И вряд ли вернут обратно, несмотря на все протесты Германии. Опиши американский журналист. Оказывается, для нас подобное «не поздно» и сегодня! Еще не отучились чувствовать себя хозяевами на немецкой земле.

В том, что Хонеккера решили выкрасть, есть своя логика. Даже своя мораль. И, откровенно говоря, этот политический рискованный, в нарушение норм международного права, ковбойский вывоз может даже чем-то импонировать. Невзоров бы воскликнул: «нашего» вырвали! Мол, соучастников в беде не бросаем. «Мы будем всегда ответственны перед теми, кого к себе приручили», — писал А. Экзюпери. Вот и вспомнили об ответственности, оградили от дальнейшего позора того, кто был нам верен до конца. Впрочем, вполне возможно, что опасались у нас новых нежелательных огласок. Наш «давний и верный друг» Живков со скамьи подсудимых своего недавнего созерца подливает грязью на весь мир. Хонеккеру тоже есть что сказать о нас не очень-то лестное.

По-разному складываются теперешние судьбы «бывших» отечественных и зарубежных. Многие наши экс-вожди в хосе и стысты, особые пенсии получают, на черных «Волгах» катаются. Некоторые до сих пор даже «при исполнении». И сейчас, размышляя над судьбой Хонеккера, задумываешься: а чем они лучше этого свергнутого с пьедестала немца? Почему ему — суд, а им — безмятежная старость? Чем лучше Хонеккера те, кто во имя «высоких принципов» социализма отдавал позорные приказы задавить «контру» в Венгрии, растоптать танками «пражскую весну», пулями расправиться с доведенными до отчаяния рабочими Новочеркасска, вторгнуться в чужой Афганистан, окропив его морем крови? Чем он хуже тех, кто в совсем уж недавнее времена взял на душу великий грех убийства в Тбилиси, Баку, Вильнюсе?

Н ет, этими строками я вовсе не хочу оправдывать политические убийства в ГДР и их вдохновителей. Я только говорю о справедливости. Недавно прочитал, что Моссовет решил отказать в квартире в Москве Эриху Хонеккеру и Бабраку Кармалу. Горькая ирония судьбы. Ни один серьезный шаг без согласия Москвы, где ему сейчас отказывают в жилье, он, Хонеккер, не делал и не мог сделать, так же, как Живков, Якиш, Кармал, Гусак, Цеденбал. Все было из Москвы: идеология, оружие, инструкции, законодательные нормы, военные доктрины... И Берлинскую стену строили по нашему приказу, и стреляли в спины убегающим не без нашего одобрения — у нас на это опыт есть, со сталинских времен с идейными противниками только так: в затылок или в спину! Так что ничего нового лидер ГДР не придумал. Как дисциплинированный немец, он исполнял приказ своего начальства, которое в Москве. Бесспорно, исполнял убежденным в его правильности. Именно на этом и основано выдвинутое против Хонеккера обвинение судебных органов ФРГ, от которых он сбежал. Исполнение преступного приказа — преступно. Об этом нам всем напоминает Нюрнберг.

Но, может быть, Хонеккер сопротивлялся командам из-за кордона? Выказывал Москве неугодную ей точку зрения? Может, уберет свою страну от еще больших бед? А сейчас, за месяцы, прошедшие после жизненного крушения, многое обдумал, переосмыслил, сделал честные и справедливые выводы? Почему мы сейчас в нем видим только беглеца, а не человека, испившего сполна горькую чашу жизни? Древняя мудрость гласит: выслушай и другую сторону! Не хочет ли Эрих Хонеккер, чтобы его выслушали? А вдруг...

Я позвонил в Международный отдел ЦК КПСС. В моем блокноте немало фамилий людей из дома на Старой площади, ко многим из них отношусь с уважением — люди знающие, толковые, в разное время помогали мне в журналистской работе. «Не поможете ли и на этот раз? Вот бы встретиться с Хонеккером!». Один ответственный товарищ одобрил: конечно, встретиться с ним стоило бы! Другой усомнился: нужно ли сейчас снова акцентировать внимание на этом человеке? Третий поддержал второго: шум за кордоном вроде бы стихает — ни к чему! Нет, помочь в организации встречи не обещали. Больше того, отметили, что сами не очень-то знают, где именно сейчас Хонеккер.

Не знают? На Старой площади не знают? Что-то сомнительно. А может, во имя высокой политики сейчас невыгодно предоставлять публично слово Хонеккеру? Мол, пускай себе прогуливается на досуге по аллеям Серебряного бора вместе с Бабраком Кармалем и помалкивает. Но спрашивается: во имя интересов какой и чьей политики? Мы теперь хорошо знаем цену некоторым аспектам этой политики, которую у нас многозначительно называли «высокой».

Мне снова вспомнились кадры кинохроники: два бездомных старика, он и она, не скопившие богатств, не построившие себе дворцов, брошенные, одинокие, медленно идут по улице... В никуда. Тени уходящего мира. «Все свое ношу с собой...» И ведь не только свое, тоже и наше общее, оказавшееся, в сущности, нищенской котомкой.

Грустно! Невысокая, согбенная, недавно еще плотная, а ныне усохшая фигура Эриха Хонеккера представляется мне символической на фоне покрытых снегом развалин рухнувшего мира политических иллюзий и вздорных идей. И хотя в ЦК мне посоветовали сейчас не касаться судьбы Хонеккера — во имя соображений политических, я все-таки написал эту статью. Настоящая политика — не умолчание. Только правда! Не будем стыдиться ее. Лишь так сможем спасти свое достоинство, свою совесть. Это же позор, когда обанкротившихся проводников наших бессмертных всепообеждающих идей мы вынуждены выкрадывать из-за границы тайком, трусливо, унижая прежде всего самих себя. Давайте лучше подумаем о Покаянии. Ведь это страшно, когда в храме идет снег...

© Л. Почивалов, 1991

Леонид
ЖУХОВИЦКИЙ

Первые об этом фестивале я услышал от друга-приятеля Жени Шатко, удивительно славного и совершенно бесконфликтного в общении человека, который тогда писал очень симпатичную прозу, публиковавшуюся в основном в «Юности», и еще не приступил к юмористическим рассказам, принесшим ему популярность и уверенность в себе.

— Слыхал про Новосибирск? — спросил как-то Жени.

— А что в Новосибирске?

— Фестиваль бардов. В Академгородке. Надо бы поехать, а?

— А кто будет?

— Говорят, Галич.

Уговаривать меня не пришлось.

Здесь надо хотя бы коротко объяснить или напомнить, чем была в те годы для нашего поколения бардовская песня. В конце 60-х уже отчетливо сказывалось то, что сейчас именуется застойностью. Но термин этот достаточно условен: где-то застой был, где-то нет. Впрочем, пожалуй, его не было нигде. Брежневско-сусловская верхушка рвалась к государственной казне, прорастая метастазами в области и республике, — наступала золотая пора аппарата, который вовсе не заставался, а, наоборот, весьма активно прибирал к рукам все кормушки, дотянувшись до которых позволяла занимаемая должность. Подгнивали опоры экономики — но зато с ускорением строились бани с каминами, гостевые дома и дачи с залами для приемов. Речи секретарей Союза писателей становились все тошнотворней, зато как энергично росли тиражи «ужуных» романов, и на пиджаках главных инженеров человеческих душ оставалось все меньше места для новых заслуженных наград — кое-кому было в пору подставлять под лауреатские медали спину, а то и задницу. Какой уж тут застой! — культурная обслуга старалась вовсю!

Но и настоящее искусство отнюдь не заболотилось. В те годы, именно в те, в русской литературе одновременно работали Твардовский и Дудинцев, Солженицын и Домбровский, Трифонов и Аграновский, Тендряков и Аксенов, Самойлов и Тарковский, Владимов и Казаков, Ахмадулина и Вознесенский, Евтушенко и Володин, Соколов и Вампилов, Шукшин и Абрамов... Хорош застой! Нет, такой литературы стыдиться не надо. Она ломала запреты, рвала колючую проволоку цензуры, и в конце концов идеологические вертушки тут, то там давали слабину.

Но ирония и особая радость эпохи была в том, что рядом с этой борющейся словесностью появилась для всех неожиданно другая. Эта литература стены не ломала и колючку не рвала, с сусловскими прихлебателями не боролась, не стучала кулаком по редакторским столам и не требовала справедливости в высших инстанциях. Она по-птичьи перелетала установленные загородки, и охранники на литерату-

рных вышках не могли за ней уследить. Эту словесность не печатали, не пропандировали по радио, не записывали на пластинки, не выносили на эстраду. Но ей того и не требовалось.

Не знаю, сочтут ли потомки Окуджаву великим поэтом, но одна великая заслуга у него есть точно: открытие свободного жанра. Тоталитарная держава существовала сама по себе — авторская, или, как ее тогда называли, бардовская, песня сама по себе. Эта песня была, разумеется, всякой — и хорошей, и средней, и плохой. Но на любом уровне она была неподцензурной. И это просто выводило из себя идеологических держиморд.

Конечно же, ни Солженицына, ни Тендрякова, ни Евтушенко власть не любила. Но — терпела. Ибо их можно было разрешить, но можно было и запретить. А вот Окуджаву и Галича вызывали у правительственных и литературных чиновников не только сословную ярость, но и жгучую профессиональную обиду, и по-человечески их можно понять: мало того, что этих поэтов нельзя было запретить, — их нельзя было и разрешить! В такой ситуации любой полезет на стену...

Песни Галича были аппаратчику в самое больное место: поэт едко и точно обнажал корыстную, рваческую, воровскую подоплеку режима, он срывал с чиновника ту рубашку, что была ближе всего к телу. На святое посягал: на «подъезды для начальников», на «кабинеты с холуями и секретаршами», на «топтунов» под окнами, «на дачи и «Чайки», на «пайки пековские» и «мостоциклеты марочные».

Магнитофоны тогда были громоздкими и редкими, престижным инструментом не владел, услышать приличную запись было трудно. Ну а ради того, чтобы живьем самого автора... Тут я, пожалуй, и на Камчатку бы не поменялся.

Та неделя фестиваля была в моей жизни, возможно, самой яркой. Одних бардов приехало около сорока — для самостоятельного мероприятия, да еще в центре Сибири, цифра гигантская. Москва, Ленинград, Севастополь, Одесса, Свердловск — кто только не был представлен! Диапазон одаренности — от совсем начинающих ребят до Галича. Если не ошибаюсь, до сих пор из участников песенного праздника удержались на подмостках лишь двое: Юра Кукин и Саша Дольский. Впрочем, не исключено, что кто-то, в ту пору безвестный, получил имя потом.

Еще были всякие странные люди, не поющие и не пишущие, которые из разных российских краев добрались до фестивальной столицы с единственной и, в общем-то, светлой целью — просто послушать, благородные фанаты из тех, чья бескорыстная энергия создала лучшим нашим бардам прочную, как бронезащиту, славу и в конечном счете уберегла их от тюрьмы.

Кто все это устроил?

Поразительно, но такое гигантское, разветвленное и дорогостоящее дело поднял самостоятельный оргкомитет. Все сумели: и обеспечить места в гостинице, и оплатить бардам, в основном нищим, все расходы, и снять огромные залы, и организовать кормежку для всей приехавшей оравы... И со всем этим справился десяток молодых ученых — после чего я, оголтелый «лирик», и стал наших «физиков» уважать. Там, где молодые гуманитарии давно бы перессорились и загубили дело, «технари» довели его до ума.

Самодельный фестиваль стоил не только больших хлопот, но и больших денег. Откуда они взялись?

Деньги на фестиваль дал сам фестиваль задолго до открытия. Оргкомитет снял в городе несколько больших залов, билеты на все концерты разлетелись в момент — в ту пору всякая песня была любима, как позднее рок-группы, и куда популярней, чем ныне видеопоруха. Собранных денег хватило и на проезд бардам, и на гостиницу, и на харчи, и на все неожиданности, которые то и дело возникали.

Мы разминались, кормились, знакомились, весь город словно бы дрожал от волнения перед завтрашним уникальным действием — а между тем еще не было известно самое главное: разрешат или не разрешат. Они все еще высказались определенно. Думали.

Двадцать лет назад в Академгородке под Новосибирском прошел знаменитый фестиваль бардов, о котором помнят до сих пор. Помнят потому, что в нем — вопреки всякому здравому смыслу, если, конечно, учитывать те времена, — принимал участие Александр Аркадьевич Галич. Все, что касается жизни одного из крупнейших поэтов эпохи и, пожалуй, самого из них непримиримого, достаточно важно хотя бы потому, что никто не знает, какая именно частность окажется полезной завтрашнему исследователю и интересной завтрашнему читателю. Пишущих свидетелей этого более чем странного в ту пору события осталось не так уж много, не знаю, дойдут ли у кого-нибудь из них руки до этого веселого и наглого пролома в застойной стене. Словом, самое время задать себе классический вопрос: кто, если не ты, и когда, если не теперь?

ТОСТ ЗА

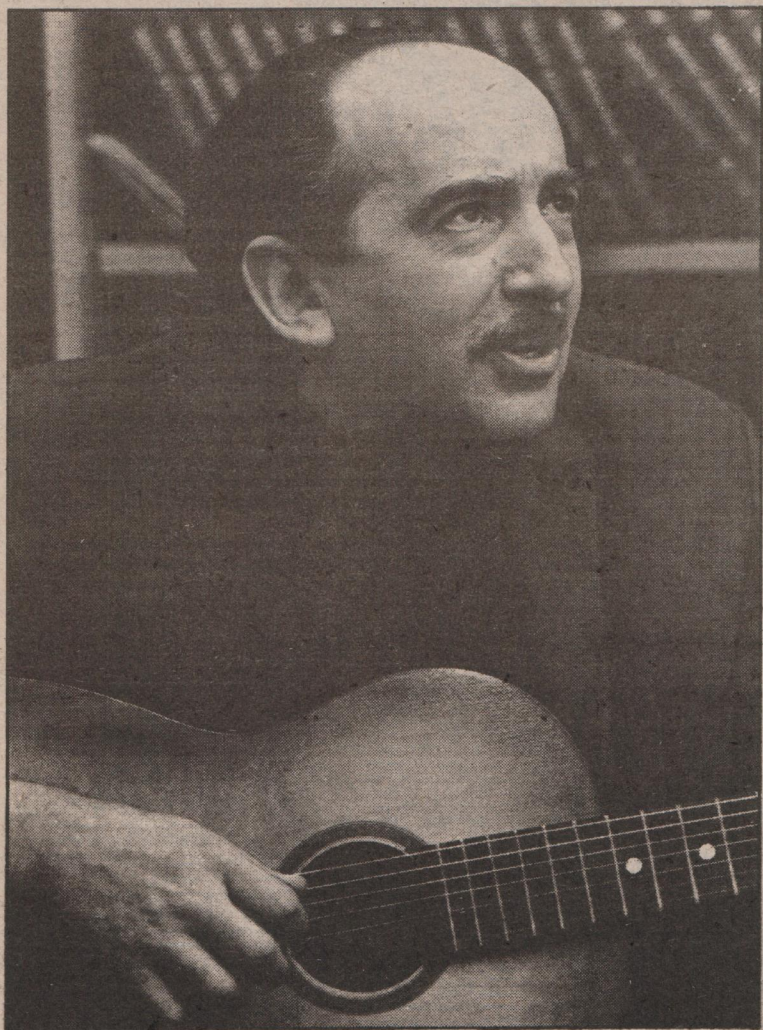

Фото Виктора АХЛОМОВА

ГАЛИЧА

Кто — он? А этого в ту пору никто не знал, ибо знать было не положено. Кто надо. От кого зависит. Они.

Причиной же их многотрудных раздумий и колебаний был, по сути, один-единственный человек, при этом не занимавший никаких должностей ни в одной из заполонивших страну контор. Кустарь-одиночка с гитарой, представитель несформулированного жанра, литератор, предельно далекий от начальственных писательских вершин. Галич Александр Аркадьевич. Не будь Галича с его бескомпромиссной сатирой, фестиваль вообще прокрутили бы, ко всеобщему удовольствию, быстро и без проблем: выделили средства, обеспечили явку, на хорошем уровне провели заключительный концерт и вручили особо отличившимся памятные призы обкома комсомола с пожеланием дальнейших творческих достижений на трудном поприще массовой молодежной песни.

Галича я прежде не видел, не пришлось. Теперь, увидев, был, пожалуй, разочарован. Образу бесстрашного литературного воителя, сложившемуся у меня к тому времени, реальный Галич не соответствовал. Крупный, лысоватый, усы, тяжелое, умное лицо. Скорей уж доктор наук или просто доктор, хирург например, или средней руки преподаватель провинциального института. Гитара в чехле, которую он, как и прочие, держал в руках, с ним плохо вязалась: инструмент молодежный, а ему было к пятидесяти.

Похоже, и Александру Аркадьевичу поначалу было не по себе на юном празднике, он молчал, держался в стороне и вообще среди румяных и лохматых коллег выглядел старшеклассником, из-за педагогической неувязки снутому временно в группу приготовишек. Впрочем, в плане творческом так примерно и было. Среди участников фестиваля оказалось несколько человек одаренных и удачливых, впоследствии получивших большую известность, — Юра Кукин и тогда уже ее имел. Но Галич-то был не одарен и не талантлив, он был великий современный поэт, и все мы вокруг это понимали. Мы все тоже держались с Александром Аркадьевичем довольно скованно, боялись навязываться, надоесть, просто погубить банальной болтовней драгоценную творческую минуту. Да и не было опыта общения с великими: черт их знает, как вести себя с ними, принадлежащими чужую нам, но в основном все-таки человечеству. Так что стремительно складывающееся фестивальное общество было само по себе, а Галич сам по себе.

К счастью, вечером длинного и редкостно насыщенного первого новосибирского дня я увидел другого Галича.

Организаторы фестиваля, как это принято повсеместно на нашей благословенной земле, решили обсудить все тревожные вопросы за столом в домашней обстановке. Собрались на квартире у одного из молодых ученых, если не ошибаюсь, у Геры Безносова. Из, так сказать, прессы позвали нас с Шатко. Из бардов — Александра Аркадьевича. Довольно широко был представлен и актив фестиваля, состоявший из молодых, очень симпатичных девушек, на которых я, вопреки тогдашнему моему мудрому обыкновению, внимания почти не обращал, ибо смотрел в основном на Галича.

С алкоголизмом тогда еще не боролись, боролись с алкоголем, в основном путем его прямого уничтожения, и наш коллектив к этой битве подготовился неплохо: вина и водки хватало, и даже коньяк был в те годы по карману кандидатам наук.

Тем не менее собрались отнюдь не ради питья и даже не ради обсуждения проблем — все ждали, когда наконец Галич возьмет гитару.

Предлог был самый пристойный: Галич как бы и не пел, а просто «показывал» песни, чтобы мы все сообща могли составить программу завтрашнего (если он состоится) концерта. Но «показывал» Александр Аркадьевич великолепно, с полной отдачей. Тогда же я понял еще одно: помимо огромного таланта, принципиальное отличие Галича от большинства известных мне бардов не только в стихах, но и в

исполнении — он был абсолютно профессионален, очень высокого класса актер! Не случайно до сих пор мало кто решается петь Галича с эстрады: копировать его манеру бессмысленно, состязаться с исполнителем такого уровня почти безнадежно.

В тот вечер Александр Аркадьевич пел много и охотно, лишь изредка прерываясь на рюмашку. Было сильно за полночь, когда он отложил гитару.

— Примерно так, — сказал он, — так что, ребята, выбирайте.

Что это были за песни, говорить не буду — нынче настоящий, не урезанный Галич хорошо известен, а там был именно настоящий, «избранный» Галич, вся его классика.

Концерты в Академгородке и в нескольких городских залах шли каждый день. Ажиотаж был фантастический. Александр Аркадьевич выступил только один раз, дальше власти стали стеной. Фестиваль — ладно, но чтобы без Галича...

Однако без Галича все равно не получилось. Его песни стали «показывать» на вечерах другие барды — ближе всего к первоисточнику получалось это у тогдашнего президента клуба самодельной песни Сережи Чеснокова, физика из Москвы, худенького парня, спокойного, вежливого и бесстрашного. Да и сам Галич пел, пожалуй, каждый день на неофициальных, так сказать, площадках.

Вот вечер в каком-то из академических коттеджей, если не ошибаюсь, у Александра Даниловича Александрова, либерального академика, покровителя искусств, любимца и защитника инакомыслящей молодежи тех лет. У стены рядом двое: Галич и красный от смущения высокий худощавый мальчик с красивым трагическим, обреченным лицом. И одаренность, и нежизнеспособность видны сразу: такие ребята с диктатурой не уживаются. Мальчик что-то натворил и сослан в Новосибирск как бы на перевоспитание — но нет, он не из тех, что каются и берутся за ум. Впрочем, его судьба еще впереди: и крохотная, гибельная демонстрация протеста на Красной площади, и тюрьма, и лагерь, и эмиграция, и ранняя смерть в чужом Париже, то ли по воле случая, то ли по собственной воле. А пока Вадим Делоне громко призывает выпить за великого поэта Александра Галича и еще гуще краснеет от собственной дерзости. А Галич отмахивается от высокого титула и обнимает парня за плечи...

Этот фестиваль можно вспоминать и вспоминать — но, как в песне, надо вовремя оборвать аккорд.

Я уже написал, что новосибирский праздник вольной песни сыграл особую роль в жизни Галича. Да, вот так вышло, что это было единственное — подумать только, единственное! — его публичное официальное выступление на Родине. Первое и последнее. Лишь один свободный глоток воздуха перепал великому барду в любимой стране. И как же перепугались власти! Впрочем — не зря! Новосибирск показал, какой взрывной, будоражащей силой, каким воздействием на слушателя обладал молодой лысоватый человек с гитарой. Большие колебания не было: Галичу перекрыли все пути, кроме одного — в глухое безвариантное диссидентство. Он не уходил во внутреннюю ссылку без права переписки с народом.

Последний раз я видел Александра Аркадьевича уже незадолго до его отъезда — туда. Мы пришли с Сергеем Чесноковым, Галич был болен, полужал. Он рассказывал о новостях, их было не так уж много. Самую интересную Сережа не рассказывал, а спел — тогда еще свежую и малоизвестную «Охоту на волков» Высоцкого. Вспомнил Новосибирск, где целую неделю мы были свободными людьми. Нам выпало счастье участвовать в последнем, предельно нерасчетливом и, возможно, именно потому удачном арьергардном бою «оттепели» — впрочем, может быть, это была первая атака еще далекой перестройки? А главное, мы надышались поэзией Галича на многие годы вперед.

МОЖНО ЛИ «ВИДЕТЬ» НЕЗРИМОЕ?

— Однажды моя знакомая рассказала мне удивительную, на ее взгляд, историю. Неподдалеку от Москвы в небольшом доме располагается некое учреждение, а в нем — в одной из комнат — бухгалтерия, где работают самые обычные служащие. И вот что странно: за последние годы жертвами неизлечимой болезни здесь стали уже пять человек.

Приехав туда, я узнал, что дом этот раньше принадлежал супружеской чете и эти люди тоже как-то очень быстро, друг за другом, сошли в могилу. Выяснилось, что большую часть времени муж и жена проводили в той самой комнате...

Я начал исследование, и вскоре стала понятна причина болезни. Дело в том, что комната находилась прямо на пути сильнейшего энергетического потока, по-видимому радиоактивного происхождения, и оказалась в центре активной геопатогенной (вредной для здоровья) зоны шириной три и длиной шесть метров. Люди, которые находились в комнате непродолжительное время, никакого дискомфорта не испытывали, а постоянные обитатели, увы, страдали куда сильнее.

— А что, Александр Иванович, геопатогенные зоны есть в каждом доме?

— Ну, столь сильнодействующие (смертельные) встречаются редко. Хотя места, вредные для здоровья людей и животных, есть всюду, где мы имеем дело с каким-либо видом энергии. Например, перед цветным телевизором активная зона примерно один на два метра. Между прочим, и от задней стенки аппарата тоже исходит излучение. А если телевизор стоит у стены, то геопатогенная зона простирается и за пределы комнаты.

Разумеется, в наше время число вредных для здоровья зон растет.

— И биолокаторы, то есть специалисты биолокации, умеют их обнаруживать?

— Это одна из экологических задач, которые мы решаем, — поиск зон повышенного риска. Кстати, не самая сложная. Выполняем заказы учреждений, промышленных предприятий, частных лиц.

Например, недавно обследовали детский сад — дети плохо спали, и никто не мог понять почему. Оказалось, надо изменить расстановку кроватей — вынести их из геопатогенной зоны.

А вот другой заказ: на крупных предприятиях под Самарой и Москвой мы исследовали планировку кабинетов руководителей (директоров, главных инженеров). Люди прислушались к нашим рекомендациям

Три главы этого интервью — словно отражение трех этапов развития профессии (дела, занятия, увлечения — как хотите), некогда называвшейся в России лозоходством, а ныне получившей почти научное наименование «инженерная биолокация».

Увидеть незримое, тайное; стать точнейшим инструментом промышленной (и военной) разведки; заглянуть в непознанное прошлое и будущее

— на все это способна биолокация, чья история исчисляется столетиями, но которая по-прежнему удивительна и таинственна. Наш собеседник — Александр Иванович ПЛУЖНИКОВ, заведующий кафедрой инженерной биодиагностики Всесоюзного научно-исследовательского инженерно-технического центра «ЭНИОН», кандидат технических наук.

ям — и сразу почувствовали себя лучше. Это не случайно, ведь геопатогенные зоны оказывают на человека очень сильное возбуждающее или угнетающее воздействие — и то и другое плохо. Кстати, статистика показывает, что почти в 80 процентах случаев отрицательное воздействие геопатогенной зоны оборачивается раком.

В прошлом году биолокаторы успешно обследовали место постройки на Украине геофизической лаборатории. А вообще мы способны определять места, пригодные или непригодные для строительства чего угодно: жилого дома и коровника, аэродрома и больницы. Это, впрочем, начинают понимать у нас не только деловые люди, но и ученые — в последнее время окрепли наши связи с рядом государственных организаций, с Академией наук СССР.

— Александр Иванович, сколько сейчас в Союзе специалистов биолокации?

— В СССР официально зарегистрированы несколько сот специалистов-биолокаторов. В нашей, московской Ассоциации — восемьдесят человек (причем профессионально работают около двадцати, для остальных биолокация — хобби). В основном у нас инженеры и техники.

Двадцать один человек в стране сегодня (и я в том числе) имеют квалификацию оператора-наставника (нам дано право обучать других, что охотно и делаем). Свидетельство об этом выдано ВНТО радиотехники, электроники и связи им. А. С. Попова.

— Есть ли в стране организации, объединяющие биолокаторов?

— И не одна. Например, Межведомственная комиссия по биолокационному эффекту при ВНТО РЭС им. А. С. Попова в Москве, Межрегиональная ассоциация биолокации в Ленинграде, Украинский координационно-методический центр по биолокационным исследованиям «БИОЛОКС» в

Киеве и Ассоциация инженерной биолокации (тоже в Москве).

— Вернемся к вашим повседневным делам... Вы действительно способны видеть сквозь землю?

— Чувствовать... Не так давно на одном из дачных участков под Самарой обнаружили в питьевых колодцах бензин и запах газа. Бензин и газ в воде — откуда? Ответ на этот вопрос дала группа биолокаторов, которая, обследовав огромную площадь, примерно в 20 квадратных километров, провела разведку системы подземных водных потоков и обнаружила, что загрязняют их нефтепродуктами местные промышленные предприятия. Была составлена карта подземной сети, были указаны места пробного бурения, определены предприятия, из-за которых могла произойти под Самарой самая настоящая экологическая катастрофа.

Еще пример: совсем недавно мои коллеги, я считаю, просто спасли жителей Москвы. Одно из промышленных предприятий спустило в Москву-реку большое количество ядовитого-зеленой очень вредной жидкости. Был риск, что эта гадость попадет в систему водоснабжения города. Биолокаторы помогли предотвратить заражение и выявили «каверз» этой преступной акции.

Впрочем, тут мы уже от экологической переходим к технической биолокации — инженерной биодиагностике сложных технических систем (трубопроводов, резервуаров, различного технологического оборудования).

Представьте себе: нефтеперерабатывающий завод, сотни километров трубопроводов, печи, емкости, колонны (иные «кроссты» до 50 метров). И все это с годами ржавеет, дряхлеет, приходит в негодность — чтобы в какой-то страшный миг выплеснуть наружу столб огня, разлететься на куски, поглотить тысячи человеческих жизней. Помните катастрофу под Уфой?

Все сразу ремонтировать, ре-

На гравюре: так работали биолокаторы в средние века

Поиск ведет А. И. Плужников

конструировать невозможно. Чтобы определить самые опасные места, и зовут нас, биолокаторов. Мы определяем места утечек, прогнозируем аварийные ситуации, обучаем своему делу местных работников, чтобы они могли, например, раз в несколько дней обходить свой завод и ставить «диагноз», где может «крануть».

Способные люди есть везде, число биолокаторов растет. Удобно, конечно, что нам не требуется для обучения сложное оборудование. Две металлические рамки, «усы» из мягкой стали, мельхиора или латуни длиной 30—35 сантиметров — вот все, что нужно. Бери рамки и начинай неспешное движение по заранее разработанному маршруту — над местами предполагаемых неисправностей. Рамки начали двигаться, скрепящаяся — стоп! нализи биолокационный эффект — по-видимому, обнаружена аномалия.

— Александр Иванович, обязательно надо при этом стоять в эпицентре аномалии, над самым местом повреждения?

— Совсем нет. Поиск геопатогенных зон можно проводить и на расстоянии. Например, я сам проводил обследования во Владивостоке, находясь в... Москве. Дальность — тысячи километров. Результат — прекрасный.

Мы обучали операторов-биолокаторов в Новокуйбышевске, будем учить в Казахстане и в Донбассе. Наши уче-

ники ведут поиск предаварийных мест, выявляют технопатогенные зоны промышленного оборудования, проверяют на совместимость оператора (рабочего) и обслуживаемое им оборудование. Любая тепловая станция, завод, лаборатория имеют свои технопатогенные зоны, представляющие опасность для здоровья человека. Только зная конфигурацию такой зоны, можно компоновать рабочие места, устанавливать ограждения — иначе человек обречен.

Эти задачи — из наиболее часто решаемых нами сегодня. Достаточно сказать, что в нашем портфеле — заявки ряда нефтеперерабатывающих предприятий, химических производств.

— Почему же так мало мы знали об этом раньше?

— Прежде мы не были официально зарегистрированы и предпочитали особо не распространяться о своих возможностях. Сейчас иное дело — и все больше предприятий хотят работать с нами. Я бы даже сказал так: заказов больше, чем возможностей их выполнить.

— Александр Иванович, только ли промышленное оборудование или, допустим, телевизор имеют биопатогенную зону? А, к примеру, произведения искусства могут оказывать на нас подобное же воздействие?

— Меня это тоже однажды заинтересовало, когда приятель рассказал о странной болезни своей знакомой, любительницы

африканских масок. Она филолог, преподаватель одного из институтов, консультировала аспирантов из Африки.

Приехал к ней и вот что увидел. Вся комната увешана африканскими масками, маски повсюду, и даже над письменным столом.

Стал снимать маски и измерять интенсивность их поля. Многие имели огромный отрицательный заряд. По моему совету сувениры были спрятаны подальше, и женщина скоро поправилась. Кстати, известно, что и у писателя Алексея Толстого в квартире находилась известная маска «Намсарай». Не она ли ускорила его смерть?

Существует и немало других произведений искусства, обладающих сильным психологическим полем. Заряжаются они от художников, создающих картины или скульптуры. Ведь человек, когда творит, находится в разном душевном состоянии: горюет, радуется, озарен вдохновением, как художник, создававший портрет Дориана Грея в романе Уайльда. И другой человек способен душой все это воспринять.

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ?

— Александр Иванович, наверное, столь мощное «орудие поиска», как биолокатор, широко применяется и в целях обороны

страны, для военной разведки? — Может примениться — несомненно. Но вот применяется ли?

Не знаю, можно ли об этом уже писать, но я сам лет десять назад проводил неофициальные опыты по биолокации подводных лодок. Это было во время морского путешествия — в иностранных водах.

Конечно, опыты были неофициальные и мне можно не поверить, но я несколько раз пеленговал подводные лодки. Потом в разговоре со старшим штурманом судна выяснил, что действительно мне удалось запеленговать базы подводных лодок.

— И наши военные заинтересовались этими опытами?

— Как бы не так. В одном ведомстве, правда, шла речь об этом. Но военные бюрократы не могли никак решить, кто должен (не улыбайтесь!) мне платить командировочные, если начать исследования. Дело дошло даже, насколько знаю, до контр-адмирала, но кончилось ничем.

Между тем на море биолокацию можно использовать очень широко. Например, вместо радиолокатора в шторм, туман. Известно, что в таких условиях нельзя зафиксировать объект (например, встречное судно), если он находится в мертвой зоне — ближе одной мили. А эта зона — самая опасная. Для биолокатора никаких мертвых зон нет — он способен фиксиро-

вать объект фактически на любом расстоянии, даже за линией горизонта. Например, я пеленговал суда на расстоянии до 22,5 мили (40 км).

Одно из перспективных направлений — морская археология. В прошлом году к нам приезжал известный американский биолокатор Стефан Шварц, автор книги о биолокации в археологии. Он рассказывал, что при проведении морских исследований у них на корабле находятся до семи биолокаторов. А у нас...

А ведь морская археология — это не только поиски легендарной Атлантиды, это и вполне реальные, более того — крайне необходимые работы.

К примеру, лет пять тому назад мы передали Совсудопольему отчет и устную информацию о наших возможностях в проведении поиска затонувших кораблей (а нашу мемуарную историю «Комсомольца» — к сожалению, не единственный случай). И что же? В ответ — молчание. Больше я к ним не стучался. Если им не нужно...

А ведь мы способны не только сами вести такой поиск, но и обучить этому моряков. Есть у меня мечта — по договору поехать на месяц на какое-нибудь судно с командой, отобрать из членов экипажа наиболее способных и обучить их методам морской биолокации.

Как-то я читал лекцию на одном корабле. Потом предложил морякам испытать себя. Из

двадцати пяти человек способности биолокатора обнаружились у пятерых. Возможно, было бы и больше, если бы люди не оказались такими стеснительными и скептически настроенными.

Мечта... Правда, был несколько лет тому назад один человек, который хотел помочь нам, — начальник Администрации Севморпути капитан дальнего плавания Кирилл Николаевич Чубаков. Но он не успел, умер. А его заместитель не нашел ничего лучшего, как посоветовать мне отправиться на Чукотку, определиться матросом на судно и между делом проводить свои опыты. Было мне тогда уже под шестьдесят...

— Хорошо хоть матросом — не юнгой... А если серьезно, биолокация, значит, у военных не в почете?

— Получается, так... Биолокаторам вполне могло бы найтись применение не только на море, но и в авиации — для предупредительного осмотра авиатехники, для выявления тревожных, аварийных зон.

Впрочем, я думаю, все это давно есть на Западе. Там не привыкли раскисать так долго, как мы.

— А в «мирной» археологии биолокация применяется?

— И весьма успешно. Например, ведем работы по заказам объединений «Росреставрация», «Мособлстройреставрация» и других — выявляем утраченные элементы зданий: стены, башни, мостовые переходы старинных крепостей. Много лет назад были проведены биолокационные исследования в Иосифо-Волоколамском монастыре (не уверен, что об этом знают нынешние владельцы монастыря).

Между прочим, иной раз биолокаторам удаются вещи на первый взгляд совершенно невероятные. Так, мои коллеги обнаружили на Бородинском поле место, где был смертельно ранен генерал Багратион.

Конечно, такие операции для биолокаторов — нечто вроде экзотики. Наша обычная работа — в различных областях народного хозяйства, о чем я рассказывал. Успешно работали биолокаторы и во время больших разрушительных землетрясений (например, в 1989 году в Армении мой ученик и коллега журналист Игорь Юрьевич Прокофьев). Как известно, прекрасными розысниками пострадавших под обломками там были специально обученные собаки. Но вот незадача — встретив посторонние резкие запахи, животные теряли направление. Так было, когда, например, шли спасательные работы возле разрушенного парфюмерного магазина.

А биолокатору ничто подобное не может помешать. Получив нужные данные о человеке, он, по существу, вызывает спонтанный на своеобразный телепатический сеанс связи. Контакт возникает, когда человек, нуждающийся в помощи, надеется на скорое вызволение.

— А поиском неизвестно как и где пропавших людей биолокаторы занимаются?

Например, в одной из газет была описана такая история. Пропала молодая девушка, ее мать обратилась в милицию, но поиски ничего не дали. Тогда мать подсказывает детективам свою «версию»: во сне она увидела дочь в небольшой комнате с круглыми окнами, дочь и еще одна девушка избиты, лица в кровоподтеках.

Следствие взяло за основу сон матери. Выяснилось, что дочь действительно заманили в кабину небольшого корабля, жестоко

избили, долго издевались, а потом убили.

Как вы считаете, были у той женщины способности биолокатора?

— Трудно сказать... Скорее всего, у нее был талант экстрасенса. В наше время это уже не вызывает удивления. Всем известна, например, Ванга Димитрова, к предсказаниям которой привык весь мир.

Но в раскрытии преступлений и биолокация может оказать неоценимые услуги: с ее помощью можно найти оружие, предметы, важные для следствия. Или, скажем, спрятанный труп...

Несколько лет назад был убит голландский экстрасенс Жерар Круазе. Как потом стало известно, он успешно вел свое расследование дела о похищении итальянского премьера Альдо Моро. По-видимому, Круазе удалось узнать довольно много и кому-то он явно помешал...

Если же говорить о способностях обычных людей к биолокации, то это легко проверить. «Вооружитесь» двумя рамками, попросите друзей или знакомых спрятать небольшие предметы в квартире, во дворе. Если получится, переходите к более сложным поискам — например, труб, проложенных где-то неподалеку, колодезь под землей.

ГОСТИ ИЗ БУДУЩЕГО

— Нам все-таки кажется, что вы несколько упрощаете специфику биолокации. Если все так просто, отчего же настоящих биолокаторов по-прежнему немного? А уж тем более вашей квалификации... Ведь, насколько знаем, вы участвовали в поистине удивительных опытах, связанных с НЛО...

— Верно, вот уже двенадцать лет я занимаюсь экспресс-разведкой посадочных мест неопознанных летающих объектов (НЛО). Задача проста: меня везут на место, где якобы видели посадку НЛО, и я должен очертить (мы говорим — оконтурить) место посадки и опасной зоны (там ведь, как правило, наблюдается сильное излучение). Потом проверяют меня различными другими методами: геохимическими, используя спектральный анализ, методом кварцевого генератора.

— И результаты совпадают?

— Совпадают. Только у них на это уходит меньше, у меня — 15 минут. Кстати говоря, о моих опытах с НЛО лет семь тому назад писали в английском журнале «УФО-ревью», называли то, что я делаю, русским методом. Термин прижился.

— И как часто вы встречаетесь с НЛО?

— Я за последние годы проводил подобные исследования раз пятнадцать — в Москве, под Москвой. А телевизионные инженеры мне рассказывали, что фиксируют НЛО над Останкинской башней раз в семьдесят в год — наверное, инопланетяне слушают, как и что у нас.

— А если этим интересуются не инопланетяне, а обычные советские люди, куда им обращаться?

— Можно написать по адресу: Москва, 113447, а/я 156, А. И. Плужникову. Приглашаю также на заседания семинара по биолокации в Географическом обществе (Москва, Никольская ул., д. 8/1).

Беседу вели Валерий БУРТ и Владимир ДОБИН

ВЗГЛЯД
СКВОЗЬ

Билл ПРОНЗИНИ

Колли Бэбкока ухлопали вечером девятого сентября на аллее между Двадцать девятой и Ландышевой улицами. Любой, кто родился, как и я, в Сан-Франциско, сразу скажет вам, что речь идет о районе Глен-Парк.

А дело было вот как. Двое патрульных полисменов засекли его на выходе из служебной двери винного магазинчика «Баджит-Ликерс». В руках у Колли был какой-то металлический ящичек.

Увидев, что ему не повезло, Колли бросился наутек. Полисмены, само собой, припустили за ним, крича, чтобы он остановился. Но, поскольку он, не обращая на них внимания, продолжал драпать, один из фараонов дал предупредительный выстрел из своей пушки. А когда на Колли и это не подействовало, полицейский остановился, взял оружие двумя руками и выстрелил вторично. Он метил вниз, по ногам, но в полутьме аллеи выстрел вышел неудачный. Пуля угодила Колли в поясницу и прикончила его на месте.

Узнал я об этом на следующее утро, сидя в кафе-терии на Тейлор-стрит за кофе и полусурыми яйцами. Заметку поместили на самом неудобном, незаметном месте газетной полосы.

Аккуратно сложив газету и засунув ее в карман пальто, я зашагал к своему офису. В голове помимо моей воли звучал, словно в грамзаписи, мой разговор с Колли Бэбкоком. Ничего особенного, самый обычный разговор. Если бы он не оказался последним.

— Как новая работа, Колли?

— О, благодарю тебя, Фил! Все отлично, просто отлично!

— Стало быть, никаких проблем?

— Никаких, Фил. Все в полном порядке.

— Главное, Колли, чтобы и дальше было так.

— Ты не поверишь, Фил, но я чувствую себя совсем другим человеком. Совершенно другим, Фил!

В вестибюле было холодно, сумрачно и тихо. На двери лифта висела табличка «Несправен». Я поднялся по лестнице на третий этаж и прошел через холл в свой кабинет. Дверь его была почему-то отперта. Я толкнул ее и вошел.

Вдова Колли Бэбкока сидела на моем стуле за моим письменным столом. Я тихо приоткрыл дверь, вошел и сел напротив нее. Наши глаза встретились.

— Меня впустил управляющий, — сказала она нерешительно.

— И очень хорошо. Очень хорошо, Люсиль, — поспешил ответить я.

Это ее ободрило. Она немного расслабила руки, стиснутые в замок на колене поверх простенького черного платья.

— Ты знаешь?..

— Да.

Мы помолчали.

— Что же я могу тебе сказать, Люсиль?

Я и вправду не знал, что ей сказать.

— Ты был добрым другом Колли, — сказала она, требовательно глядя на меня. — Ты всегда ему помогал.

— Видимо, я помогал ему хуже, чем следовало.

— Он не делал этого! — твердо сказала Люсиль. — Он не брал тех денег. Колли не имеет никакого отношения к тем кражам, про которые там написано.

— Люсиль...

— Фил, мы с Колли прожили вместе тридцать один год. Неужели ты думаешь, что я могла бы чего-то про него не знать?

— Конечно, Люсиль. Я вовсе не говорил...

— Я всегда все знала. Знала заранее!

Я сидел и молча смотрел на нее, готовый покорно выслушать все, что она скажет. Это была крупная, сильная женщина. Сила чувствовалась в каждой черточке ее обложки: в линии рта, в выражении глаз, круглых и серых, лишь сейчас оттененных болезненной краснотой. Люсиль прошла вместе со своим мужем через два года тюремных срока и через два с лишним десятилетия панической суеты и неустойчивости. Я подумал: а, пожалуй, в самом деле невозможно, чтобы Колли удалось хоть что-нибудь скрыть от нее...

Но я сказал:

— Люсиль, в газетах написано, что Колли вышел из задней двери винного магазина с кассовым ящичком под мышкой. Там было сто шесть долларов. Дверь взломана отмычкой...

— Да знаю я. И то, что пишут газеты, и то, что говорит твоя полиция. Но все это ложь. Ложь!

— Но он действительно был там, Люсиль.

— Был. Да, конечно, был! Колли всегда выходил прогуляться по вечерам. Он любил гулять. Всегда ходил подолгу, иногда через весь город. Потом возвращался, набродившись вдоволь, и опрокидывал рюмочку. Это помогло ему успокоиться. Конечно, в тот вечер он был там. Ну и что же из того?..

Ничего не говоря, я устроился на стуле поудобнее.

Люсиль продолжала:

— Перед тем как идти на это, Колли всегда очень нервничал. Поэтому от меня ничто не могло скрыться. В такое время он становился страшно раздражительным, мучился бессонницей.

— Значит, в последнее время такого не бывало?

— Ты сам виделся с ним несколько недель назад, — сказала Люсиль. — Разве таким он тебе показался?

— Нет, — признался я. — Ничего такого по нему сказать нельзя было. Скорее, наоборот.

— Мы были так счастливы в эти последние полтора месяца! — воскликнула Люсиль. — Как никогда раньше, даже в молодости. Бог мой, не надо ни от кого убегать, ничего бояться, ничего ждаться. Это было настоящее счастье.

От этих ее слов у меня пересохло во рту.

— А как шли дела у него на работе? — спросил я.

— На прошлой неделе Колли получил аванс. Пятнадцать долларов. Мы с ним решили это отпраздновать. Поехали на Уэрф, там есть один премиальный ресторанчик...

— Словом, и с деньгами у вас как будто наладились, — сказал я. — Ну, может, все-таки оставались какие-то проблемы? Вспомни: было что-нибудь, что тревожило Колли, не давало ему окончательно прийти в норму?

— Ничего. Решительно ничего, — сказала Люсиль. — У нас даже завелся маленький счет в банке, — она закусил губу. — Мы думали когда-нибудь перебраться в Вест-Индию. Колли всегда мечтал о Вест-Индии...

Я посмотрел на свои руки. Какими-то они казались огромными, лихими. Я убрал их со стола и положил на колени, чтоб не лезли на глаза.

— Эти кражи в Глен-Парке как раз и начались полтора месяца назад, — сказал я. — Полиция оценивает общую сумму похищенного где-то между тремя с половиной и четырьмя тысячами долларов. Немного, но на эти деньги можно было бы отлично добраться до Вест-Индии.

Люсиль опять вперила в меня твердый взгляд своих круглых серых глаз.

Колли тут ни при чем, — отрезала она.

Что я мог еще сказать? Я достал из кармана сигарету и закурил, отчего во рту у меня мгновенно сделалось что-то вроде пустыни Сахары. Не глядя на Люсиль, я спросил:

— Что я могу для тебя сделать?

— Ты можешь доказать невиновность Колли. Доказать, что он ничего такого не делал.

Только-то и всего.

— Счел бы за счастье, — сказал я, пожевываясь. — Но как это сделать? Видишь ли, улики...

— К черту улики! — ее круглые глаза дрожали. — Колли ни в чем не виноват, слышишь! Я не позволю похоронить его с таким клеймом. Слышишь, — не позволю!

— Послушай, Люсиль...

— Не хочу ничего слушать! — никогда прежде я не видел ее такой. Ее всю трясло. — Колли был твоим другом. Ты поручился за него перед судом. Ты помог ему устроиться на работу. Ты единственный человек, которого он уважал, которого слушал. Может быть, благодаря тебе он опомнился. Он стал другим человеком, совсем другим, новым. Нормальным. Ему вновь

хотелось жить. И вот теперь ты собираешься сидеть тут и смотреть, как они пачкают его доброе имя, которое с таким трудом к нему вернулось! Ты можешь спокойно смотреть, как они навешивают на него всех собак, ничего толком не зная. Кроме его прошлого, от которого он избавился с такими муками. А может, тебе просто наплевать?..

Я все еще не мог посмотреть ей в глаза. Вместо этого я бессмысленно пиялся на дымящуюся сигарету в своей руке.

— Нет, Люсиль. Мне не наплевать.

— Тогда помоги, — взмолилась она. — Ради Колли. Ради нашей дружбы!

Я долго молчал. А потом сказал:

— Хорошо, Люсиль. Попробую.

Она тут же встала, как всегда, с высоко поднятой головой. Видно было, что ее гнев прошел, словно его и не бывало. Остались только красные круги вокруг глаз.

— Ты прости меня, Фил, — сказала она. — Я не должна была говорить с тобой в таком тоне.

— Ничего, — ответил я. — Ведь он был твоим мужем.

Во Дворце правосудия мне сказали, что инспектор Эберхардт отлучился куда-то по службе, но непременно вернется в течение часа. На этот раз Эберхардт оказался на месте. Секретарша спросила по телефону, не может ли он меня принять. Ответ был утвердительный, и мне позволили войти.

К тому времени начал накрапывать мелкий дождик. Стало немного теплее, зато ветер усилился.

Я снова проехался на лифте. На этот раз Эберхардт оказался на месте. Секретарша спросила по телефону, не может ли он меня принять. Ответ был утвердительный, и мне позволили войти.

Коричневый пиджак Эберхардта выглядел так, словно его наспех выстирали вручную, причем самым дешевым хозяйственным мылом, после чего забыли выгладить. Галстук инспектора был измят и съехал набок, а на рубашке не хватало верхней пуговицы. В довершение всего левый глаз знаменитой грозы и преступников и полицейских украшал здоровенный синяк.

— Если можно, в двух словах. О'кей? — предупредил он.

— Что у вас с глазом?

— Врезался в дверную ручку.

— Понятно.

— Ага, — сказал он. — Вам, я вижу, угодно поболтать и приятно провести время. А я ни разу не присел за последние тридцать восемь часов. Так что, знаете ли, шутить я не настроен. Чего вам нужно?

— Я пришел просить вас об огромной услуге, Эб.

— Вот как, — ухмыльнулся Эберхардт. — А я так с радостью попросил бы себе преогромный отпуск — скажем, недельки на три...

— Мне до смерти нужно глянуть одним глазом в один маленький полицейский рапорт.

— А еще чего? — прорычал Эберхардт. — Сдается мне, вы позвонили, где тут дверь. Могу напомнить!

— Вчера вечером погиб человек, — сказал я. — Его застрелил полицейский патруль, когда он пытался бежать с места преступления. Речь идет о Глен-Парке. Может, слышали?

— Ну?

— Мы с ним были друзьями.

Эберхардт наконец удостоил меня взглядом.

— О ком мы толкуем?

— О Колли Бэбкоке.

— Я знал его?

— Вряд ли. Он дважды сидел в Сент-Квентине за кражи со взломом. Один раз я сам приложил к этому руку, в бытность свою полисменом.

— Глен-Парк, — повторил Эберхардт. — Ах, да, точно, теперь вспомнил. Эта серия тонко исполненных краж...

— Да, — сказал я. — Судя по газетам, их все до единой приписали Колли.

— Но вы как будто другого мнения?

— Жена Колли другого мнения, — ответил я. — И я, кажется, тоже.

— Самой собой, никаких рапортов я вам не дам, — сказал Эберхардт. — Да если и хотел бы это сделать, то не мог. Кражи, тем более со взломом, не по моей части.

— Не поверю, чтобы у вас не было туда никакого доступа.

— Как не быть, — сказал он. — Но с какой стати? У меня своих забот полно рот.

Тогда я встал.

— Что ж, спасибо и на этом, Эб.

Я уже взялся за дверную ручку, когда он вдруг назвал меня по имени. Я оглянулся.

— Если я вовремя управлюсь с делами, — сказал Эберхардт, опять не глядя на меня, — то мое дежурство закончится через два часа. Я мог бы навестить в отдел ограблений и навести справки.

— Спасибо вам, Эб, — сказал я. — Поверьте, я понимаю, чего это стоит.

Ответной вежливости не последовало. В руке у инспектора уже плясала телефонная трубка, но держу пари, что он меня отлично слышал.

За длинным нескончаемым прилавком тянулись такие же длинные полки с сантехникой, а за ними — ряды складских бункеров. Человек пять грузчиков стояли у прилавка, еще двое — за ним. Все они были до того поглощены работой, что даже не заметили меня. Сквозь открытое окно дока был виден грузовой двор.

Там стояло несколько грузовиков, ожидая товара. Справа я увидел что-то вроде офиса — во всяком случае, там виднелись письменные столы. Правда, за ними никто не сидел. Да и вся комната была до того пыльная и захламленная, что, казалось, ею лет сто никто не пользовался.

Заглянув туда, я увидел, что это не совсем так.

У маленького прилавка стоял старик, согнувшись над какими-то бумагами. На нем были мешковатые коричневые шаровары, такая же потертая жилетка и бесформенная шляпа — по всей видимости, ровесница своего хозяина. Во рту старика переминалась дешевая вонючая сигара.

— Мистер Хэрлин?

— Угадали.

Я представился ему и вежливо осведомился, не согласится ли он побеседовать со мной минутку-другую.

— Что ж, давайте, — он уронил карандаш на стол. — Говорите, я вас слушаю.

— Если не возражаете, я хотел бы с глазу на глаз. Тут вокруг слишком много ушей.

Он снова глянул на меня с опаской.

— Да хоть скажите мне, о чем мы станем говорить. Я ведь вас впервые вижу.

— Не о чем, а о ком. О Колли Бэбкоке.

Он еще что-то проворчал, повернул немного свои накладные, после чего сделал мне знак идти в глубь склада, а сам пошел за мной по пятам. Мы прошли мимо белокрысого пареня в зеленом комбинезоне, грузившего с поддона в трейлер красиво упакованные металлические раковины. Я оглянулся на своего провожатого, но он не останавливался, пока мы не вошли через широкую двустворчатую дверь в следующий отсек склада. Там старик остановился и окликнул меня.

— Здесь можно поговорить спокойно.

— Колли работал под вашим началом, не правда ли?

— Правда. Как и все на этом складе.

— Расскажите о нем.

— Если вы ждете каких-то разоблачений или дополнительных улик, вы не туда пришли.

— Я вовсе этого не жду.

Он обмозговал мой ответ, потом пожал плечами.

— Право, не знаю, что и сказать. Разве что одно: Колли был хорошим работником. Делал все, что требовалось, без лишней суеты. Спокойный, выдержанный. Только, пожалуй, чересчур замкнутый. Но это, в конце концов, личное дело каждого.

— Вы знали о его темном прошлом?

— Знал. И все тут знал. И никто ему этого не поминал, ни разу. Да и хотел бы я посмотреть на того, кому бы вздумалось попрекнуть его. Я б такому первый голову открутил.

— Работа была ему по душе?

— Вполне, — сказал Хэрлин. — Ни разу от него не слышал, чтобы он жаловался или брюзжал. Если, конечно, вы это имеете в виду.

— Никаких трений с другими рабочими?

— Абсолютно. Он отлично со всеми ладил. Хотя тут есть парни, которым палец в рот не клади, и за словом они в карман не полезут.

Из недр склада раздался пронзительный гудок. Откуда-то выехал ярко-желтый автопогрузчик с громадной гроздьёй унитазов. Мы отступили, давая ему дорогу.

Я спросил Хэрлина:

— Что вы думаете о происшедшем?

— До сих пор не могу в это поверить, — ответил он. — И любой здесь скажет вам то же. Просто нелепость какая-то!

Я машинально кивнул.

— Послушайте, — вдруг сказал он, и глаза его оживились. — Есть ли, интересно, хоть какой-нибудь хилый шанс, ну, хоть полшанса, что Бэбкок не делал всего этого, в чем его хотят обвинить?.. О, только не надо повторять мне, что там писали эти паршивые газеты. Нужно ведь совершенно выжить из ума, чтобы верить им хотя бы на грош.

— И все-таки пока еще нельзя сказать, что это не

могло случиться, мистер Хэрлин, — ответил я ему.

— Что ж, рад был помочь, — сказал старик. — Заходите еще, если надо.

Я провел с полчаса в Публичной библиотеке, перелистывая недавние подшивки «Кроникл» и «Икзминер». Ограбления в Глен-Парке начались полтора месяца назад. До сих пор я интересовался ими не более чем другими событиями подобного рода, а их в городе вроде нашего хоть отбавляй.

После этого я вернулся к себе в офис и позвонил Люсиль Бэбкок.

— Полиция только что ушла, — сообщила она. — У них был ордер на обыск.

— Они что-нибудь нашли?

— Нечего было находить.

— Что они сказали?

— Они задали море вопросов. Интересовались банковским счетом. Сбережениями. В общем, всякими богатствами, припрятанными в чулке. Были крайне разочарованы.

— Ты полностью удовлетворила их любознательность?

— Разумеется.

— Вот и отлично, — сказал я и отчитался перед ней за все, что делал с утра.

— Вот видишь, — сказала она. — Не только я. Никто!

— Кроме полиции. Такая, знаешь ли, мелочь, — сказал я как можно мягче.

— Кроме полиции, — повторила она, но в голосе ее не было ненависти.

Я долго еще сидел с телефонной трубкой в руке. Я молчал, и Люсиль, уминая, тоже молчала. Потом я сказал ей, что буду звонить еще, и повесил трубку. Моя ладонь была вся мокрая от пота.

Я вытащил из пачки сигарету, но как назло куда-то запропастился спички. Я принялся искать их по всем ящикам своего стола, и в конце концов бросил сигарету, так и не закурив.

Я протянул руку к телефону, и вдруг он зазвонил. Я поднял трубку. Звонил Эберхардт.

— Как раз собирался звонить вам, — сказал я.

— А я безуспешно дозваниваюсь до вас уже битых два часа, — прогудел он.

— У вас для меня что-то новое?

— Будто вы не знаете.

— О'кей, — сказал я. — Где вы сейчас?

— Дома.

— Можно вас навестить?

— Если только в ближайшие полчаса, — ответил он крайне сурово. — Потом я ложусь дрыхнуть, и пусть все летит к чертовой матери. На ночь моя старуха имеет обыкновение заdraивать все двери и окна наглухо и отключает телефон.

Через двадцать минут, — сказал я и повесил трубку.

Эберхардт жил в Колингвуде, у подножия Твин-Пикс. Только лихач вроде меня мог пообещать оказаться там через двадцать минут. Тем более — выполнить обещание...

Домик у инспектора был маленький, белый и, вопреки ожиданиям, весьма милый. Гладко оштукатуренный, с аккуратным газоном и ровненько высаженными цветочками в палисаднике. Впрочем, я сразу подумал, что, если знать Эберхардта поближе, все это вполне вязалось с образом честного труженика, каким он, вне сомнения, был. Думаю, он и сам понимал это и черпал в этом неистощимое удовольствие.

Я припарковался у дома и постучал в дверь. Открывшая мне маленькая рыжеволосая женщина средних лет с ангельским долготерпением, написанным на лице, учтиво осведомилась о моем здоровье и не мешкая провела меня на кухню. После чего закрыла за мной дверь и больше не показывалась.

Эберхардт восседал за столом, курил трубку и попивал кофе. Поверх уже знакомого мне синяка на его глазу теперь красовалась профессионально наложенная повязка.

— Садитесь, — приказал он. — Хотите кофе?

— Спасибо, не откажусь.

Он пододвинул мне чашку. А потом скосил глаза на конверт из простой оберточной бумаги, лежавший на краю стола. В дальнейшем он только пощасывал свою трубку и делал вид, что ни меня, ни конверта здесь нет.

В конверте был рапорт двух патрульных. Их фамилии были Авинизи и Кэрстерс. Это они шлепнули Колли Бэбкока. Это на их глазах он хотел ограбить магазин. Я внимательно проштудировал весь рапорт и не нашел там ничего принципиально нового, кроме пары фраз под заголовком «Вещи, снятые с погибшего».

Дочитав, я сложил бумагу по прежним линиям сгиба, вложил в конверт и благоговейно опустил его на то самое место, где он до этого лежал. Будто никто его и не трогал.

— Ну как? — попыхивая трубкой, осведомился Эберхардт.

— Есть, знаете ли, одна мелочь. Так, штучка, не более того.

— А именно?

— В кармане его пальто они нашли пинтовую бутылку «Кесселерса». Бутылочка была завернута в бумажный пакет.

Инспектор пожал плечами.

— Что такого? Винный магазин. Взял да и сунул в карман, когда выходил.

— И перед этим положил ее в бумажный пакет...

— Мало ли что человеку взбредет в голову! — сказал он.

— Конечно, — сказал я.

Допил кофе и встал.

— Уже уходите?

— Да, знаете ли. Надо еще сегодня доделать кое-какие делишки.

— Теперь вы мой должник, — сказал он. — Не забывайте.

— Не беспокойтесь, — ответил я. — Мне случалось забывать только зло.

А теперь я с ходу воткнул нос своей машины в маленький парковочный дворик на Чинери-стрит, в полуквартале от того места, где обитали Люсиль и Колли Бэбкоки. Я немного прошелся под дождем, с удовольствием ощущая на лице его освежающий холод, и на негнущихся от усталости ногах прошагал к знакомой двери. Люсиль так проворно отворила дверь на мой стук, словно весь вечер караулила меня в прихожей. Их маленькая трехкомнатная квартирка теперь казалась непривычно просторной для нее одной.

Люсиль, похоже, не переезжала с утра. При взгляде на нее я подумал: наверное, весь этот день она провела в полном молчании и неподвижности, в пустой квартире с затворенными окнами.

Я с невыразимым удовольствием плюхнулся в старое продавленное кожаное кресло у окна. Люсиль спросила:

— Хочешь чего-нибудь?

Я помотал головой.

— А ты? — спросил я. — Хоть что-нибудь съела за целый день?

— Нет.

— Нужно обязательно поесть, Люсиль.

— Наверное. Потом...

Я вертел в руках шляпу, все не решаясь спросить ее кое о чем. Боюсь внушить ей надежды, которых потом не сумею оправдать. Была у меня одна мысль, но пока еще смутная, неоформившаяся — так, не-мысль, а мыслешка.

Мне показалось, что сейчас самый момент задать мой вопрос, не слишком рискуя растравить ее любопытство:

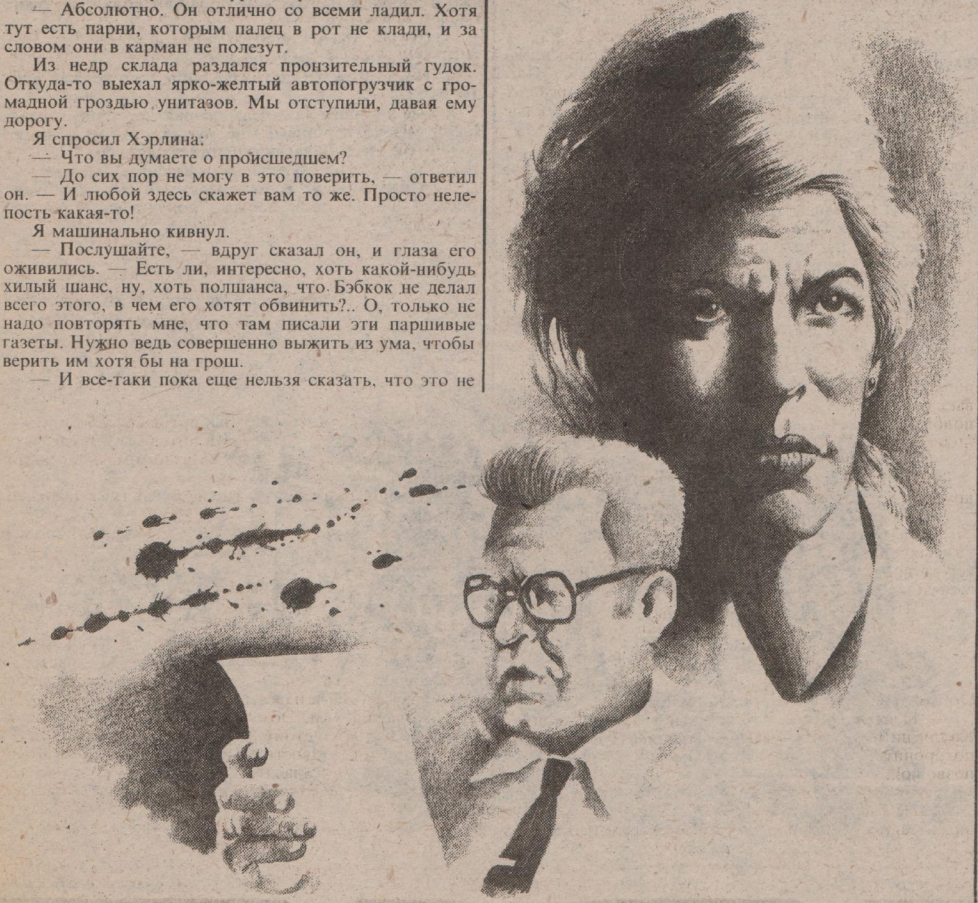
— Люсиль, ты говорила, что Колли любил прогуливаться по вечерам. Так вот, эти его прогулки, они происходили в каком-то определенном месте? Был ли у него какой-нибудь излюбленный маршрут?

— Нет, — ответила Люсиль. — Он просто любил бродить по улицам в одиночестве. Иногда ходил по часу или даже по два...

— Он рассказывал тебе по возвращении, где побывал на этот раз?

— Нет, он обычно отделялся общими словами. Вроде того, что слегка прошвырнулся тут, неподалеку от дома...

Хорошенькое неподалеку, подумал я. Аллея, где его

убили, находится в добрых одиннадцати кварталах отсюда. Конечно, при такой любви к прогулкам Колли мог пойти туда пешком, но восстановить его маршрут — задача не для слабых. Кроме кратчайшего пути найдется еще добрый десяток кружных.

Я сказал:

— Кажется, Колли любил взбодриться рюмочкой крепкого, когда возвращался с прогулки?

— Да, любил.

Я все еще крутил перед собой свою несчастную шляпу.

Хорошо бы и мне что-нибудь выпить, Люсиль.

Она кивнула, встала и подошла к низенькому шкафчику у кухонной двери. Нагнувшись, она открыла дверцу и стала искать внутри. Потом выпрямилась.

— Извини, Фил, — сказала она. — Оказывается, там ничего не осталось.

— Ничего, — успокоил я ее. — Все равно мне пора идти.

— Куда сейчас?..

— Да так, еще нужно кое-с кем поведаться.

— Ты ведь дашь мне знать, если будут новости, правда?

— Само собой.

Я помолчал.

— Да, вот еще, Люсиль. Не найдется ли у тебя фотокарточки Колли? Какой угодно. Ну, хоть моментального снимка.

— Есть, наверное, — она нахмурилась. — Зачем тебе?..

— Так, на всякий случай, — ответил я. — Мало ли какая ситуация. Мне ведь предстоит разговаривать с кучей разного народа.

Кажется, такое объяснение ее устроило.

— Пойду пошщу, — сказала она.

С минуту или две она возилась в спальне, потом вернулась с черно-белым моментальным фотоаппаратом Колли — голова да плечи, больше ничего. Снимок был явно сделан в той же гостиной, где мы сейчас были. Колли улыбался открыто, по-мальчишески, одна бровь была залитвась поднята.

Я поблагодарил Люсиль и бережно сунул карточку в записную книжку.

Когда я вышел за дверь, первой моей мыслью было, что у нас в Сан-Франциско начался всемирный потоп. Полчища дождевых капель, огромных, точно градины, хлестали по земле. Недалекие гремели приближающиеся раскаты грома. Я натянул пальто на голову и стремглав побежал к машине.

Войдя в магазин «Тэй-Ликерс», что на Уитни-стрит, я долго стирал с себя воду. Внутри на полочке у самой двери стоял электрообогреватель, и я позволил себе несколько мгновений бесплатно попользоваться его теплом.

За прилавком молодой человек в белой рубашке с бабочкой вскопился с табурета.

— Что-то сыровато сегодня на дворе, а? — сказал он.

Я обратился к нему:

— Не можете ли помочь мне в одном дельце?

— В чем трагедия? — спросил он. — Валайте, излагайте!

Я протянул ему через прилавок фотографию:

— Случалось вам видеть это лицо?

Он взглянул на меня уже посерьезнее.

— Из полиции? — осведомился он. Впрочем, тон его был по-прежнему вполне дружелюбный.

— Вроде того, — сказал я и показал ему свое удостоверение. Он пожал плечами и бросил взгляд на фото. Брови его сдвинулись в титанической мыслительной работе.

— Э! — сказал он. — Да, я видел этого парня...

Я весь почти дрожал от холода. Ей-ей, на улице было теплее, чем здесь, в магазине. Я пробродил по улицам Глен-Парка не меньше двух с половиной часов, посетив восемь винных магазинов, два ночных гастронома и шесть баров. И кажется, не прищес отсюда ничего, кроме простуды.

Продавец изучал фотографию.

— Жутко похож на того, что заходил сюда вчера вечером, — сказал он. — По всему видать, стреляный воробей.

— В какое время, помните?

— Примерно в полдвенадцатого.

Через пятнадцать минут Колли предстояло валиться с пулей в печени в трех с половиной кварталах отсюда.

— Он что-нибудь купил у вас? — спросил я.

— Сейчас вспомню, — сказал парень. — Он взял pintу виски. По умеренной цене, но и не самого дешевого.

— «Кесслерс»?

— Да, оно самое! «Кесслерс».

— Что ж, спасибо. Вы мне очень помогли, — сказал я продавцу. — Как вас зовут?

— Э, нет, погодите-ка, — запротестовал он. — Мне что-то не больно охота впутываться...

— Не беспокойтесь, — сказал я. — Никуда вы не впутываетесь, можете мне поверить. Вы просто сделали доброе дело. К тому же это вам ровно ничего не стоило, а такая удача редко кому выпадает.

Слегка еще сомневаясь, следует ли это делать, он дал мне свое имя и адрес. Пришлось потратить на него еще минут пять, уговаривая его ничего не брать в голову.

Зато теперь я располагал чем-то большим, чем обыкновенная догадка...

Эберхардт сказал:

— За такое, вообще говоря, не грех и врезать по шее пару раз...

Он только что выполз из спальни, заспанный и всклокоченный, еле волоча ноги, в купальном халате, накинутом поверх ночной пижамы. Из-за его спины выглядывала жена.

Я поднял руки вверх.

— Простите ради Бога, Эб, — сказал я. — Такой свиньи, как я, в самом деле свет не видывал. Когда-нибудь в другой раз я готов понести наказание. Но сегодня это не может ждать.

Он пробормотал еще что-то, чего я не расслышал, но хорошо расслышала его жена. Она неодобрительно хлопнула его ладонью по руке, затем повернулась и привычно исчезла.

Эберхардт плюхнулся на кушетку, пригладил волосы пальцами и уставился на меня, постепенно просыпаясь на глазах:

— Ну! Я надеюсь, Сент-Квентин не рухнул?

— Из-за такой бездельицы я не осмелился бы нарушать вам сон. Видите ли, Колли Бэбкок...

— Послушайте! — завопил он. — Уж если вам что втемашится в голову, то, видно, никакой кувалдой не вышибешь...

— Неправда, — сказал я. — Случалось, что вышибали, и вы это отлично знаете. Но в этот раз, кажется, Бог миловал...

И я рассказал ему все, что услышал в «Тэй-Ликерс».

Он задумался.

— Ой, боюсь, не много это нам даст, — выдал он в конце концов. — Ну и что, подумаешь! Купил бутылку там, а не здесь...

— Эб, — сказал я с укоризной, — поскорее просыпайтесь. Вы, похоже, сова, а не жаворонок. В таком случае давайте считать, что сейчас скорее еще вечер, чем уже утро, иначе нас с вами ничем не договориться. Значит, так: человек, решившийся ограбить винный магазин, за пятнадцать минут до того заходит в другой такой же магазин и мирно прикупает бутылочку...

— Возможность для кражи могла подвернуться внезапно.

— Исключено. Это не в манере Колли, когда он был вором. Он работал серьезно, всегда готовился задолго, обдумывал все до мелочей.

— Он постарел с тех пор, — упорствовал Эберхардт. — С годами все люди меняются, и воры тоже...

Что ж, он впрямь был так говорить. Что я мог с ним поделаться? Но меня поддерживало одно: он не знал Колли, а я знал. И я решил не сдаваться.

— Да, Эб, есть еще одна зацепка. И серьезная.

— Ну?

— Речь идет о старых грехах Колли. Я читал те дела. Они все однотипные, Эб. Все его кражи похожи одна на другую. Взломан черный ход, грубые следы на замке и дверном косяке. Ломик или что-нибудь наподобие ломика...

Мы помолчали.

— Эб, — сказал я, — в этом случае тоже сработали какой-то железной. Но вот только куда она запропастилась?..

— Может, он от нее избавился.

— Когда ему было успеть? У него не было лишней секунды. Он вылез из магазина — тут они его и застукали.

Эберхардт вытер губы рукавом. Кажется, я начал завоевывать его интерес.

— Продолжайте, — буркнул он.

— Итак, все как при обычных налетах, — оживился я. — Дверь взломана, ящики обшарены и частично опустошены, бумаги разбросаны. Никаких отпечатков пальцев. И все равно невысыном отдаст любительством. Это почерк дилетанта, Эб!

Он поскреб ногтями шетину на подбородке.

— А ваш Колли был профессионал?

— Во всяком случае, он мог проделать все то же самое без сучка без задоринки. Он был опрятный и точный. Он не рылся в ящиках наугад. Он знал, куда

шел и зачем. Так бывало всегда, Эб. Во всех случаях, которые можно с достоверностью приписать ему!

Эберхардт встал и подошел к занавешенному окну. — Короче. Что вы думаете обо всем этом? — спросил он, стоя ко мне спиной.

— Эб, сдается мне, вы уже сами догадались обо всем, что я думаю, — ответил я.

Он помолчал еще. А потом сказал:

— Я-то понимаю. Но мне это не нравится. Совсем не нравится.

— А Колли? — сказал я. — Ему бы понравилось?

Эберхардт резко повернулся и пошел к телефону. Он долго говорил с кем-то, потом еще с кем-то. Потом повесил трубку и скинул халат. Но на пороге вдруг остановился.

— Хотите поехать со мной? — спросил он.

— Нет, — сказал я. — Это ведь не моя работа, а ваша.

Он сердито посмотрел на меня:

— Надеюсь все-таки, что ваша версия неверна.

— Не надейтесь, — ответил я.

Тремя часами позже в моей квартире зазвонил телефон. Я не спал. Я курил. Немного полюбившись тенью на стене от абажура, я дал телефонному звонку потрудиться, а потом снял трубку. Вы были правы, — без предисловий сообщил Эберхардт.

У меня сбилось дыхание.

— Авинизи и Кэрстерс, — сказал он. Голос у него был очень расстроженный. — Они в полиции недавно, чуть больше года. Старая песня: работа тяжелая, зарплата маленькая... Они задумали эту хитрость во время одного из дежурств. Сначала все выходило по их сценарию. В самом деле: ну кому придет в голову подозревать патрульных полицейских?

— Поверьте, мне очень жаль, Эб, — сказал я.

— Мне тоже, — отозвался он.

— У вас теперь уйма работы?

— Да, как обычно.

— А как насчет Колли?

— Он шел совсем другой дорогой. Но, к своему несчастью, дорогу он выбрал самую неудачную. Она пересекла эту самую аллею в тот самый момент, когда они — а вовсе не он — выходили из служебной двери магазина. Они вылезли прямо на него, нос к носу. Он сразу смекнул, чем это пахнет, и хотел убежать, и тогда они запаниковали и подняли стрельбу. Со второго выстрела Авинизи попал в него. А когда они вернулись в отделение, Кэрстерс вспомнил его лицо по полицейским фотографиям. Там у них как раз сейчас новобранцы приводят в порядок архивы...

— Так у них появился шанс выйти из воды сухими, — сказал я.

— Вот именно, — подтвердил инспектор. — Послушайте, Эб... начал я.

— Отстаньте, — сказал он. — Забудьте. Знаю, что вы хотите сказать.

— Думаю, что не совсем, — заметил я. — Хочу я сказать вот что: наверное, вам тайне приятно хоть раз в жизни проделать это с кем-то из них. Простите, если лезу вам в печеньки.

— Сказал, хватит об этом, и баста!

— Ну, хорошо. До свидания, Эб.

— Пока. Можете спать спокойно, чего не скажешь обо мне.

Я еще немного посидел, слушая короткие гудки. Какой, однако, паршивый мир, думал я. Но временами и в нем что-то заканчивается правильно.

Оставалось только позвонить Люсиль.

Если в похоронах вообще может быть что-нибудь хорошее, то у Колли Бэбкока получились хорошие похороны.

Сокращенный перевод с английского
Михаила САЛОПА

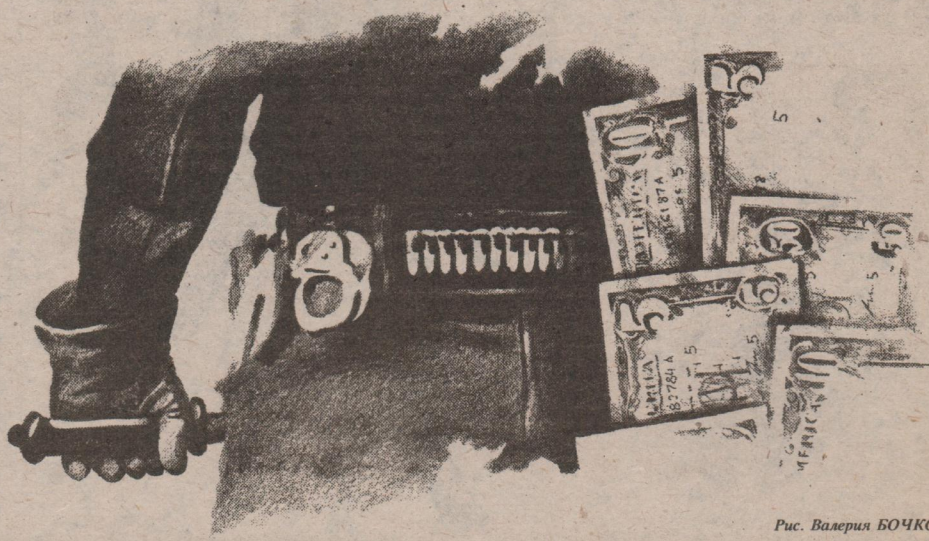

Рис. Валерия БОЧКОВА

КАЖДЫЙ
ИЗ ТЫСЯЧИ
НАШИХ КЛИЕНТОВ —
ЕДИНСТВЕННЫЙ

ОФИЦИАЛЬНАЯ
ХРОНИКА

С 13 по 19 мая 1991 года в конференц-зале московской гостиницы «Союз» проходили заседания Исполкома Международной ассоциации детективного и политического романа (МАДПР). Созданная по инициативе советского писателя Юлиана Семенова в 1986 году в Гаване Международная ассоциация детективного и политического романа объединяет сегодня более 1400 писателей этого жанра из 24 стран.

Московский Исполком МАДПР, который проходил под председательством Президента ассоциации мексиканского писателя Пако Игнасио Тайбо II, с удовлетворением оценил работу МАДПР за прошедший год. Помимо роста численности ассоциации теснее стали связи между писателями и издателями разных стран, а это, в свою очередь, способствовало распространению качественной детективной литературы во всем мире.

Обсуждая финансовое положение ассоциации, московский Исполком МАДПР принял решение о создании специального фонда помощи бедствующим писателям и писателям из стран третьего мира.

Рассматривая вопросы авторского права, московский Исполком МАДПР еще раз подтвердил приверженность принципам беспристрастного распространения детективной литературы во всем мире, открытость к любому рода издательским контактам и в то же время неприятие издательского пиратства, которое, к сожалению, еще существует в некоторых странах Восточной Европы.

В связи со сложными политическими процессами,

происходящими сегодня в СССР, возникновением ряда новых ассоциаций детективного и политического романа на территории Советского Союза Исполком МАДПР принял решение о наделении Московской штаб-квартиры МАДПР функциями регионального координатора МАДПР в отношении СССР. Исполком МАДПР предложил Московской штаб-квартире представлять интересы писателей — членов ассоциации на территории Советского Союза и принял решение о создании при МШК МАДПР Совета представителей Ассоциаций писателей детективного и политического романа, действующих на территории СССР.

Исполком МАДПР одобрил решение директората Московской штаб-квартиры МАДПР о назначении на должность шеф-директора МШК МАДПР члена Исполкома МАДПР А. Г. Боровика на период болезни Почетного Президента-основателя МАДПР

Ю. С. Семенова. Исполком направил приветственное послание в адрес Юлиана Семенова и пожелал ему скорейшего выздоровления.

В рамках состоявшегося в Москве Исполкома МАДПР проходили многочисленные встречи писателей с советскими издателями, в Центральном Доме журналистов прошла неделя детективного кино, а 16 мая в Центральном Доме кинематографистов состоялся праздник газеты «Совершенно секретно».

Место проведения очередного Исполкома МАДПР пока не определено. Принять писателей детективного жанра уже выразили желание Гавана (Куба), Хихон (Испания) и Торонто (Канада).

Редакция «Совершенно секретно» благодарит за помощь в организации праздника нашей газеты:

Запорожское производственное объединение «АвтоЗАЗ»,

Российскую товарно-сырьевую биржу

Росагробиржу,

Компанию «Coca-Cola»,

Ассоциацию малых предприятий «Правопорядок».

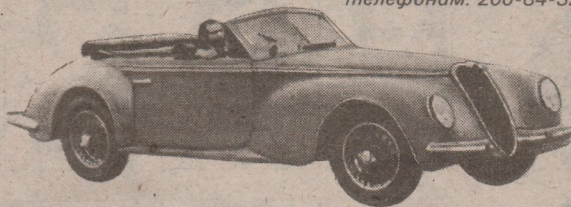
ПРАВОПОРЯДОК

Ассоциация малых предприятий «Правопорядок» возьмет на себя Ваши проблемы по охране предприятия, наведению общественного порядка на территории, перевозке финансовых и материальных средств, личной безопасности. Работники ассоциации — это профессионалы высокого класса из числа бывших сотрудников спецподразделений. Оплата в рублях. Телефон дежурной части: 270-92-40 (круглосуточно), 276-43-13

Внимание: розыск!

В период с февраля по май 1991 года в Москве неизвестными лицами из гаража была похищена единственная в Советском Союзе, представляющая историческую и культурную ценность, автомашина марки «Альфа-Ромео-6 с-2500S» красного цвета, 1940 года выпуска, производства Италии.

МУР обращается с просьбой ко всем, кто может помочь в розыске, позвонить по телефонам: 200-84-32, 200-96-94.

Почетный Президент-основатель Юлиан СЕМЕНОВ

Редакционная:

Артём БОРОВИК, главный редактор
Александр БЕНЕНСОН, зам. главного редактора
Михаил ШЕСТОПАЛ, главный художник
Владимир ДОБИН, ответственный секретарь
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
Евгений ДОДОЛЕВ
Дмитрий ЛИХАНОВ
Елена СВЕТЛОВА
Евгения СТОЯНОВСКАЯ
Вера ЧЕРНИКОВА

Редакционный совет:

Майк Андерле (Австрия)
Виктор БАНЛАКИ (Венгрия)
Александр БЕЛЯЕВ
Карл Арне БЛОМ (Швеция)
Алоиз БРЕНЧ
Ролан БЫКОВ
Аркадий ВАЙНЕР
Микола ВИНГРАНОВСКИЙ
Геннадий ЛИСИЧКИН
Анатолий ЛЫСЕНКО
Хуан МАДРИД (Испания)
Николай МИТРОФАНОВ
Вячеслав ПАНКИН
Роджер САЙМОН (США)
Мартин Круз СМИТ (США)
Олжас СУЛЕЙМЕНОВ
Рафаэль Р. ЭРРЕДИА (Мексика)

Любовь ПЕШКУНОВА, зам. ответственного секретаря

Художественный редактор Владимир ПОМОЧИЛИН
Технический редактор Татьяна КОИРАНСКАЯ
Корректор Татьяна ПОЛЕНОВА

Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Во всех случаях типографского брака обращаться в типографию, указанные в выходных данных.

Московская штаб-квартира Международной ассоциации «Детектив и политика» (МАДПР) 1991

Адрес: 119021, Москва, Зубовский бульвар, 4, ИАН
Московская штаб-квартира МАДПР

Ежемесячник «Совершенно секретно»
Тел.: 291-98-62; 202-20-11
Телекс 411323 Факс 2302170
Подписано к печати 10.06.91

ОПЕЧАТАНО ТИПОГРАФИЕЙ «ВСП» ПРИ СОДЕЙСТВИИ ВОСТ-СИБ. ОТДЕЛЕНИЯ «ЗОРГЕ» Г. ИРКУТСК

Тираж 100 000 экз.

В следующих номерах «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО» читайте:

Братья ВАЙНЕРЫ. Евангелие от палача

Катакомбная церковь: страницы трагедии

Дьявол во плоти